

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 2 (260)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 2 (260). – 172 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

- О. Гаман-Голутвина.* Российские элиты в современной
номадической цивилизации 5
- И. Добаев, Н. Анисимова, Р. Гаджибеков.* Этапы и перспек-
тивы радикализации ислама в Российской Федерации 21

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- М. Аствацатурова.* Межэтнические противоречия
и конфликты в Ставропольском крае 36
- А. Баранов.* Проблема репатриации сирийских черкесов
на Российский Кавказ: Политико-конфликтологический
аспект 43
- А. Степкина.* Каспийский регион в процессах
глобализации 53
- Д. Александров, И. Ипполитов, Д. Попов.* «Мягкая сила»
как инструмент американской политики
в Центральной Азии. Казахстан 62
- Е. ИONOва.* Активизация России в Центральной Азии
и российско-киргизские отношения 81
- Х. Хушкaдaмoвa.* Гендерные аспекты рынка труда
в Таджикистане 87
- С. Олимова, М. Олимов.* Проблема 2014 года: Взгляд
из Центральной Азии 97

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Г. Исаев.</i> Россия и Египет: Политические элиты в «революционных процессах»	106
<i>И. Иванова.</i> Региональные и внешние акторы. Турция. (Окончание)	123
<i>А. Борисов.</i> Внешняя политика Катара.....	133
<i>Р. Лиожье.</i> Миф об исламизации. Европа как лаборатория модернизации ислама	142

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Г. Сеидова.</i> Ислам и глобализация: За и против	150
<i>С. Кимпаев, С. Измайлова.</i> Прозелитизм в исламе	162

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

О. Гаман-Голутвина,
доктор политических наук (МГИМО (У) МИД России)
**РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ
В СОВРЕМЕННОЙ НОМАДИЧЕСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Исследования элит традиционно выступают фокусом изучения политических процессов на постсоветском пространстве. Обычно предметом рассмотрения являются структурно-функциональные характеристики или персональный состав властных групп. Доминирование структурно-функциональных дискурсов в изучении российских элит и востребованность этой очевидно актуальной оптики в прикладном плане оставляли «за кадром» глубинные пласты смысложизненных ориентаций и базовых мотивационных установок властных групп. Решение значительного числа «структурно-функциональных» исследовательских задач актуализирует рассмотрение этих фундаментальных характеристик, поскольку именно они определяют феноменологию политического поведения – управленческие стратегии, стили лидерства и принятия решений, оси кристаллизации субэлитных сообществ, модели внутриэлитных отношений и взаимодействий по оси «элиты – массы». Или, говоря языком Аристотеля, понимание *физики* процесса ставит на повестку *метафизические* задачи. Рассмотрению исторического контекста изменения качеств элитных групп и мотивов поведения российских политиков современной генерации посвящена данная статья.

Наиболее обсуждаемый концепт в постсоветском дискурсе и одновременно лакмусовая бумажка качества человеческого потенциала постсоветских элит последних лет – это концепт модернизации. Впрочем, на постсоветском пространстве модернизация стала феноменом скорее сознания, чем бытия. В качестве причин неудач модернизации на постсоветском пространстве называются струк-

турные проблемы экономики, финансовый кризис и даже природно-климатические катаклизмы. Однако, на наш взгляд, причины неудач модернизационных проектов на постсоветском пространстве во многом определены слабостью модернизационных ценностей и установок в структуре мотивационных характеристик элит, т.е. специфическими характеристиками именно человеческого капитала элит. Базовые установки последних во многом определили конфигурацию конкретных проявлений неэффективности систем государственного управления на постсоветском пространстве. Речь идет о специфике рекрутинга и ротации административно-политической бюрократии (практически повсеместное доминирование патрон-клиентных отношений и доминирование клановой матрицы в формировании элит, нивелировка меритократических принципов, фактическое отсутствие концептуально выстроенной системы подготовки кадров, непропорционально высокое влияние партикулярных интересов по отношению к государственным, неоптимальность отношений управленческой бюрократии с крупным бизнесом, высокая степень внутриэлитной конфликтности и др.). Особо негативную роль играют патрон-клиентные отношения в процессах рекрутинга элит. Несмотря на амбивалентность данного феномена (об этом свидетельствует, например, опыт Сингапура, где патрон-клиентные связи бизнеса и бюрократии не помешали модернизации), на постсоветском пространстве клиентелизм выступает деформирующим фактором. В чем истоки модернизационной слабости постсоветских элит?

Полагаем, что помимо конкретно-управленческих измерений проблема слабости модернизационных мотиваций элит имеет и исторические измерения. В чем они?

Пролить свет на данную проблему могут помочь положения теории этногенеза Л.Г. Гумилёва, и прежде всего ключевое положение этой теории – идея стадильности изменений социальных групп и их лидеров, об изменяющемся характере вклада социальных акторов в историко-политический процесс, о преходящем характере взлетов и падений отдельных индивидуумов и целых народов.

Попытки найти объяснение неравномерности исторического развития, связав эту стадильность с качеством человеческого измерения исторического процесса, побудили Л.Н. Гумилёва предложить понятие *пассионарности* как русскоязычный эквивалент термина *drive*. Он был призван определить кумулятивный результат действия этнологических, географических и исторических де-

терминант как «фактор икс», приводящий в движение народы¹: «Пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения»². Рассматривая примеры известных пассионариев – Александра Македонского, Наполеона, Люция Корнелия Суллы, Жанны д'Арк, Яна Гуса, протопопы Аввакума, – Л.Н. Гумилёв показал, что дело не в личном «героизме», а в создании этнической доминанты, которая организует пассионарность системы и направляет ее к намеченной цели³: «Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения»⁴; «Не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарности»⁵.

В рамках данной методологической гипотезы находит разрешение дилемма «герой или массы» в качестве субъекта политического действия. Ключевая роль в истории принадлежит, несомненно, выдающимся личностям, однако из этого следует не игнорирование роли масштабных социальных групп, а констатация их опосредованного участия: большое сообщество становится субъектом благодаря своей избыточной энергетике (пассионарности), что проявляется в выдвижении крупных исторических деятелей, призванных и способных к реализации масштабных исторических задач. Со всей определенностью можно констатировать глубинную связь между сообществом в целом⁶ и масштабом лидеров. Причем порой энергичные социальные движения возникают из-за незначительных поводов, просто давая выход плещущей через край энергии молодого этноса: «Способ поддержания целостности системы зависит от эпохи, точнее от фазы этногенеза. В молодых системах

---

¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1990. – С. 260.

² Там же. – С. 266.

³ Там же.

⁴ Там же – С. 273.

⁵ Там же – С. 270.

⁶ Для его определения Л. Гумилёв употреблял не вполне удачную конструкцию этноса: «Этнос – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы... реальную этническую целостность мы можем определить как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями» (см.: Гумилёв Л.Н. Указ. соч. – С. 103).

элементы контактируют весьма напряженно... страстно, что и вызывает столкновения. Часто кровавые распри не несут ни идейного, ни классового смысла, происходя в пределах одного социального слоя»¹.

Концепция этногенеза Л.Н. Гумилёва стала развитием имевших место в более ранних памятниках социальной философии попыток понять природу энергии, лежавшей в основе поступков выдающихся личностей и целых народов. В частности, Г.В.Ф. Гегель писал в «Философии истории»: «...ничто великое в мире не совершалось без страсти». Немало страниц рассмотрению роли индивидуальных страстей в развитии исторического процесса, в том числе включая самые низменные страсти, как «алчное стремление к богатству», приведшее к возникновению антагонистической социально-классовой структуры общества, посвятил Ф. Энгельс в известной работе о происхождении семьи, частной собственности и государства. Известный французский историк О. Тьерри оставил описание наблюдавшихся в истории мощных общественных движений, ведомых мощной энергией, не всегда осознаваемой: «Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе отчета в той силе, которая их толкает. Они идут, движимые инстинктом, и продвигаются к цели, не пытаясь ее точно определить. Если судить поверхностно, то можно подумать, что они слепо следуют частным интересам какого-нибудь вождя, имя которого только и остается в истории. Но эти имена получают известность только потому, что они служат центром притяжения для большого количества людей...» (Тьерри О. Избранные сочинения. – М., 1937. С. 255).

Отмеченные подъемы, как правило, сменяются спадами, а на смену титанам во главе государств на этапе их восхождения приходят пигмеи в эпоху упадка.

Возвращаясь к реалиям постсоветской политики, можно сказать, что предельно лаконичной характеристикой нынешнего периода эволюции постсоветских элит является его определение как *постимперского этапа*.

Распад ставшего преемницей Российской империи СССР в высшей точке его могущества в немалой степени был инициирован самой отечественной элитой – позднесоветской номенклатурой. И если логика действий руководителей национальных рес-

---

¹ Гумилёв Л.Н. Указ. соч. – С. 261.

публик в составе СССР очевидна – обретение независимой от Москвы легитимности, – то не вполне логичный с формальной точки зрения добровольный отказ центральной элиты от власти во многом был определен особенностями внутренней организации, ментальности и установок сознания отечественной элиты конца 1980-х годов. Именно эти особенности сыграли ключевую роль в определении судьбы страны.

Полагаю, что тремя китами любой империи являются собственный «Большой проект», избыточная энергетика населения (пассионарность – как витальная, так и метафизическая) и эффективные технологии рекрутирования имперской элиты, осознающей свою миссию. Совокупность перечисленных факторов составляет метафизическое пространство империи, вне которого невозможно ее физическое тело.

Первым собственным значимым историсофским имперским проектом стал проект «Москва – Третий Рим». Впоследствии этот проект обретал различные версии, одной из которых стал III Интернационал. Не случайно Н. Бердяев писал, что вместо Третьего Рима в России удалось осуществить III Интернационал. Особенность историсофской доктрины Российской империи (после 1917 г. в формате СССР) – установка на развитие: «рука Москвы» была тяжелой и жесткой, но на периферийных территориях она выполняла функцию модернизации. Определенные аналогии в этом можно провести и с империей Британской: несмотря на чудовищные издержки имперского строительства, империя не рассматривалась британцами исключительно как источник наживы – ее воспринимали как взаимосвязанное сообщество. Сложившееся в середине XIX в. представление о «бремени белого человека» сформировалось не в последнюю очередь как оправдание цивилизаторской – модернизационной – миссии.

Что касается энергетики населения, то именно пассионарность и эффективная энергетика населения России на протяжении веков выступали неиссякающим ресурсом, необходимым «горючим материалом» исторического движения страны. Однако, похоже, безжалостный к России XX в. истощил доселе бездонный ресурс исторической энергии: несколько революций, форсированная системная модернизация страны и победа в самой кровавой из войн потребовали таких усилий, что поставили население страны на грань психологического и физического выживания на рубеже тысячелетий.

Но важнейшие причины, определившие специфику постимперской эволюции России, коренятся в особенностях формирования и ментальности ее политического класса.

Специфика российской элиты была определена характером, условиями и темпами имперского строительства в России. Важнейшим по значимости фактором стали особенности территориального строительства Российской империи. Вызов пространства – «собрание земель», необходимость освоения и консолидации огромных территорий – наиглавнейший вызов любой империи, однако в случае Руси-России территориальный вызов оказался не просто одним из вызовов – он стал смысловой доминантой в процессе государственного строительства и источником легитимности власти.

Динамика территориального расширения в процессе создания Российской империи была беспрецедентной. Только в период с середины XVI в. и до конца XVII в. Москва ежегодно в среднем приобретала земли, равные площади современной Голландии (150 лет подряд!). К началу XVII в. Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII в. Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы (А. Тойнби впоследствии написал, что присоединение Сибири стоило России цивилизации...). К середине XVII в. Российское государство стало самым большим государством в мире, а к середине XVIII в. территория России по сравнению с Московским княжеством начала правления Ивана III увеличилась более чем в 50 раз, составив шестую часть обитаемой суши: Российская империя по величине территории вышла на второе место после Британской. Таким образом, процесс территориального расширения предстал базовым фактом русской истории: «...история России есть история страны, которая колонизируется» (Ключевский В.О. Сочинения: В 8 т. – М., 1956. Т. 1. С. 31).

По сути, правящий слой России на протяжении последних пяти веков складывался как геократия – слой, призванный собирать земли и управлять ими. (Термин *геократия* используется также Д.Н. Замятиным, но с другим смысловым наполнением: для обозначения той неопределенной когнитивной ситуации, которая сложилась в результате осмысления роли географического пространства в истории России и российской цивилизации. См.: Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Пространство российского федерализма // Полис. 2000. № 5. С. 98–110.) Другим, не менее важным фактором стала необходимость защищать завоеванные земли. Описывая по-

литический строй Московского государства, В. Ключевский отмечал, что этот своеобразный склад государственного порядка «объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа». Россия значительную часть своей истории провела в оборонительных войнах, что дало основание В. Ключевскому уподобить Московское государство вооруженному лагерю.

Для понимания роли пространства для российской элиты в историческом прошлом следует вспомнить мысль Ф. Ницше о внешнем и внутреннем пространстве: внешнее пространство составляет формальные структуры – социальные, политические и т.п., тогда как внутреннее пространство вбирает в себя важнейшие области духовной сферы, язык, сознание и т.п. В результате сложения факторов мощного по масштабу и стремительности территориального расширения Руси-России и необходимости ее защиты территория-земля стала и внешним, и внутренним пространством российской элиты. Более того, собиравание земель и их защита предстали фактором легитимности российской власти, которая выступала в качестве основного инициатора территориального расширения: «Главная особенность российской колонизации заключается в том, что ее стимулятором, организатором, регулятором был “центр”, средоточие власти. И массовое перемещение населения из центральных губерний на просторы Сибири могло осуществляться лишь после того, как эти просторы были “завоеваны”, стратифицированы, поглощены властью. Именно по наущению или с ведома “центра” или поставленных им в главных сибирских городах воевод или поддерживаемых и стимулируемых властью промышленников снаряжались лихие землепроходческие экспедиции вроде походов Семена Дежнёва, Ерофея Хабарова или Василия Пояркова. Все оставленные ими на географической карте отметины... не только объявлялись принадлежащими московскому государю, но и геополитически привязывались к одному из центров власти – не к Москве непосредственно, так к Якутску, где сидел царский воевода, т.е. становились микрокосмами, а затем и локусами власти...» (Королёв С.А. Бесконечное пространство. – М., 1997. С. 33). Таким образом, пространство предстало подлинным фактором легитимации российской власти в историческом прошлом.

Территориальное расширение в столь значительных масштабах, такими темпами при бедности государственной казны и перманентных внешних угрозах (не случайно русский историк Сергей

Соловьёв применительно к России употреблял выражения «бедная страна», «бедный народ») требовало запредельного напряжения сил и населения, и элиты. Не случайно именно с петровских времен берет начало многовековой спор сторонников расширения территории страны и приверженцев сдержанности в расширении границ государства – спор, актуализировавшийся в советскую эпоху.

В условиях подобного имперского строительства России рекрутирование властного класса, начиная с XV в., было выстроено по «служилому лекалу», основанному на принципе «привилегии – за службу государству». Этот принцип предполагал наделение управленческого класса государства – его политической элиты – временными привилегиями как вознаграждение за несение службы государству. Поэтому в качестве политической элиты России на протяжении пяти веков выступал высший эшелон административно-политической бюрократии. Сложившись еще в Московском государстве, этот принцип благодаря реформам Петра I стал технологией выстраивания политических конструкций Российской империи. Можно с определенностью сказать, что имперская элита в России началась с отказа от принципов местничества и принципа землевладения в пользу «служилого критерия».

Этот критерий не случайно стал основанием системы рекрутирования власти: привилегии были «пряником», необходимым для привлечения на государственную службу, поскольку последняя в условиях России порой была весьма далека от положения праздного класса. Более того, Василий Ключевский констатировал, что в России обязательные государственные повинности падали на высшие служилые классы порой с наибольшей тяжестью.

Положение российского политического класса действительно было весьма далеко от статуса подлинной элиты, что определило востребованность формирования российского властного класса по принципу наделения временными, на условиях несения службы государству, привилегиями. На основе этого принципа формировалось боярство в Московском государстве, дворянство и имперская бюрократия в Российской империи, партийно-хозяйственная номенклатура в СССР. Этот «сквозной» исторический принцип формирования российской элиты определял перманентность ее стремления обрести передающиеся по наследству, а не временные и увязанные с несением службы государству, привилегии. В этом контексте можно упомянуть Манифест о вольности дворянства Петра III (1762), подтвержденный Жалованной грамотой дворянству Екатерины II (1785). Обретение полноценных привилегий в 1990-е

годы стало революцией элит в качестве сообщества, нацеленного на реализацию партикулярных интересов и частных целей (не случайно тогда термин «элиты» побил рекорд по степени употребления). Более того, собственность стала основанием рекрутирования во власть. Произошла приватизация не только государства, но и статуса элиты. Из носителя миссии она стала частным субъектом. Создание империи – акт «длинной» исторической воли, требующий пассионарности, страсти. Но страсть истощает. Имперская элита устала от имперского бремени, а распад территории стал материализацией отказа имперской элиты от имперской миссии – «страсть истощает».

Не исключено, что отказ элиты от миссии и истощение пассионарности общества не имели бы столь эпохальных для страны последствий и глобального контекста, если бы не совпали с глубокой трансформацией. Эта трансформация многоаспектна, но в данном контексте затронем только два из ее измерений, а именно: ослабление привязки национальных политических и экономических акторов к «месту приписки» и всеобъемлющую маркетизацию системы общественных отношений.

Одним из первых характеристику философско-политических последствий первой из отмеченных трансформаций представил еще в начале 1990-х годов многолетний советник президента Франции Ф. Миттерана, бывший глава Европейского банка реконструкции и развития, автор десятка книг французский экономист и политолог Жак Аттали в работе «На пороге нового тысячелетия». Ж. Аттали определил рождающийся на рубеже XX–XXI вв. новый этап цивилизационного развития как «цивилизацию кочевников». Принципиальным отличием этой цивилизации становится изобретение и широкомасштабное внедрение в обиход компактных мобильных предметов и технологий, использование которых будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье: «Привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций, станут освобожденными, наделенными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами – своим народом, своими ближними. ...Культура выбора, соединенная с логикой рынка, выделит для человека средства достижения беспрецедентной степени личной автономии. Владение кочевыми предметами (или доступ к ним) будет повсюду рассматриваться как признак

свободы и могущества» (Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. – М., 1993).

Другим, но близким концептом, предложенным для характеристики новой эпохи, является понятие «текущей современности» как динамического потока времени-пространства, ключевыми акторами которой становятся дисперсно организованные, малозаметные властители, не привязанные к определенной территории – в отличие от массовых групп, определенно идентифицирующих себя с территорией-государством. Важнейшей характеристикой элиты новой эпохи становится мобильность (Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004; Его же. Текущая современность. – СПб., 2008). Для определения этой новой генерации А. Неклесса предложил удачный термин – «люди воздуха»: «К усложнившейся и модифицированной системе власти получает доступ генерация “людей воздуха”, тесно связанная с постиндустриальным (нематериальным, эфирным) производством» (Неклесса А.И. Люди воздуха, или Кто строит мир? – М., 2005. С. 22). Этот новый субъект по определению глобален и «не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков» (Десягин М.Г. Глобальный управляющий класс // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 74).

Российская элита довольно легко вписалась в отмеченную тенденцию. Платой за приватизацию статуса элиты и обретение прежним служилым классом сопутствующих этой приватизации беспрецедентных по масштабу привилегий (передающихся по наследству, а не увязанных со службой государству) и стал отказ постсоветских элит на исходе XX в. от модернизационной миссии и «сброс» территорий. Территория утратила статус фактора легитимации, таковым стал скорее фактор экстерриториальности. Российские элиты в значительной мере предстали органическим элементом номадической генерации современных элит, легитимация которых увязана с органичностью их интеграции в глобальные сообщества.

Однако в оценке отказа от модернизационной миссии элит автор далек от обличительного пафоса, как минимум, потому, что ответственность за судьбу страны несут не только элиты, но и общество: каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Качество руководящего слоя есть лакмусовая бумага качества общества. Кризис лидерства – верный признак упадка нации. Тяжелейшего, но временного и преодолимого или окончательного – вопрос открытый... В «Философии истории» Гегель разделял на-

роды на исторические и неисторические. Предназначение первых – воплощение воли мирового духа (или «смысла истории» в терминологии Карла Ясперса) на различных этапах истории. Выполнив историческую миссию, народ может перейти в статус неисторического. Хочется думать, что применительно к евразийскому пространству этот исход не предрешен.

Что касается второго аспекта трансформации, то рубеж XX–XXI вв. (не только в России, но в мире в целом) стал переходом к нестационарной системе социальных связей и радикальной перемене значения политики и экономики, когда важнейшей доминантой социальной организации предстала широкомасштабная маркетизация системы общественных отношений. Применительно к сфере политики эта трансформация нашла выражение в превращении политики в сферу бизнеса и формировании политических рынков как разновидности экономических рынков, основанных на принципах прямого обмена спроса и предложения. Причем последние понимаются не просто как специфика современных электоральных кампаний, представших, в том числе, как коммерческий процесс, а как глубинная трансформация системы отношений между управляющими и управляемыми. Данная трансформация затронула системы государственного управления: современные государства обрели сервисный формат, сближающий их со сферой коммерческого обслуживания.

Сказанное означает принципиальное изменение механизмов легитимации элиты: рынок «все больше и больше признается легитимной инстанцией легитимации» (Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002. С. 42), а профессионально вовлеченные в мир политики участники занимаются политикой как бизнесом и ориентируются в своем политическом поведении на бизнес-стратегии (Пшизова С.Н. Политика как бизнес: российская версия (I–II) / Полис. 2007. № 2, 3). Это меняет легитимность существующего порядка и дает основание ставить вопрос о делегитимации демократии как идеально-типической модели политического режима и переходе к постдемократии.

В данном контексте не случайными выглядят результаты эмпирических политико-биографических исследований состава политической элиты России, согласно которым значительная часть управленческого класса (депутаты Государственной думы, члены Совета Федерации, губернаторского корпуса, федеральной исполнительной власти) по базовому профилю деятельности – это выходцы из бизнеса – либо политические предприниматели, либо

предприниматели классического толка (см.: Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал и А.В. Селезневой. – М., 2012).

Полученные в рамках упомянутого политико-психологического исследования данные коррелируют с результатами проведенных в разное время других исследований. Впервые вывод о том, что ведущей тенденцией рекрутирования российской политической элиты является не приток выходцев из силовых структур (о чем писали многие публицисты в начале 2000-х годов), а массовый приход в сферу управления выходцев из бизнеса, был сделан в рамках осуществленного под руководством автора этих строк масштабного проекта «Самые влиятельные люди России». Хотя в начале 2000-х годов эта тенденция действительно имела место. В этой связи в начале 2000-х годов немало писалось о том, что возрастание удельного веса действующих и бывших военных в период первого срока президентства В.В. Путина привело к формированию в России новой правящей хунты – милитократии (см., напр.: Крыштановская О.В. О формировании милитократии в России // Pro at Contra. 2003. Осень – зима. Критику данной позиции см.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Самые влиятельные люди России. – М., 2004; Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформаций в российской элите // Полис. 2009. № 5; Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Самые влиятельные люди России. – М., 2004). Подтверждение того, что предпринимательство стало ведущим форматом политической деятельности на примере депутатского корпуса, было получено в рамках исследования персонального состава Государственной думы в 1993–2011 гг., а также выполненного под руководством автора данных строк исследования в рамках общеевропейского проекта по изучению персонального состава национальных legislatures.

Другие проекты, нацеленные на изучение представительства крупного бизнеса в составе ведущих политиков России, также показывают, что выходцы из крупного бизнеса составляют весомый сегмент политической элиты России на протяжении последних 20 лет (см.: Шабров О.Ф. Динамика изменения удельного веса и влияния корпоративного компонента политической элиты постсоветской России // Элиты и общество в сравнительном измерении. М., 2011).

Таким образом, непосредственное (например, участие крупного предпринимателя М. Прохорова в президентских выборах 2012 г. в качестве кандидата) политическое участие крупного бизнеса или опосредованное (когда предприниматели обретают депутатские мандаты или занимают губернаторские кресла, что, как подтверждают исследования, для России весьма распространенное явление) – это наиболее заметная черта современной российской политики.

Что касается политического участия действующих или бывших сотрудников специальных структур, то анализ показывает, что профильное военное или специальное образование не мешает его носителям быть эффективными лоббистами коммерческих структур, что вписывается в упомянутую тенденцию всеобъемлющей маркетизации.

В России отмеченные тенденции масштабной маркетизации системы общественных отношений и изменения механизмов легитимации власти элит проявляются с большей силой, нежели в странах с устойчивыми демократическими традициями. Постсоветский период в России стал больше, чем простым отказом от политико-идеологических оснований предшествовавшей эпохи – он стал радикальным отрицанием прежних системообразующих смыслов.

При анализе особенностей российской версии маркетизации следует принять во внимание ее принципиальную особенность, а именно конгломератный характер. Этот термин, предложенный А.Д. Богатуровым, означает сосуществование разнородных укладов и отношений. В данном контексте речь идет именно о сосуществовании – наряду с системой рыночных отношений – уклада, заметно от нее отличного, а именно феодального. При этом данные уклады существуют не как рядоположенные, а взаимопроникающие, вследствие чего российский рыночный сектор деформируется и обретает характер квазирыночного. Данное положение требует ряда пояснений.

Термин «феодальный», впрочем, как и ряд других терминов социального знания, имеет различные трактовки. Наиболее распространенное значение – это определение одной из неповторимых стадий общественно-экономического развития. В данном же контексте этот термин используется в его политическом измерении для определения универсального явления, базовой характеристикой которого выступает слияние экономического и политического управления и образование на основе отношений патрон-клиентной зависимости самодостаточных образований в рамках границ на-

ционального государства. Эта трактовка восходит к пониманию феодализма М. Блохом. Именно такие квазигосударственные образования сложились в России второй половины 1990-х годов. Сформировавшиеся в тот период политико-финансовые структуры (олигополии) обрели собственный финансово-промышленный потенциал; собственные службы безопасности; свои креатуры в органах власти различного уровня, силовых и правоохранительных структурах (МВД, ФСБ, прокуратура, суд); сформировали собственные информационно-аналитические империи и связи с определенными регионами и отраслями; обзавелись «диванными» политическими партиями и установили контакты с определенными сегментами оппозиции. В результате крупнейшие олигополии превратились в многопрофильные и почти самодостаточные квазигосударственные образования. Это дало основание констатировать тенденцию квазифеодализации модели элитообразования, о чем свидетельствует приватизация частными структурами прерогатив публичной власти. Дополнительным аргументом в пользу квазифеодального характера данных образований свидетельствует предпринятый в работах М. Афанасьева анализ отношений в рамках этих образований, который показал отчетливый патрон-клиентный характер данных отношений. Воспроизводство отношений клиентелизма можно рассматривать в качестве веского основания для диагностирования архаизации процессов элитообразования.

В итоге переплетения различных укладов образуется российская версия общества риска и российский вариант текущей современности (см.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000. См.: Бауман З. Текущая современность. – СПб., 2008). Формирование общества риска есть мировая тенденция, затрагивающая в той иной степени все значимые сегменты мира. При этом каждая из значимых версий этой тенденции имеет свои особенности, для понимания которых можно использовать предложенную П. Ханной характеристику структуры современного мира. Отказываясь от традиционного видения этой структуры, П. Ханна полагает, что его трехполюсная структура – первый, второй и третий миры – стала анахронизмом; сегодня осталось разделение на первый (США, ЕС, Китай) и второй миры (все остальные). При всей дискуссионности данной дихотомии ее можно принять в отношении одного критерия, а именно: качества социальной организации и оснований социально-политической мобильности. В первом мире – при всех его очевидных уязвимостях и

слабостях – вектор социальной мобильности в той или иной мере содержит элементы продвижения по формализованным рациональным основаниям (профессиональная компетентность, образование, заслуги и т.д.); во втором – системы мобильности основаны на иных критериях. Учитывая разнородность и разнокачественность «второго мира», можно предположить, что в наиболее архаичных анклавах второго мира принципы социальной организации и вертикальной мобильности основаны на откровенно рудиментарных принципах организации традиционных обществ (кровное родство, племенные характеристики, откровенный клиентелизм); в модернизированных версиях эти архаичные принципы сочетаются или, по крайней мере, завуалированы модернизированными принципами (образование, партийная карьера, профессиональная компетентность, опыт работы), однако решающими, как правило, выступают не эти принципы, а основанные на неформальных отношениях критерии.

В России на протяжении двух последних десятилетий эксперты, включая автора этих строк, неоднократно фиксировали доминирование в системе социальных отношений патрон-клиентных отношений. При этом отмечалось отличие российского клиентелизма от его классических версий, распространенных в обществах традиционного типа, к числу которых на постсоветском пространстве относились государства Центральной Азии: если в последних базовым основанием консолидации элитных кланов выступают кровно-родственные и земляческие основания, то в России 1990–2000-х годов – экономические интересы.

Анализ процессов рекрутирования доминирующих групп во втором десятилетии текущего века позволяет скорректировать данную характеристику, к сожалению, не в пользу модернизации критериев. В сплывающих элитные группы экономических интересах все более отчетливо просматривается более архаичный компонент, а именно родственный. Естественно, наиболее заметными родственные связи являются в формировании бизнес-элит: анализ поколенческого обновления бизнес-структур показывает приход на руководящие позиции младшего поколения создателей бизнесов. Однако бизнес-элитами эта тенденция не ограничивается и охватывает сферу публичной власти. Два поколения семей Жириновских, Воробьевых, Пономаревых, Гудковых, родственные связи других действующих членов Государственной думы и Совета Федерации Федерального Собрания России, семейные тандемы в составе правительства в 2007–2012 гг. – лишь «надводная» часть

родственно-семейных айсбергов, отчетливо сигнализирующая о том, что современный российский клиентелизм обретает семейно-родственные очертания.

Своеобразие данного варианта заключается в противоречивом сочетании не просто разнокачественных, но конфликтующих укладов – феодального и современного, даже постсовременного. Если первый предполагает статичность отношений, их основанность на принципах статичной структуризации, низкой мобильности и низком качестве оснований мобильности, то последний предполагает изменчивость границ, принципиальную относительность разделительных линий и включенность социума в систему глобальных коммуникаций.

Очевидно, что в данной системе субъектность имеет крайне противоречивый характер и вектор. Доминирующим компонентом субъектности становится приватный: даже персонифицирующие публичные институты лица действуют по преимуществу как приватные акторы. Так, коррумпированность бюрократии означает, что она действует по преимуществу не как агент государства, ответственный за производство общественных благ, а как приватный актор, нацеленный на максимизацию собственной прибыли.

Следует оговориться, что под восстановлением субъектности имеется в виду не стремление к созданию новой империи – об этом речь не идет в принципе. Субъектность в данном случае означает более адекватное использование разнообразного и обширного ресурсного потенциала для реализации масштабных инновационных (социальных и технологических) проектов, что позволит стать России более успешным и влиятельным политическим игроком.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что объективные предпосылки российской субъектности налицо – разнообразный потенциал, обширная территория (Российская Федерация является самым крупным государством мира), разные политические механизмы. Недостаточно одного, но ключевого ресурса – «длинной» политической воли. Пассионарности. Куража. Каждая эпоха рекрутирует своих героев: империи создаются титанами. Но героические эпохи – в прошлом. Страсть истощает...

Впрочем, снижение политической субъектности может быть сублимировано в экономическую пассионарность. Вспоминается известная траектория развития экономического класса США – «финансист – титан – стойк». История может повториться...

*«Политические элиты в старых и новых демократиях»,
Калининград, 2012 г., с. 34–45.*

И. Добаев,
доктор философских наук

Н. Анисимова,
аспирант
(ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Р. Гаджибеков,
аспирант ПГ ЛУ (г. Пятигорск)

ЭТАПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вопросы, связанные с процессом радикализации в различных странах, в последние два десятилетия находятся на острие исследовательских интересов многочисленных зарубежных и отечественных ученых. Эта проблема нашла отражение, в частности, в работах таких отечественных исследователей, как А.А. Игнатенко, С.И. Чудинова, И.И. Добаев и др. [1]. Исламский фактор в его политическом измерении самым серьезным образом влияет и на политические процессы в России и ее регионах. Однако тенденции в радикализации игнорируются исследователями, в то время как они исключительно важны, поскольку продуцируют многочисленные взрывы, риски и угрозы для национальной безопасности страны. Настоящая статья имеет целью в определенной степени наполнить содержанием сложившиеся научные лакуны по затронутой проблеме.

Ислам в Российской Федерации преимущественно локализован в его суннитской версии ханифитского толка. В то же время практически до последнего времени исследователи четко дифференцировали два качественно отличающихся друг от друга ареала распространения ислама – Поволжье, Урал и Западная Сибирь, с одной стороны, Северный Кавказ – с другой. На Северном Кавказе последнее время религиозно-политический экстремизм и терроризм стали суровой реальностью, поэтому сконцентрируем внимание именно на нем.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России и мира, ислам не представляет собой монолита, но разобщен в рамках существующих направлений, толков и идейных течений. В регионе, как и в других субъектах РФ, доминирует его суннитская версия, относительно небольшое количество шиитов проживает в южной части этой северокавказской республики. Их невысокая численность и относительная политическая пассивность позволяют в ходе дальнейшего анализа вывести их за рамки рассмотрения.

Что касается толков (мазхабов, или правовых школ в исламе), то с этой точки зрения северокавказский ислам достаточно условно можно разделить на две части: на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания) представлен ханифитский мазхаб, считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня и Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жесткий, чем ханифитский.

Однако самое значимое расслоение фиксируется на поле идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм, модернизм), прежде всего, по линии «традиционализм – фундаментализм». Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Модернистские тенденции в регионе пока еще крайне слабы и противоречивы, и существенной роли в общем раскладе сил не играют.

Традиционный ислам представляет собой, прежде всего, институционализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций – духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным исламом», или, что характерно для восточной части региона, «мечетным исламом». На Северо-Восточном Кавказе имеется также еще и другая институционализированная группа традиционалистов – сторонники «немечетного ислама», представленные многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

В постсоветский период фиксируется неуклонная политизация традиционного, прежде всего, «официального» ислама. Как правило, в этом процессе наблюдается взаимодействие властей и официального духовенства, их взаимное притяжение. Власти нередко используют мусульманскую риторику, пытаются опереться на авторитет ислама и служителей культа. Например, в 90-е годы XX в. среди представителей некоторых республиканских институтов власти существовало даже мнение о том, что «спасение» национальных республик лежит в плоскости ориентации исключительно на ислам [1]. В свою очередь, мусульманские лидеры пытаются приобщиться к власти и властным структурам, заявляя, в частности, что только они способны противостоять исламским радикалам. Однако главной причиной политизации официального

ислама стала их борьба с привнесенной извне салафией, в ходе этой борьбы и произошла окончательная смычка светских властей с официальным мусульманским духовенством.

Мусульманские объединения северокавказских республик, обладая широкой сетью организаций, опираясь на традиционные морально-нравственные ориентиры ислама, на авторитет духовных лидеров (алимов, шейхов), предпринимали активные шаги для усиления своего влияния на происходящие процессы в республиканских обществах. При этом укрепление позиций духовных управлений мусульман в вопросах регулирования межконфессиональных отношений порождало централизацию религиозной власти, а с другой стороны, усиливало центробежные тенденции, углубляло внутриконфессиональные разногласия и противоречия в мусульманских общинах.

Как уже отмечалось, главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью Пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на Северо-Восточном Кавказе, хотя в первой половине 90-х годов XX в. власти отмежевывались от поддержки какой-либо из сторон, считая это внутренним делом исламских организаций и их лидеров, якобы занимающихся теологическими спорами. Однако начиная с середины 1990-х годов во многом благодаря усилиям Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), где исключительным влиянием пользуются последователи местных ответвлений суфийских орденов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, в межконфессиональное противостояние начинают вовлекаться представители федеральных и региональных властных структур, которые взяли курс на борьбу с «ваххабизмом» [3]. С принятием в 1999 г. в Дагестане «антиваххабитского» закона светские власти этой, а затем и других северокавказских республик окончательно оформили союзнический альянс с представителями «официального» ислама.

Несмотря на некоторые негативные реалии и тенденции в традиционном исламе, федеральные и республиканские власти, и это в большей степени справедливо, рассматривают его как «толе-

рантный ислам», заслуживающий признания и всемерной поддержки. Реально такой взгляд на вещи, в 90-е годы XX в. абсолютно верный, сегодня по многим позициям ошибочен. На деле традиционный ислам политизирован, а порой радикален и даже агрессивен практически во всех республиках Северного Кавказа, что чревато разрастанием внутренних трений и конфликтов как непосредственно в среде традиционалистов, так и между традиционалистами с представителями других течений в исламе, прежде всего «ваххабизма» (точнее – «неоваххабизма»). Сказанное актуально в первую очередь для Северо-Восточного Кавказа, где в традиционализме беспрецедентно важную роль играет суфизм, полнейший антипод «чистого» ислама. Поэтому неудивительно, что в конкретных исторических условиях на Северном Кавказе «столкнулись две полярные формы идентичности: исходная “традиционная идентичность” и привнесенная религиозными экстремистами “ваххабитская” идентичность» [4]. Еще раз подчеркнем, что суфизм и «ваххабизм» являются противоположными полюсами, главными антагонистами на северокавказском общеисламском поле, а потому конфликт между ними носит ценностный, непреходящий характер, решить который путем уступок и компромиссов вряд ли удастся.

Тем не менее в отсутствие модернизированного северокавказского ислама у светских властей практически нет выбора. В условиях нарастания исламистских тенденций, в противостоянии радикальным салафитам игнорировать традиционалистов нельзя, безоглядно же поддерживать и во всем им потакать – становится опасно. Как следствие, несмотря на все усилия властей, политизация и радикализация ислама не ослабевают, захватывая при этом все новые российские территории.

Религиозно-политические процессы последних двух-трех лет внесли серьезные качественные изменения в структуру и географию распространения исламизма и его крайних форм. С учетом этих трансформаций можно предложить следующую версию периодизации радикализации российского ислама:

1. *70-е – начало 90-х годов XX в.* знаменуют собой первый этап. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмысления их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает Магомед Кизилюртовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. *Начало 90-х годов – 1994 г.* Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют так называемый «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как «такфир» и «джихад», в их специфической «ваххабитской» интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», фиксируются ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательство «Сантлада» в селе Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд для получения исламского образования за рубежом российской мусульманской молодежи. Первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. *Декабрь 1994 г. – начало 2000-х годов* характеризуются доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождались концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со своим лидером – М. Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. *Сентябрь 1999 – 2007 г.* Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается эпицентром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования Чеченской Респуб-

лики Ичкерия (ЧРИ). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры «джихада» (схроны, блиндажи, бункеры и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том числе далеко за пределами Северо-Кавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представляется то, что если в 90-е годы XX в. северокавказские «ваххабиты» были представлены умеренно-радикальной и ультра-радикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультра-радикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – настоящее время. Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер – Доку Умаров – объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему, на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство – «Имарат Кавказ», управление которым осуществляется по образцу и подобию исламских государств прошлого (халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в «Имарат» на правах провинций входят «вилайеты» – конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе и другие регионы России. «Вилайеты» состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – «джамааты», представляющие собой по сути диверсионно-террористические группировки, иначе говоря – банды.

6. *Конец первого десятилетия – начало второго десятилетия XXI в.*: наблюдается распространение влияния «Имарата» и его лидеров на другие «мусульманские» территории – в Поволжье, Урале и Западной Сибири, прежде всего на Татарстан.

7. *Последние год-два*: появление исламистских группировок в «исламских анклавах» в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новейшей тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании метастаз исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы.

Совершенно очевидно, что последние три этапа радикализации ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, готовят почву для разработки более грандиозных геополитических планов по реформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, 7 октября 2007 г. новый лидер непризнанной Ичкерии Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также единственной законной властью на всех территориях, где есть «моджахеды», в перспективе – на весьма обширных и удаленных от Северного Кавказа территориях – вплоть до Татарстана и даже Бурятии. Таким образом, идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных». Как было заявлено, целью создания «Имарата Кавказ» является установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа [5].

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов (в переводе с турецкого вилайет – область, провинция). Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия-Алания), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая [6]. В мае 2009 г. вилайет Иристон был

включен в состав вилайета Галгайче. «Имарат Кавказ» располагает своим представительным органом – «Маджлис уль-Шура», а также разнообразными функциональными структурами, среди которых военное ведомство, спецслужбы, шариатский суд, «министерство» по связям с общественностью и т.д. В достаточно независимом от «центрального аппарата» «Имарата» пребывают сетевым образом оформленные салафитские «вилайеты» со своими «амирами», которые, в свою очередь, не жестко замыкают на себя структуры «секторов», а те конкретные бандгруппы, именуемые салафитами «джамаатами».

Таким образом, в своей совокупности на Северном Кавказе сложился крупный, но достаточно автономный сетевой террористический кластер, который с другими аналогичными сетевыми структурами в различных регионах мира объединяет лишь, как правило, общность идеологических положений и целей. При этом, эта разветвленная сетевая террористическая структура обладает такими специфическими институциями, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также исполнительной властью в лице так называемых «амиров» различных уровней – от «джамаата» до «Имарата», а живучесть сложившейся системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями.

Диверсионно-террористическая активность «Имарата» и входящих в нее структур резко возросла, особенно в преддверии, в ходе и по завершении «пятидневной войны», когда грузинский режим Саакашвили предпринял очередную попытку обеспечить территориальную целостность Грузии военным путем. Например, в 2009 г. на территории Южного федерального округа, в состав которого в тот период времени входил весь Северный Кавказ, «было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30%). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащих, а также 32 гражданских лица (в 2008 г., соответственно, 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских)» [7].

Уровень террористической преступности остается высоким и в настоящее время, особенно в Дагестане, Ингушетии, Кабарди-

но-Балкарии и Чечне. Так, за последние три года (2010–2012) на Северном Кавказе зафиксировано более тысячи совершенных акций террористического характера, в том числе в Дагестане – 732 (соответственно, по годам – 310, 229, 193); Ингушетии – 253 (161, 46, 46); Кабардино-Балкарии – 222 (131, 46, 45); Чечне – 198 (149, 32, 17) [8]. В целом в указанных субъектах РФ в 2010 г. было совершено 751, в 2011 г. – уже 353, а в 2012 г. – 301 преступление террористического характера. Таким образом, в последние годы наблюдается неуклонное падение уровня террористической активности, тем не менее эти показатели остаются все еще чрезвычайно высокими. Особенно это касается Дагестана; в последние два года практически не уменьшается число терактов в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, и только Чечня демонстрирует позитивную динамику, что, безусловно, связано с эффективностью осуществления в этой республике антитеррористической деятельности.

Под сильным воздействием извне, в том числе с Северного Кавказа, началась радикализация ислама в Поволжье, прежде всего в Татарстане. Здесь уже в 1993 г. дирекция новообразованного набережно-челнинского медресе «Йолдыз» заключила договор о содействии образовательному процессу с «благотворительной» организацией «Тайба» из Королевства Саудовская Аравия. Как следствие, медресе было превращено в центр по подготовке религиозных радикалов. Результат не замедлил сказаться: осенью 1999 г. выпускник этого медресе Денис Сайтаков оказался в числе организаторов терактов в Москве. Позднее другие учащиеся медресе оказались причастными к нескольким подобным акциям. Кроме того, были обнародованы факты сотрудничества руководителей этого учебного заведения с чеченскими «полевыми командами» Басаевым и Хаттабом, которые предоставляли учащимся «Йолдыза» возможность пройти соответствующую «практику» в Чечне [9]. В начале 2000-х, помимо Набережных Челнов, были обнаружены аналогичные структуры молодых радикалов в Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе, а также и в других населенных пунктах Татарстана [10].

Как подчеркивает татарский исламовед Р. Сулейманов, «новейшая история исламского терроризма в Татарстане началась с первых терактов на газопроводах в 2003–2005 гг. в сельских районах. Затем в республике появились свои “лесные” – боевики в Нурлатском районе Татарстана, где вооруженная банда фундаменталистов постаралась организовать подполье в местном лесу по типу северокавказского» [11]. Действительно, 25 ноября 2010 г. в

Нурлатском районе Татарстана силами МВД республики при личном участии министра внутренних дел РТ генерала А. Сафарова была ликвидирована вооруженная банда боевиков, намеревавшихся создать в лесистой части закамской зоны республики свою опорную базу [12]. Именно тогда стало окончательно ясно, что в Республике Татарстан возникли устойчивые группы радикальных салафитов, при этом обнаружилась непосредственная взаимосвязь между ними, а также этнонационалистами и представителями криминального мира. Так, глава МВД республики, впервые открыто признав факт сращивания исламистов с представителями организованных преступных группировок (ОПГ), отметил: «Мы отмечаем трансформацию организованной преступности, поскольку идет выделение в преступной среде группировок, сформированных по религиозному принципу, а особую активность в исламизации участников преступных группировок проявляют сторонники так называемого салафитского (ваххабитского) течения» [13]. Кроме того, как подчеркнул генерал, исламисты-салафиты ведут постоянную проповедническую деятельность в мечетях, местах лишения свободы и в криминальной среде, ежегодно вовлекая в свои ряды десятки лиц.

Однако в отличие от обычных ОПГ «мусульманские бригады» не противоборствуют друг с другом. Они солидарны и поддерживают связи, часто пользуясь поддержкой «братьев по вере» из других аналогичных группировок. «Объединенные одной идеологией и хорошо организованные, неукоснительно соблюдающие требования конспирации, имеющие криминальный опыт, члены организованных преступных формирований, принявшие салафизм, представляют сегодня реальную угрозу», – признал Асгат Сафаров [13].

В том же 2010 г. лидер северокавказских радикальных исламистов, амир «Имарата Кавказ», провозгласил о появлении «вилайета Идель-Урал», который охватил территорию современного Поволжья и Урала [14]. Вслед за этим появляется бандподполье со своим «амиром вилайета». Следствием длительного процесса институционализации подполья стало увеличение числа салафитов, их структурное оформление. По мнению экспертов, сегодня в Татарстане насчитывается около 3 тыс. салафитов и салафитствующих [15]. Однако их количество неуклонно пополняется: только в Саудовской Аравии обучаются 120 татар, а в 2011 г. без уведомления ДУМ РТ в эту страну, родину ваххабизма, отправились еще 20 человек [16]. Ситуация резко усугубляется: в январе 2012 г.

в деревне Мемдель Высокогорского района Татарстана была обнаружена домашняя лаборатория по производству взрывчатки и «поясов шахида» [11], а 19 июля 2012 г. в Казани был ранен муфтий Татарстана И. Фаизов и убит его заместитель В. Якупов, возглавлявший учебный отдел Духовного управления мусульман Республики Татарстан.

По мнению татарских экспертов, «сегодня в республике ваххабитами реализуется ингушско-дагестанский сценарий: то, что происходило на Северном Кавказе 10–15 лет назад, сейчас осуществляется в Поволжье. Первый муфтий Дагестана был убит в 1998 г. После этого было убито свыше 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, придерживавшихся традиционного для Северного Кавказа ислама» [11].

Итак, в Республике Татарстан сформировались устойчивые салафитские группы, а в настоящее время экспертами прогнозируется процесс «растекания салафизма» по Поволжью, Уралу и Западной Сибири, как это произошло уже на Северном Кавказе. При этом вышеуказанные группы рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознающие свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивания, используя в этих целях правозащитные и юридические средства. Впрочем, этот путь уже прошли их северокавказские единомышленники, сформировав целый ряд таких правозащитных организаций. Например, в Дагестане уже в первой половине 2000-х были сформированы каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения, самой известной из них стала организация «Матери Дагестана» [17]. Лидеры этих организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина. Такая позиция формирует у населения мнение о том, что якобы неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков.

Более того, по мнению некоторых экспертов, в России сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби» [11]. Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах новый для них формат легальных митингов, мобилизуя на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему “гонений на ислам” в России в федеральном масштабе» [18]. Например, 8 февраля 2013 г. «свыше 2 тыс. салафитов – сторонни-

ков радикального ислама, которые и ведут войну против Российского государства, провели митинг в самом центре Махачкалы. Митинг стал отражением новой реальности: сторонники салафитов сегодня составляют, по разным оценкам, от 10 до 17% от общего числа мусульман республики. Напомним, в 2005 г., когда впервые в Дагестане прогремели взрывы, число салафитов, по данным МВД, составляло менее 2 тыс. человек» [19]. Участники указанной акции в столице Дагестана держали в руках черные и белые флаги с исповеданием веры на арабском языке. Похожая символика использовалась на митингах, организованных летом 2012 г. в Казани прихожанами мечети «Аль-Ихлас» и на «мусульманском автопробеге» по столице Татарстана 26 октября 2012 г. Позднее в СМИ появилась информация о том, что представленные на экспертизу флаги автопробега были признаны казанскими специалистами «полностью идентичными символике, используемой членами международной религиозной организации “Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами” во многих странах мира» [20].

Отсюда становится совершенно очевидным, что «...любые попытки свалить вину на силовиков, якобы заинтересованных в начале репрессий, о которых разглагольствуют “исламские аналитики”..., а также любые способы найти смягчающие обстоятельства для “исламских диссидентов”, как стали террористов называть их единомышленники на ваххабитских интернет-ресурсах, являются ничем иным как оправданием ваххабизма» [11].

Следующим этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует считать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние годы в некоторых российских мегаполисах. Впрочем, такие «анклавы» уже давно сложились в некоторых европейских государствах, например во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России [21].

Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или моленные помещения. Одновременно одним из последствий появления подобных «анклавов» становится криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в дос-

таточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением.

По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее, речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События первых лет нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские политики в унисон заговорили о провале идеологии и практики мультикультурализма в Европе, о несовместимости исламизма и западно-либеральных ценностей.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, и результаты этого не замедлили проявиться. Например, в ходе проведенной 8 февраля 2013 г. представителями силовых структур Санкт-Петербурга операции в молельном помещении одного из городских рынков, а также в домах и на частных квартирах было задержано несколько человек, которых обвинили в распространении материалов религиозно-экстремистского характера. Всего, по официальным данным, был задержан 271 человек, 90% из них оказались иностранцами, в том числе иммигрантами из Афганистана и Египта. Судя по информации, озвученной СМИ руководителем пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Д. Кочетковым, характер исламистской угрозы в регионе сопоставим с северокавказской ситуацией: «В ходе операции были задержаны... приверженцы радикальных течений ислама, представляющие угрозу государству, которые отрицают светскую власть и стремятся к халифату» [18].

Таким образом, в постсоветский период вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации под сильным внешним воздействием наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появление и институционализация на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе.

В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада»

практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов. Пути повышения эффективного противодействия процессу радикализации ислама являются предметом отдельного исследования.

Литература

1. См. напр.: *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Ислам и политика: Сб. ст. – М., 2004. – С. 8–40; *Чудинов С.И.* Терроризм смертников. – М., 2010. – С. 312; *Добаев И.П.* Исламский радикализм: Генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Д., 2003. – 416 с. *Он же.* Новый терроризм в мире и на Юге России. – Ростов н/Д., 2005. – 307 с.
2. *Асиятилов С.Х.* Спасение Дагестана в Исламе. – Махачкала, 1989. – 126 с.
3. *Бобровников В.О.* Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8). – С. 145–146.
4. *Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадуев М.А.* Северный Кавказ: Преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия // Южнороссийское обозрение / Под ред. В.В. Черноуса. – М. – Ростов н/Д., 2013. – Вып. 76. – С. 7.
5. См.: *Романченко Н.Е.* Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе // Ростов н/Д., 2011. – Вып. 68. – С. 97.
6. *Боброва О.* Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. – 2010. – № 22.
7. Как заткнуть за пояс шахида? // Московский Комсомолец. – 24.02.2010.
8. Личный архив автора.
9. Аргументы и факты. – 2000. – № 4, 5.
10. *Силантьев Р.А.* Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. – № 16 (154). – С. 168–169.
11. *Сулейманов Р.* Исламский терроризм в современном Татарстане: Ваххабизм на практике. – 2012. – 25.07.
12. *Сулейманов Р.Р.* Ваххабизм в Татарстане в постсоветский период в свете влияния внешних факторов. – 2013. – № 1 (16). – С. 25–35.
13. Руководитель МВД Татарстана признал опасность ваххабизма в республике // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1357240.html>
14. Моджахеды Татарстана признали своим лидером Доку Умарова // Интернет-сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.temakazan.ru/news/crime/item/4819/>
15. *Гордеев Я.* На пороховой бочке: Откуда в Поволжье террористы // [Электронный ресурс]. URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/43421>
16. *Гарсиа Р.* Волга впадает в Аравийское море: Маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане // Эксперт. – 15.10.2012.

17. *Мурклинская Г.А.* Сетевая война против России на Северном Кавказе: Реальность и перспективы // Исламский фактор на Юге России / Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2012. – Вып.72. – С. 22–33.
18. *Мальцев В.* Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. – 20.02.2013.
19. *Омарова Х.* Республика Дагестан: Системный кризис разрастается? // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bs-kavkaz>
20. См. об этом: В Татарстане признали, что на акциях в Казани были флаги «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1616981.html>
21. См. об этом: *Добаев И.П.* Исламизация Европы: Миф или реальная угроза? / *Мировая экономика и международные отношения.* – 2008. – № 4. – С. 50–56.
*«Научная мысль Кавказа»,
Ростов н/Д., 2012 г., с. 23–30.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Аствацатурова,

ПОЛИТОЛОГ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Содержание этнополитических и этнокультурных процессов в Ставропольском крае во многом определяется ситуацией в Северо-Кавказском федеральном округе (далее – СКФО). Образование СКФО в январе 2010 г. в соответствии с указом Президента РФ от 19 января привело к определенному ускорению всех социально-экономических процессов и к акцентированию общероссийских детерминант в общественно-политических отношениях региональных сообществ. Современная динамика развития округа во многом определяется целями и задачами «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.». Разработка Стратегии как целевого и комплексного документа пионерского характера свидетельствует, во-первых, о впечатляющем масштабе планируемых инноваций в округе, во-вторых, о верховенном уровне управленческого внимания к округу. Политический смысл документа состоит в том, что он определяет основные направления, способы и средства достижения стратегических целей устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности РФ на территориях субъектов, входящих в СКФО до 2025 г. Документ как политическая доктрина имеет несомненные сильные стороны, среди которых, прежде всего, выделяется учет современного состояния экономики субъектов РФ СКФО, экономики России, глобальной экономики и перспектив их развития, также анализ социально-экономической, демографической ситуации, потенциала трудовых ресурсов и миграционных процессов в СКФО.

Прогностический и практико-прикладной характер Стратегии обуславливается разработкой возможных сценариев развития

СКФО на перспективу до 2025 г. – инерционного, базового и оптимального. При этом чрезвычайно важно, что в Стратегии акцентируется проблема институциональной среды как СКФО в целом, так и отдельных субъектов, в частности Ставропольского края. В Стратегии проведен блиц-аудит состояния этнодемографических, этнокультурных показателей, а также межэтнических отношений в округе. Документ содержит особый раздел «Межнациональные отношения», где отмечается «прямая зависимость состояния общественно-политической обстановки от ситуации в сфере межнациональных отношений». В Стратегии определяются негативные, как внешние, так и внутренние, факторы сферы межнациональных, межконфессиональных отношений и этнополитических процессов. Эти процессы в Ставрополье во многом определяются общей ситуацией в СКФО и на Северном Кавказе (СК) в целом. Этнополитическая сфера СКФО отличается сложностью, наличием общеизвестных исторически сложившихся обстоятельств и факторов, среди которых выделяются проблемы и пробелы национально-государственного строительства в регионе в советский период. В регионе сложились определенные конфликтогенные факторы, которые реализуются в дисбалансе региональной этнополитической системы и этнополитических систем конкретных субъектов РФ СКФО. Также обострение межэтнических отношений в регионе вызвано и постсоветскими политическими и политико-административными тенденциями: демократизация общественно-политических отношений, этнополитическая суверенизация, реализация административной реформы и реформы местного самоуправления, усиление вертикали власти, упорядочение отношений между субъектами РФ и федеральным центром.

Вместе с тем на современном этапе в СКФО продолжают бытовать опасные тенденции, природа которых сложносоставная и содержит как факторы мирового порядка, так и российские и региональные северокавказские факторы. Прежде всего, на СК осуществляется интенсивное террористическое воздействие «террористического синдиката» – Имарата Северный Кавказ. Он действует в обозначенных зонах, на которые условно поделен регион, в частности, в объединенном вилляте Кабарды, Балкарии и Карачая. На территории этого виллята, как и других, совершаются террористические акты в отношении работников органов власти и управления, работников силовых структур, лидеров общественных организаций, активистов общественных отношений, а также в отношении известных деятелей науки, культуры – референтных

лиц региональных и местных сообществ. На территориях вилайетов осуществляются не только террористические акты, но и действуют радикальные ваххабитские ячейки, проводится пропаганда экстремистских взглядов, осуществляются насильственные поборы на джихад, вербуются новые участники незаконных вооруженных формирований. Выраженной тенденцией является обновление членов террористических организаций и НВФ за счет молодежи, представляющей разные социальные группы и разные этнические группы, в том числе и славянские. Это сопровождается националистической, ксенофобской риторикой, а также сопрягается с криминальными проявлениями общего плана, с заказными убийствами, с переделом собственности, с коррупцией, с конфликтами региональных и местных элит и кланов. Это также сочетается с определенным непрофессионализмом силовых структур, низким авторитетом некоторых региональных и местных элит, некоторой лояльностью населения к участникам НВФ и радикальных религиозных ячеек.

Результатом отмеченных тенденций является формирование блокового терроризма, который осуществляет многопрофильное воздействие на население. Это многопрофильное воздействие «ощущают на себе» и межэтнические отношения, в которые проецируются все противоречия и шероховатости общественных отношений, общественного дискурса, информационного дискурса, а также дискурса политических и управленческих процессов. Многопрофильное воздействие терроризма постоянно подпитывает национализм, этносепаратизм, религиозный экстремизм, потому что многие идеи и действия террористов и экстремистов оправдываются этническими и конфессиональными интересами. Статистика свидетельствует о наибольшей концентрации террористических проявлений в Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике. Так, в Дагестане за шесть месяцев 2011 г. совершено 110 из 169 преступлений террористической направленности в РФ. В Кабардино-Балкарии за 2011 г. осуществлено около 25 посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, совершены взрывы народнохозяйственных, туристических объектов, что привело к необходимости введения КТО в нескольких районах, а также в отдельных районах Нальчика. На территории КБР действуют Прохладненская и Баксанская бандгруппировки и в то же время организовались группы народных мстителей, неких «повстанцев» – «Чёрные яст-

ребы», происхождение, цели и задачи которых далеко не ясны. В Республику Ингушетия ведут следы терактов в Домодедово.

В отдельных республиках СКФО террористами убиты известные деятели науки, образования, культуры, литературы, что крайне негативно влияет на общественное мнение. Также новым явлением стало появление «русского и нетитульного ваххабизма» в Ставропольском крае. Происходит омоложение рядов смертников-шахидов за счет студенческой среды, что обеспечивает воспроизводство (регенерацию) рядов терроризма. Экспертные попытки определения причин живучести террористического воздействия концентрируются вокруг нескольких аргументов: неблагополучие экономического положения региона и социального самочувствия населения. Безработица, социальная неустроенность, отсутствие гарантированных социальных лифтов для молодежи. Некомпетентность силовых структур и органов власти и управления. Слабость идеологической, информационно-разъяснительной работы с населением со стороны органов власти и управления и общественных организаций. Неактивность конфессиональных лидеров (православия и ислама и иных) в мировоззренческом противостоянии радикальным вероучениям. Привлекательность альтернативных мировоззренческих принципов экстремистов. Наличие социального и политического заказа на терроризм. Либеральные настроения в обществе в отношении членов НВФ. Романтизация образов террористов в общественном и информационном дискурсе.

Несмотря на усилия федерального центра и полпредства, а также региональных властей, в СКФО остается актуальной проблема занятости населения, прежде всего молодежи. В некоторые регионы СКФО, прежде всего в Ставропольский край, продолжается неконтролируемый поток гастарбайтеров из СНГ, а также трудовая и учебная миграция из республик (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Чечня) на фоне фактического провала организации трудовой миграции северокавказцев в другие субъекты РФ (Свердловская область, Пензенская область). Усиливается демографическая диспропорция этнических групп за счет естественного прироста отдельных из них (представители народов Дагестана, Чечни, Ингушетии). Данные проявления провоцируют конфликтогенные идеи, опасные не только для Северного Кавказа, но для России как полиэтничной, поликонфессиональной страны. Это идеи исключительности, несовместимости «северокавказской цивилизации» с российской цивилизацией. Также это идеи «негативных наследственных черт» и социальных практик

северокавказских народов (кровная месть, заложничество, абречество, набеговая система). Также это идеи «нахлебничества», паразитирования СК на здоровом теле РФ, сконцентрированные в радикальном призыве «Хватит кормить Кавказ».

Продолжающиеся проявления терроризма, экстремизма, сепаратизма формируют негативные общественные настроения, которые также являются катализаторами межэтнической напряженности и конфликтов. При этом дестабилизирующие настроения бытуют как внутри СКФО, так и вокруг него. Среди них наиболее значимыми являются идеи о неоправданности и неэффективности решения об образовании СКФО; о неперспективности и недолговечности института полпредства; о беспомощности федеральных властей; о коррупции, клановости региональных и местных властей; о нарушении прав человека. Также это крайне опасное мнение о «победе Северного Кавказа в торге с Кремлем», об «успешном шантаже» федеральных властей руководителями отдельных субъектов СКФО. Это крайне негативно влияет на этнополитическую ситуацию в Ставропольском крае, состояние межэтнических отношений в котором можно характеризовать как стабильное, базирующееся на достигнутом балансе интересов этнических групп края. В то же время в этих отношениях отмечается скрытый конфликтогенный потенциал, который проявляется в локальных стычках и конфликтах молодежи, в проявлениях бытового национализма и ксенофобии. Это отмечается в разных районах края – от Восточных районов до района Кавказских Минеральных Вод, и характеризуется типичными проявлениями: группированием сторон конфликтов по этническому принципу, декларированием взаимных обвинений и радикальных требований, использованием левых явочных методов и приемов (драка, нанесение побоев, применение огнестрельного оружия и др.).

В крае происходят систематические локальные стычки молодежи, которая, вступая в бытовые противоречия (с. Садовое, с. Преградное, Ставрополь, с. Дивное, с. Воздвиженское), использует «этнические обвинения», радикальные призывы. Также новым конфликтогенным фактором стали танцевальные этнические флешмобы в публичных местах края – «лезгинка-батл» (более 150 случаев нарушения закона Ставропольского края о тишине в Пятигорске, Кисловодске, Ставрополе, Минеральных Водах). Одним из резонансных актов стало осквернение памятника А. Ермолову (Минеральные Воды), а также судебные процессы по «Зеленокумскому делу», по делу гибели главы с. Иргаклы. Как правило, в

межэтнических конфликтах участвует даргинская, кабардинская, карачаевская, ногайская, русская (в том числе казачество), чеченская, туркменская молодежь.

Сложная ситуация в СКФО, в том числе и в Ставропольском крае, является предметом обсуждения на разных политико-управленческих уровнях. Так, В. Путин на заседании Комиссии Правительства РФ по вопросам социально-экономического развития СКФО отметил: «Горцы – гордый народ, но они созданы не только для того, чтобы воевать». «Россия не должна отказываться от конкурентных преимуществ Кавказского региона». Полномочный представитель Президента РФ в СКФО А. Хлопонин подчеркнул: «Разница тотальной коррупции на Кавказе с тотальной коррупцией на европейской части России в ее национальности». Также полпред Президента РФ, оценивая ресурс террористической угрозы, отметил: «По разным оценкам, в округе осталось до 1000 боевиков... Доку Умаров уже не такой влиятельный на Кавказе. Скорее, это надувание щёк». Министр МВД РФ Р. Нургалиев на похоронах ставропольских милиционеров, погибших в КЧР, подчеркнул: «Будем делать всё, чтобы ни экстремизма, ни терроризма, ни ваххабизма не было в нашей стране». Председатель Совета безопасности РФ Н. Патрушев на выездном заседании Совета безопасности РФ в Ессентуках отметил, что «Северный Кавказ – один из ключевых приоритетов для центральной власти». Глава Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкуров, характеризуя этноконфессиональные процессы в республике и в СКФО, подчеркнул: «В платке ты или не в платке – не это главное. Наша религия не должна мешать соседу, который молится другому Богу» (встреча в Ставрополе со студентами из Республики Ингушетия).

Несмотря на многие политические и управленческие усилия правительства Ставропольского края, Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества, Совета при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений, в ставропольском сообществе продолжают фигурировать конфликтогенные проекты: создание Ставропольской русской республики, выход Ставрополя из СКФО и присоединение к ЮФО, присоединение Ставрополя к Белоруссии и др.

Ставрополье в той или иной мере включено в «кавказские планы» федерального центра. Так, в Правительстве РФ создана комиссия по Северному Кавказу, в СКФО созданы представительство Министерства регионального развития РФ, а также Управление Генеральной прокуратуры РФ в СКФО и Межрегиональный

ресурсный центр. Осуществляется создание ЗТР, курортных зон (3,9 трлн руб.) с первоначальным взносом 2,6 трлн руб. Правительством РФ будет утверждена «Кавказская госпрограмма» в сумме 5,5 трлн руб. Также в СКФО действуют ФЦП «Юг России» на 2008–2013 гг., ФЦП «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2011 гг.», ФЦП Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010–2016 гг.» и др.

В Ставропольском крае предпринимаются целевые меры регионального масштаба для нейтрализации террористических угроз и этнополитических рисков. Так, в крае действует программа «Основные направления реализации государственной национальной политики в Ставропольском крае на 2011–2015 гг.», а также принята целевая программа «Ставрополье – антитеррор» на 2012–2014 гг., аналогичные программы уже действуют и принимаются на уровне муниципальных образований (Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск и др.). В 2011 г. состоялось назначение в городских округах и муниципальных районах ответственных за работу в сфере межнациональных отношений. Также на стабилизацию межэтнических отношений работают разветвленная сеть НКО, НКА и информационные центры оповещения, созданные органами МВД совместно с комитетом СК по делам молодежи и молодежным этническим советом Ставропольского края. Представители Ставропольского края приняли участие в слушаниях в Общественной палате РФ на тему: «Русские на Северном Кавказе: мифы и реальность». Также общественные активисты края вошли в состав Общественной организации Русское единство Кавказа (РЕКА), образованной в декабре 2010 г. В апреле при непосредственной поддержке полномочного представителя Президента РФ в СКФО образовано общественное объединение «Союз народов Ставрополья “За мир на Кавказе”», в которое вошли 26 национально-культурных организаций. В крае продолжается структурирование интересов казачества, так, в сентябре 2011 г. состоялся Большой круг Терского казачьего войскового общества, на котором обсуждался вопрос вхождения в состав Всероссийского казачьего общества. В качестве новых этноконфессиональных тенденций в СКФО и в Ставропольском крае отмечается дальнейшая активизация конфессиональных институтов. Так, произошло разделение Ставропольской и Владикавказской епархии Русской православной церкви на три: Ставропольская и Невинномысская, Пятигорская и Черкесская, Владикавказская и Махачкалинская, что способствует усилению позиций РПЦ в регионе. Также новым направлением

деятельности Духовных управлений мусульман республик РФ СКФО и Духовного управления мусульман Ставропольского края является «просветительский джихад», т.е. просветительно-информационная «война» с радикальными религиозными учениями.

Ставрополье, как и другие субъекты РФ СКФО, играет одну из главных ролей в осуществлении нескольких направлений стабилизации межэтнических отношений. Это: трансляция позитивной повестки на Кавказе и упрочение российской идентичности членов северокавказского сообщества. Также это достижение этнополитической стабильности и этнокультурной безопасности. Также это гуманизация этнополитического и этноконфессионального дискурса и вместе с тем информационное разоблачение терроризма, экстремизма, национализма и ксенофобии. Также это брендинг СКФО как привлекательной и уникальной в плане культурного многообразия территории.

*«Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г.»,
М., 2012 г., С. 99–104.*

А. Баранов,

доктор политических наук, доктор исторических наук
(Кубанский государственный университет)

ПРОБЛЕМА РЕПАТРИАЦИИ СИРИЙСКИХ ЧЕРКЕСОВ НА РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ: ПОЛИТИКО-КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Актуальность темы состоит в том, что по мере эскалации военно-политического конфликта 2011–2013 гг. в Сирии проблема репатриации черкесов становится одним из важнейших индикаторов позиционирования и дискурса риторики акторов политики в республиках Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии и адыгской диаспоре. Этнополитические организации в республиках Северо-Западного Кавказа и адыгской диаспоре все более настойчиво требуют от органов государственной власти Российской Федерации обеспечить массовую репатриацию, придавая проблеме политический смысл.

Цель статьи – выяснить причины и проявления политического конфликта по проблеме репатриации сирийских черкесов на российский Кавказ, различия позиций органов власти республик Северо-Западного Кавказа и этнополитических движений, способы

их аргументации. Это даст возможность более эффективно реализовать курс государственной национальной, миграционной, информационной политики на Северо-Западном Кавказе, аргументированно вести критику этноцентристских и радикальных проектов.

Требование репатриации потомков черкесов выдвигается этнополитическими организациями Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии постоянно с 1989 г. Назывались завышенные цифры черкесской диаспоры в мире – от 3 до 7 млн человек [3]. Из них в Сирии проживали 32–150 тыс. Контрастные оценки связаны с тем, что черкесами называют потомков всех выходцев с Северного Кавказа (адыгов, абхазов, осетин, чеченцев, дагестанцев и др.). Из них более половины проживали в Дамаске, многие – в крупных городах: Халебе, Хомсе, Хаме [14; 15]. Желание вернуться на российский Кавказ лидеры черкесских объединений Сирии высказывали и до конфликта, но только гражданская война 2011–2013 гг. поставила вопрос репатриации в практическую плоскость, стимулировала скоординированные акции в республиках Северного Кавказа и за рубежом.

В начале декабря 2011 г. отмечены первые обращения сирийских черкесов и общественных организаций Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии к Президенту Российской Федерации о репатриации [10; 8]. Обращения к Президенту РФ, Председателю Государственной думы ФС РФ, Председателю Совета Федерации ФС РФ, к главам Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии с просьбами о содействии в возвращении поступили: 25 декабря 2011 г. – от 115 сирийских черкесов; 28 декабря 2011 г. – от 57 человек; 3 января 2012 г. – от 76. В январе 2012 г. делегация черкесской диаспоры Сирии обратилась к главам республик Северо-Западного Кавказа от имени 1 тыс. черкесов с просьбой оказать содействие в репатриации [14]. Обращения сирийских черкесов делают акцент на законодательно закрепленное право российских соотечественников и их потомков получать гражданство РФ и селиться на ее территории. На черкесов, как на проживающих до 1860–1870-х годов на землях, завоеванных Российской империей, это право распространяется. Так, в заявлении от 25 декабря 2011 г. прозвучало обещание: «Наше искреннее желание – это вернуться на землю предков, жить в мире и согласии с нашими братьями и сестрами на Северном Кавказе, в мире и согласии с народами России» [22].

Обращения получили поддержку президентов и законодательных органов республик Северного Кавказа. Информационная

линия региональных органов власти состоит в подчеркивании мотивов спасения жертв военно-политического конфликта, оказания медицинской и экономической поддержки, воссоединения соотечественников. Подчеркивается, что репатриация черкесских семей возможна на основе их личных заявлений и в рамках квот приема переселенцев, установленных федеральным законодательством [5; 1]. По заявлению главы Адыгеи А.К. Тхакушинова от 27 декабря 2011 г., республика «рада принять сирийских соотечественников. Но это вопрос не республиканского уровня, так как сирийским черкесам нужна федеральная помощь с работой и жильем» [19].

Обращения к Президенту РФ, Председателю Государственной думы ФС РФ, Председателю Совета Федерации ФС РФ о содействии добровольному переселению сирийских адыгов были приняты законодательными органами республик Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. В них правовой базой репатриации из Сирии назван Федеральный закон № 179-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (с изменениями от 23 июля 2010 г.). В соответствии с ним к категории «соотечественник» стали относиться «лица, проживающие за пределами территории РФ и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории РФ, а также лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории РФ, сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с РФ» [21]. В основу принадлежности к соотечественникам положен принцип самоидентификации, подкрепленный общественной, профессиональной деятельностью, «либо иными свидетельствами свободного выбора» в пользу России. Предполагалось использовать положительный опыт репатриации адыгов из Косова. В феврале 2012 г. состоялись встречи делегаций сирийских черкесов с главой Кабардино-Балкарии А. Каноковым и госслужащими Адыгеи и Карачаево-Черкесии. В республиках созданы комиссии по координации работы по поддержке соотечественников, адаптационные центры для репатриантов. Они занимаются вопросами правовой поддержки, помощью в трудоустройстве и бесплатном изучении русского языка [5].

Федеральные органы власти России активизировали диалог с диаспорой в Сирии, региональными элитами республик Северо-Западного Кавказа и представителями общественности. Так, весной 2012 г. Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко приняла членов верхней палаты от данных республик; правительст-

венная делегация под руководством сенатора от Кабардино-Балкарии А. Кажарова посетила Сирию для изучения положения черкесской общины; в КБР создан Центр по приему репатриантов. Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству в рамках конференции соотечественников в мае 2012 г. уделило особое внимание проблемам черкесов [11].

Комиссия Совета Федерации РФ, работавшая в Дамаске в марте 2012 г., официально назвала число – 200 семей черкесов, готовых переехать в Россию [24]. Характерны выводы и рекомендации членов комиссии. В них основными препятствиями к реализации права на добровольное переселение в Россию представителей черкесской диаспоры Сирии названы «отсутствие в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии региональных государственных программ по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; сложность с оформлением виз в РФ в силу отнесения Сирии МИД РФ к категории миграционно-опасных стран; отсутствие сирийских паспортов у части черкесской диаспоры Сирии; высокие цены визовых платежей; крайне высокие консульские платежи при обмене паспортов гражданина РФ, получении гражданства РФ детьми смешанных семей, подтверждении гражданства РФ» [24].

Делегация предложила инициировать обращения в Правительство РФ о включении Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; поддержать инициативу трех республик и обратиться в Правительство РФ с предложением открыть в республиках центры по приему беженцев и вынужденных переселенцев; совместно с МИД РФ изучить предложение об отмене визовых платежей для соотечественников в Сирии; проработать механизмы экстренной гуманитарной эвакуации в Россию представителей черкесской диаспоры Сирии, выразивших добровольное согласие на переселение.

Каковы итоги государственных мер репатриации к концу 2012 г.? По сведениям председателя Комитета РА по делам национальностей, связям с соотечественниками и СМИ А. Шхалахова, на 14 декабря 2012 г. в Адыгее находятся 263 репатрианта (77 семей), а также 55 студентов – сирийских черкесов. Обратились за разрешением на временное проживание в отдел Федераль-

ной миграционной службы по РА еще 242 репатрианта (на 16 ноября 2012 г.). В целом за 2012 г. в Адыгее зарегистрированы с правом временного проживания без российской визы 1179 человек, прибывших из Сирии. Часть из них уже переехала в другие регионы страны [1]. Репатриантам оказывается посильная благотворительная помощь не только государственными, но и общественными фондами и гражданами.

Вместе с тем репатриация сталкивается с многочисленными трудностями и противоречиями. Так, директор Центра адаптации репатриантов РА А. Гучетль отметил в интервью агентству «Кавказский узел», что лишь 25% репатриантов к началу декабря 2012 г. трудоустроены. Только 36,5% репатриантов имеют временную регистрацию, а без нее трудоустроиться невозможно. Большинство обратившихся в центр за помощью имеют высшее образование, желая работать преподавателями английского языка или переводчиками, но столько вакансий нет. Из-за незнания русского языка устроить репатриантов на работу проблематично. Поэтому чаще всего службы трудоустройства предлагают репатриантам рабочие специальности. Большинство репатриантов (83%) желают поселиться в г. Майкоп, рассчитывают на высокие доходы, чего реально добиться в короткие сроки невозможно [27]. Таким образом, даже небольшой на текущий момент поток переселенцев не может рассчитывать на сохранение прежнего социального статуса. Ресурсы региональных государственных и общественных структур по оказанию помощи переселенцам ограничены.

Рассмотрим аргументацию позиций этнополитических движений в республиках Северо-Западного Кавказа по проблеме репатриации из Сирии. Прежде всего, отметим идеологизированность и эмоциональность оценок проблемы. Оппозиционные общественные организации в республиках Северо-Западного Кавказа и диаспоре, Интернет и СМИ призывают к немедленному возвращению сирийских черкесов в массовом порядке, жестко увязывают прием репатриантов с «покаянием» России за Кавказскую войну 1817–1864 гг. и неприятием сочинской Олимпиады [2; 6; 9]. Причем эти оценки догматические, они сложились до сирийской трагедии. Так, лидер Адыгейского республиканского общественного движения «Черкесский конгресс» М. Берзегов, эмигрировавший в США, еще весной 2009 г. увязывал «реализацию права черкесов на историческую территорию» с созданием условий для массовой репатриации [2].

Характерно, что первые обращения этнополитических организаций республик к органам власти РФ по проблеме сирийских черкесов (декабрь 2011 – начало 2012 г.) были выдержаны в умеренных тонах. Акцент делался на спасение жертв гражданской войны, не желающих участвовать в религиозном и этническом конфликте. Например, таковы обращения Карачаево-Черкесского регионального общественного движения «Черкесский конгресс» к Президенту РФ от 2 декабря 2011 г., Совета черкесских общественных организаций России от 29 декабря 2011 г., Краснодарской краевой общественной организации «Адыгэ Хасэ» и др. [10; 28].

Когда выяснилось, что быстрой и массовой репатриации не будет, что позиция федеральных и региональных органов власти России по проблеме осторожна, этнополитические организации начали ужесточать стиль своей риторики. В январе 2012 г. сайт черкесской диаспоры в Турции «Патриоты Черкесии» резко осудил задержания и допросы в Республике Адыгея репатриантов из Турции, незаконно сохранивших двойное гражданство [17]. На съезде организации «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент» 30 июня 2012 г. ее руководитель А. Богус эмоционально упрекнул Федеральную миграционную службу в том, что репатриации черкесов ставятся препятствия, а прибывающая рабочая сила представлена народами, не очень близкими адыгам «в культурном и ментальном планах» – армянами, узбеками, русскими, азербайджанцами и др. [5].

Многие активисты этнополитических организаций отмечают ухудшение эмоционального фона восприятия проблемы. По мнению сопредседателя Российского конгресса народов Кавказа А. Кабарда, этнокультурный черкесский фактор на Олимпиаде мог решить проблему год назад, но не сегодня. «Когда в Сирии война, черкесский танец на открытии Олимпиады – это как вишенка на торт», – заявил он [9]. Старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН Н. Нефляшева, ведущая блог на сайте «Кавказский узел», прогнозирует: «Еще год назад тема эвакуации сирийских черкесов... давала Центру уникальный шанс для демонстрации широкого жеста и проявления доброй воли по отношению к соотечественникам, что привело бы к резкому снижению черкесской политической активности по поводу Олимпийских игр в Сочи. Сегодня, похоже, именно эта тема станет главным катализатором протестных настроений и обеспечит рост репутационных рисков для России» [16].

Оценки действий органов власти концентрируются вокруг проблем бюрократизма, медлительности, слабости экономической и социальной поддержки репатриантов. Особое неприятие на сайтах адыгских организаций вызывают требования законодательства РФ к международным мигрантам о знании русского языка и российской культуры, о неприменимости двойного гражданства. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ (12 декабря 2012 г.) оценивается сдержанно. Так, вызвало критику поручение ввести ускоренный порядок предоставления гражданства соотечественникам – носителям русского языка и русской культуры, прямым потомкам рожденных в Российской империи и СССР. Председатель Кабардинской общественной организации «Адыгэ Хасэ» М. Хафицэ полагает, что если бы Президент РФ «добавил фразу “и представителям других народов, которые родились в этой стране, но не владеют русским языком”, то было бы лучше. Если это подразумевается, – прекрасно. Если нет, то... такая поправка будет» [4; 6].

Этнополитические организации не ограничиваются сетевой активностью. С сентября 2012 г. разворачивается скоординированная серия пикетов сборов подписей в пользу репатриации сирийских черкесов (Москва, Майкоп, Черкесск в России, а также в странах дальнего зарубежья). Их проводят совместно не только адыгские, но и общекавказские движения [12; 13]. Например, митинг в Москве 2 декабря 2012 г. принял детальную резолюцию, потребовав от руководства РФ организовать срочную эвакуацию граждан России и соотечественников (в том числе черкесов) из зоны военных действий в Сирии на территорию России [20]. Наряду с вполне оправданной критикой бюрократизма в оказании помощи репатриантам выдвигаются категоричные лозунги полной эвакуации сирийских черкесов, по сути, без мер пограничного контроля.

Характерно, что антироссийский лоббист «черкесского проекта» – Джеймстаунский фонд (США) в лице своего президента Г. Ховарда подталкивает этнополитические организации диаспоры и республик Северного Кавказа к интернационализации их требований, называя поведение России в отношении репатриации сирийских черкесов «возмутительным и скандальным» [25]. В дискуссии с риторикой этнополитических движений целесообразно выдвинуть следующие аргументы, обобщая предложения экспертов [7; 11; 15].

Необходимо определить, в рамках какой программы возможно переселение. Право на получение гражданства РФ российскими соотечественниками и их потомками, проживающими за рубежом, само по себе не предусматривает государственное финансирование их переселения и обустройства в России. Если имеется в виду программа по переселению соотечественников, то в ней обозначены регионы, готовые принять переселенцев определенных профессий и обладающие необходимым числом рабочих мест и социальной инфраструктурой. По программе переселения соотечественники, желающие переехать, выбирают место жительства из фиксированного списка, а не по своему желанию.

Черкесские же активисты и сайты диаспоры настаивают расселиться исключительно на Северо-Западном Кавказе. Некорректно выглядят ссылки на желание переселиться именно на «землю предков», что увязывается с «покаянием» России за Кавказскую войну и мухаджирство. В России тысячи адыгов живут вне своего традиционного ареала (в Москве, Санкт-Петербурге, других регионах) и успешно интегрируются в полиэтничное российское общество.

Возникает вопрос идентификации черкесов в связи с вовлечением в репатриацию представителей иных этнических групп Северного Кавказа. В странах Ближнего Востока черкесами называют всех выходцев с Северного Кавказа. Корреспондент «Голоса Америки» Ф. Тлисова цитирует королеву Иордании Нур, которая отметила: «Проблема с черкесскими беженцами в том, что международные организации не могут сформировать базу данных по этой группе, так как по прибытии в лагерь черкесы не идентифицируют себя как представителей отдельной этнической группы. Поэтому в Международной организации по делам беженцев практически нет базы данных по черкесским беженцам» [26]. В диаспоре происходила неизбежная ассимиляция, возникали полиэтничные семьи, менялся язык. Проблемы может вызвать предлагаемое зачисление в репатрианты всех назвавших себя черкесами, поскольку их включение в государственные программы поддержки связано именно с этнической самоидентификацией. Сложно представить, как в условиях гражданской войны можно быстро проверить потенциальных репатриантов на знание адыгских языков, культуры, а тем более – на законопослушность.

Одновременная репатриация 100–150 тыс. сирийских черкесов [7] может обострить социальные конфликты в северокавказских республиках. Вопреки декларируемому тезису о нейтрально-

сти всех черкесов в сирийском конфликте, Н. Нефляшева приводит примеры перехода влиятельных черкесов на сторону оппозиции [16]. На Северном Кавказе идет затяжная контртеррористическая война, и добавлять новые линии размежеваний общества, обострять социальные проблемы несвоевременно. Правоохранительные органы РФ обязаны удостовериться в отсутствии среди переселенцев террористов и экстремистов, а не пускать миграцию на самотек.

Характерно, что ультимативные требования принять потомков мухаджиров немедленно и в массовом порядке предъявляются только к современной России, которая не отвечает за действия Российской империи, а не к Турции, которая подвергала черкесов ассимиляции в 1860–1910-х годах, а сейчас служит основной базой подготовки вторжения в Сирию; не к Израилю, провокационно бомбившему черкесские деревни на Голанских высотах; не к благополучным арабским монархиям – Иордании, Саудовской Аравии, Катару и др., где сложились обширные диаспоры. Более того, израильский раввин А. Шмулевич объявлен «стратегическим советником» черкесской диаспоры; публицистами подчеркивается тождество трагедии черкесов и евреев (идея «черкесского холокоста») [3; 25; 26].

Некоторые этнополитические организации в республиках Северо-Западного Кавказа («Черкесский конгресс», «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент»), ряд сайтов (www.hekupsa.com, www.natpress.com, www.elot.ru, www.shapsugiya.ru и др.), организации диаспоры («Патриоты Черкесии» и т.д.) используют проблему репатриации не только для дискредитации Олимпиады 2014 г., но и для решения стратегических политических задач – изменения этнодемографического баланса на Северо-Восточном Кавказе, давления на органы федеральной и региональной власти РФ, роста поддержки этноцентристских движений в региональных сообществах.

Итак, информационная линия Российской Федерации в дискуссии о репатриации сирийских черкесов должна обрести последовательность и наступательность. Гражданская война в Сирии организована экстремистскими организациями оппозиции совместно со спецслужбами арабских монархий, Турции, США. Попытки переложить вину в гуманитарной катастрофе черкесов Сирии на Россию представляются далеко идущим замыслом ретранслировать этноконфессиональный конфликт из Сирии на российский Кавказ. Возможна адресная репатриация тех сирийских черкесов, которые подтвердят лояльность Российскому государству, выразят

личное желание проживать в РФ и пройдут соответствующий федеральному законодательству миграционный контроль. Должны учитываться и запросы регионального рынка труда в регионах России.

Литература

1. Аскер Шхалахов, Председатель Комитета Республики Адыгея по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствам массовой информации, рассказал ИА «Адыгэ Хэкум и макъ. Голос Черкесии» об итогах репатриации сирийских соотечественников в Республику Адыгея в 2012 г. – <http://www.hekupsa.com/obzor/publikatsii/1062-asker-shkhalakhov-repatriatsiya-v-adygee-itogi-2012-goda.html>
2. Берзегов М. Мы как народ являемся субъектом международного права, на которое и опираемся. – http://kavkaz-news.info/portal/cnid_94390/alias_Caucasus-Info/lang_en/tabid_2434/default.aspx
3. Бжахо Х. Черкесы ждут «Декларации Бальфура» / <http://www.aheku.org/page.php?id=1409>
4. Бюрчиев Б. Послание Путина: Черкесская трактовка / http://www.elot.ni/index.php?option=com_content&task=view&id=3128&Itemid=1. В Адыгее для репатриантов откроют курсы русского языка. – <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/209309>
5. Гукемухов М. Сирийские черкесы не носители русской культуры / <http://www.hekupsa.com/mnenie/intervyu/1056-sirijskie-cherkesy-ne-nositeli-russkoj-kultury.html>
6. Гулевич В. Ближневосточные черкесы: От репатриации – к социальному взрыву? / <http://www.kavkazoved.info/news/2012/08/20/blizhnevostochnye-cherkesy-ot-repatriacii-k-socialnomu-vzryvu.html>
7. Ефимова М. Россию просят дать историческое право на убежище: Черкесы Сирии пытаются вернуться на историческую родину – в Россию / http://mn.ru/world_mideast/20111227/309404655-print.html
8. Кабард А. Черкесская хроника: Оптимистическая трагедия / <http://shapsugiya.ru/index.php?newsid=1272>
9. Капаева А. «Черкесский конгресс» призвал руководство РФ принять меры по переселению черкесов Сирии в Россию / <http://russia.kavkaz-uzel.ru/articles/197101>
10. Косачев К. Россотрудничество готово подключиться к диалогу с черкесами Сирии / <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/205242/>
11. Краснов О. Аслан Хурай: Власти замалчивают проблему переселения черкесов из Сирии в Россию / <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/213044>
12. Краснов О. Российский конгресс народов Кавказа призывает власти РФ оказать содействие в репатриации сирийских черкесов / <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/215856/>
13. Кушхабиев А.В. Проблемы репатриации черкесской диаспоры Сирии / <http://intercircass.org/?p=1187>

14. Маркедонов С.М. Сирийский кризис и «черкесский вопрос» / <http://www.kavkazoved.info/news/2012/06/28/sirijskij-krizis-i-cherkesskij-vopros.html>
15. Нефляшева Н Сирийские черкесы и проблема репатриации / <http://kavpolit.com/sirijskie-cherkesy-i-problema-repatriacii>
16. «Патриоты Черкесии»: Очернение репатриантов Адыгеи – акция против приема черкесов Сирии. Вниманию черкесского общества! / <http://www.natpress.ru/index.php?newsid=7206>
17. Право на землю, а не финансовые компенсации: Из выступлений черкесских лидеров в Госдуме. – <http://www.regnum.ru/news/1405809.html>
18. Приймак А. Россия спасет черкесов от смерти? – <http://www.georgiatimes.info/interview/69849.html?mode=print>
19. Резолюция митинга в поддержку соотечественников и граждан Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике. – <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/216627>
20. Российская газета. – 27.07.2010.
21. Сирийские адыги попросили у Тхакушинова убежища. – <http://club-rg.ru/news/adygeya/sirijskie-adygi-poprosili-u-thakushinova-ubezhishcha/>
22. Сирийские черкесы добиваются ускоренной репатриации в Россию. Из Сирии в Россию продолжается репатриация этнических черкесов, покинувших Россию в XIX веке в результате Кавказской войны, сообщает sk-news.ru со ссылкой на NovostiNK.ru. – http://dobrososedstvo.info/dobro/ru/information/n_121/o_27171
23. Сирийские черкесы и проблема репатриации. – <http://kchrline.ru/?p=713>
24. Тлисова Ф. Сирийский кризис и ответственность России / <http://www.golos-ameriki.ru/content/world-syria-refugees-situation/1583815.html>
25. Тлисова Ф. Черкесские беженцы из Сирии просят убежища в России: В Москве изучением вопроса занимается Совет Федерации / <http://www.golos-ameriki.ru/content/syrian-refugees-russia-2012-04-24-148766065/664670.html>
26. Чальый О. Служба занятости Майкопа помогает переселенцам из Сирии найти работу, отправляя в центр репатриации своих специалистов / <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/216866/>
27. Черкесские общественные организации создали комиссию по вопросам репатриации черкесов Сирии. – <http://www.krasnodar.kavkaz-uzel.ru/articles/198567>

«Каспийский регион: Политика, экономика, культура», Астрахань, 2013 г., № 2, с. 19–34.

А. Степкина,
(г. Астрахань, АГУ)
КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН
В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Каспийский регион на протяжении веков играл важную роль в военно-политических и социально-экономических процессах,

происходивших на всем Центрально-Евразийском геополитическом пространстве. Он находится на перекрестке евразийских сухопутных и морских транспортных путей, начиная с XVIII в. он является одним из объектов острого соперничества государств, стремящихся установить здесь свое господство.

Важность Каспийского бассейна состоит не только в том, что этот регион – источник масштабных, но пока еще не до конца разработанных запасов природных ресурсов. Важно и то, что он по причине своей тысячелетней функции звена, связующего по обоим векторам (Север–Юг, Восток–Запад), связывает два континента – Европу и Азию. После распада Советского Союза регион становится частью новой геополитической игры в мировой политике, одним из основных факторов которой выступают нефтегазовые ресурсы. По потенциальным запасам нефти и газа Каспийский бассейн может быть поставлен в ряд крупнейших мировых центров добычи углеводородного сырья, его транспортировки. В современных условиях сюда стремятся глобальные игроки мировой экономики, усиливаются и нарастают тенденции проникновения и роста влияния основных международных центров силы в данном регионе.

Важнейшим геополитическим последствием проникновения в исследуемый регион мировых глобализационных процессов стало усиление политического и коммерческого противоборства за контроль над обширными энергетическими ресурсами Каспия восьми государств Центральной Азии: Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана (субрегион Центральная Азия) и Азербайджана, Грузии, Армении (субрегион Южный Кавказ).

Вместе с традиционными игроками – Россией, США, Великобританией, Турцией и Ираном – все большую активность на Каспии проявляют Франция, Китай, Пакистан, Саудовская Аравия, Япония и ряд других государств, что создает геополитическую нестабильность в системе современных международных отношений. В борьбе за Каспий решается судьба нового мирового порядка, так как контроль над ним позволит контролировать Кавказ, Центральную Азию и Средний Восток со всеми вытекающими геостратегическими преимуществами.

Политика России на Каспии на протяжении многих лет в большей степени проявлялась геополитическими целями, нежели необходимостью решения неотложных экономических задач. Большое значение приобрели такие сферы, как транспортировка

углеводородного сырья региона на внешние рынки, сохранение биоресурсов. Особую группу жизненно важных и национальных интересов России в Каспийском бассейне образуют проблемы, связанные с национальной и повседневной безопасностью государства в целом, входящих в регион и прилегающих к нему российских территорий, а также самого региона в системе региональных и международных отношений.

Россия наращивает в Прикаспии свое военное присутствие, которое должно стать существенным фактором обеспечения ее политических и экономических интересов. Она заинтересована в том, чтобы максимально использовать природные богатства территории в целях собственного развития, повысить свой политический вес в мире и получить определенные экономические выгоды от транспортировки через свою территорию нефти и газа, а также других товаров.

В начале XXI в. отчетливее стала проявляться новая тенденция в политике России на Каспии, которая направлена на решение наиболее важных проблем, таких как правовой статус Каспия, военная составляющая, борьба с терроризмом и браконьерством, вопросы экологии и транспорта, социально-экономическое развитие прикаспийских субъектов РФ и налаживание двустороннего сотрудничества с прикаспийскими государствами. В постсоветский период в геополитике России на Каспии четко прослеживаются два этапа. На первом из них (1990-е годы) политика России выражалась прежде всего в стремлении сохранить тот политико-правовой статус Каспийского моря, который в свое время был скреплен договорами Российской империи, а затем Советского Союза с Ираном. При этом Россия начала отстаивать собственную концепцию жизненных интересов, обосновывающую сохранение доминирующей геоэкономической позиции в Каспийском регионе и всяческое препятствование проникновению туда западного капитала.

Однако с активизацией отстаивания Россией своих позиций на южных рубежах увеличилось стремление новых прикаспийских государств к сотрудничеству с западными державами. Такая стратегия, помимо прочего, сулит для стран Прикаспия увеличение притока значительных иностранных инвестиций. Понятно то, что эти страны не в состоянии собственными силами (как с экономической, так и с экологической точек зрения) эффективно осваивать новые месторождения нефти. В геополитическом плане позиции

России в Каспийском регионе во многом определяются характером ее взаимоотношений с Казахстаном и Азербайджаном.

Казахстан достаточно сильно связан с Россией, также он связан с Турцией и другими тюркоязычными странами этнически и культурно. Его стратегическим партнером в Каспийском бассейне в нефтегазовой отрасли стал Азербайджан. Туркменистан в геополитическом плане тоже тяготеет к Турции. Между Туркменистаном и Азербайджаном существуют спорные вопросы, осложняющие их взаимоотношения. Баку подвергается мощнейшему давлению США, поэтому его решения чаще всего склоняются в пользу Турции. Азербайджан хотел бы занять доминирующее положение во всем регионе Прикаспия. США и Турция уже достигли определенных выгод, склонив Азербайджан проложить нефтепровод из Баку в Джейхан – основной терминал для энергетических ресурсов бассейна Каспийского моря.

В новом раскладе политических сил и интересов позиция России оказалась уязвимой и ослабленной. Ее границы отодвинулись на несколько сотен километров, и Астраханская область стала пограничной территорией. Астраханская область является российским форпостом на пути «из варяг в персы», ее называют каспийской столицей России. Здесь немало сделано для выстраивания дружественных связей с прикаспийскими государствами.

Развитие сотрудничества области с Республикой Казахстан осуществляется на основе программы «О приграничном сотрудничестве Российской Федерации и Республики Казахстан на 1999–2007 гг.» от 24 сентября 1999 г. Сотрудничество осуществляется в различных сферах: строительной, пищевой, судостроении, в медицине, культуре и образовании, в создании совместных предприятий среднего и малого бизнеса в приграничных районах. Являясь приморскими территориями, наша область и западные области Казахстана большое внимание уделяют совместной работе, направленной на охрану окружающей среды, сохранение и рациональное использование уникальных биоресурсов Каспийского бассейна. Астраханские и казахстанские рыболовные и рыбоохранные организации сотрудничают в вопросах искусственного воспроизведения осетровых, товарного выращивания рыбы, борьбы с браконьерством.

Взаимоотношения Астраханской области и Туркменистана начали развиваться не так давно, но уже достигли определенных результатов. В Астрахани ремонтируется туркменский флот, выполнено несколько заказов по созданию инфраструктуры для раз-

работки месторождений туркменского шельфа, заканчивается строительство бурового комплекса.

Налажены и многопрофильные отношения с Ираном. В первую очередь с точки зрения обеспечения международного транспортного коридора «Север–Юг». На территории Астраханской области работают 149 компаний с иранским капиталом. В Астрахани функционирует генеральное консульство Ирана.

Почти половина внешнеторгового оборота Астраханской области приходится на страны Прикаспия. Только за последний год объем торговли с Азербайджаном вырос на 85%, с Туркменистаном – в полтора раза, с Ираном – на треть. С Казахстаном Россия находится в Едином экономическом пространстве, и астраханцы прогнозируют двойное увеличение объемов торговли с этой республикой.

За последнее десятилетие Астраханской областью заключено около 30 межрегиональных соглашений и протоколов с приграничными областями Казахстана (Атырауской, Мангистауской и Западно-Казахстанской) и провинциями Ирана (Гилян, Мазандаран, Гулистан, Хормозган), а также с различными правительственными структурами Азербайджана. Для активизации внешнеэкономической деятельности и расширения межрегиональных контактов на территории области создан и функционирует Международный совет торгово-промышленных палат «Деловой Каспий». Активно действует Ассоциация университетов прикаспийских государств, работающая на создание единого научно-образовательного пространства Каспийского региона.

Главной задачей регионального уровня является углубление интеграции в экономическом плане, активизация двусторонних отношений с прикаспийскими государствами, налаживание социально-культурных отношений, все это создает основу для выстраивания отношений на государственном уровне и выполнения тех задач, которые сегодня решает Россия в данном регионе. Россия выступает с инициативой о создании на постоянной основе межправительственного Каспийского центра, который занимался бы мониторингом природной среды Каспия. Эту инициативу поддержали Казахстан и Азербайджан. Иран данный вопрос изучает. Туркменистан готов его рассмотреть после принятия Конвенции о статусе Каспия. Администрация Астраханской области настаивает на том, что данный центр нужно создать именно в Астрахани на базе астраханских научных организаций, имеющих многолетний

опыт подобной работы, богатую информационную базу и необходимый интеллектуальный потенциал.

Наряду с Россией важными игроками в исследуемом нами регионе стали США, государства Европейского союза, Большого Среднего Востока и Китай. США направлены на экономическую интеграцию и военно-политическую переориентацию стран Каспийского региона и являются элементами одной стратегии. Эффективным механизмом проникновения в Прикаспий является использование неразвитости государственных институтов власти и наличие неурегулированных конфликтов, а также политическая нестабильность. Как считают в США, серьезной причиной для присутствия на Каспии является их стремление проводить здесь демократизацию и рыночные преобразования. Региональные конфликты, политическая нестабильность и отсутствие регионального сотрудничества играют важную роль, позволяющую США эффективно влиять и управлять ситуацией в Прикаспии.

Для реализации своих планов США стремятся использовать многостороннее сотрудничество и международные организации, с помощью которых они развивают двусторонние и многосторонние контакты с государствами Прикаспия. Для США Каспий стал в последнее время регионом огромного геополитического значения, о чем свидетельствуют его выделение в отдельное направление внешней политики США, создание специального отдела по региону, рабочей группы, учреждение поста специального советника президента по вопросам энергетики Каспия. Контроль над ним позволил бы достигнуть глобального доминирования в Пятиморье (Черное, Средиземное, Каспийское, Персидский залив с примыкающим к нему Аравийским морем) и на всем континенте. Американцы предполагают установить контроль над углеводородными запасами Прикаспия, а также не допустить, чтобы его ресурсы попали в распоряжение стран – конкурентов США.

В общем смысле Соединенные Штаты Америки видят в нефти Каспия дополнительный источник энергии, которую можно будет использовать в случае, если поставки из стран Персидского залива окажутся под угрозой. Американские интересы во многом определяются и стремлением сохранить влияние на своих союзников, прежде всего Западную Европу и Японию. США заинтересованы в том, чтобы не дать России приобрести стабильные позиции в регионе.

В отличие от США Европейские страны имеют только экономические интересы в Прикаспии. Главной целью европейских

стран является обеспечение собственной энергетической безопасности, другой – сохранение и развитие собственной нефтедобывающей отрасли за счет работы своих нефтяных компаний на более богатых месторождениях за пределами страны.

Для Ирана в данном регионе считается главным не допустить усиления влияния прозападных сил, способных лишить его доступа к важному со стратегической и экономической точки зрения региону, основное внимание в своей политике Тегеран уделяет России. Иран пытается усилить свое влияние в Прикаспии, стремится достигнуть соглашения о совместном использовании Каспия и его ресурсов между всеми государствами региона на равной основе. Поддерживая развитие международного сотрудничества в Каспийском регионе, освоение его энергетических и биологических ресурсов иранская сторона твердо выступает против какого-либо военного присутствия внерегиональных стран.

Турция использует свое особое геостратегическое положение государства, находящегося и в Европе, и в Азии. Во внешней политике Турции можно проследить новые тенденции, способные повлиять на геополитическую конфигурацию на Каспии, например сближение Турции с Ираном и активизация турецко-российских отношений в 2010 г. Свообразным конкурентом Турции в сфере идеологического влияния на страны Каспийского региона, наряду с Ираном, выступает и Пакистан, проявляющий повышенный интерес к энергоресурсам бассейна Каспийского моря. Пакистан заинтересован в том, чтобы определенная часть энергоресурсов этого региона транспортировалась через его территорию. К тому же Пакистан обладает возможностями влиять на политическую и военную стабильность в регионе, примыкающем к Каспию, прежде всего в Центральной Азии.

В отличие от Турции интересы Китая в регионе Прикаспия связаны с тем, что Пекин опасается установления геополитического контроля США и приближения зоны его влияния непосредственно к своим границам. Еще одной причиной является то, что за последние годы в Китае вырос объем импорта нефти и нефтепродуктов и он пытается обеспечить себе доступ к запасам нефти и газа Каспия. Геоэкономические и геополитические интересы Китая в этом регионе будут только усиливаться, особенно в восточной части. Политика Китая давно вышла не только за рамки приграничной Шанхайской пятерки (КНР, Россия, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан) в Центральной Азии, но и перешагнула Каспийское море. Заинтересованность Китая в хозяйственных мирных

связях (и, соответственно, в безопасности) Каспийского региона вполне естественна, а инициативы в данном плане разнообразны. Этим определяются предпринимаемые КНР шаги навстречу региональному сотрудничеству в борьбе с международным терроризмом. Китай активно работает в сфере торгово-экономических связей с Казахстаном, к примеру, товарооборот между этими странами составляет более 10 млрд долл.

Прикаспийские государства беспокоит проблема использования их территорий другими странами при возникновении крупных конфликтов.

Одной из наиболее важных проблем, касающихся судьбы Каспийского региона, является проблема демилитаризации. Нарастание всеми прикаспийскими государствами своей военно-морской мощи выступает одним из дестабилизирующих факторов. Россия выступает против демилитаризации, так как обеспокоена угрозой для этого региона со стороны международного терроризма и религиозного экстремизма, а также региональных и локальных конфликтов.

Экономическая и политическая проблематика региона в настоящее время сводится к проблеме делимитации Каспийского моря между прибрежными государствами. Освоение месторождений углеводородов на шельфе моря и прилегающих участках суши, транспортное использование акватории моря и его берегов и эксплуатация биоресурсов Каспийского моря невозможны без международно признанного разделения его вод и шельфа между прибрежными государствами. Политические и экономические интересы стран региона по вопросам делимитации существенно расходятся. Это определяется факторами формирования государственности у новых независимых государств и необходимостью иметь надежную финансовую базу, а также неодинаковыми внешнеполитическими приоритетами и разным видением способов обеспечения национальной безопасности.

Казахстан, согласившись на раздел Каспия на основе модифицированной срединной линии, настаивает на выделении морской зоны исключительной национальной юрисдикции и дополнительно рыболовной зоны. Россия поддерживает позицию Казахстана в отношении разграничения дна и предлагает ограничиться 15-мильной зоной национальной юрисдикции для каждого государства, оставив середину моря и его водную толщу в общем пользовании.

Азербайджан, Казахстан и Россия достигли единства в отношении подписания двусторонних и трехсторонних соглашений о разграничении дна Каспийского моря. Вне этого процесса остались Иран и Туркменистан.

Туркменистан готов принять позицию трех государств, но этому препятствует конфликт с Азербайджаном по месторождениям Азери и Чираг, которые каждая сторона считает своими, причем Азербайджан уже начал их освоение.

Иран не имеет в своей части моря существенных запасов углеводородов, и поэтому эта страна выступает за сохранение принципа общего моря и раздел Каспия на пять равных секторов. Иран также предлагает установить вдоль срединной линии 20-мильную зону для общей хозяйственной деятельности и свободного судоходства, он не против 10-мильной прибрежной зоны национальной юрисдикции. По потенциальным запасам нефти и газа Каспийский нефтегазовый бассейн может быть поставлен в ряд крупнейших мировых центров добычи углеводородного сырья. Это важнейший геоэкономический фактор, оказывающий существенное влияние на расклад геополитических сил в Каспийском регионе, также он определяется и тем, что Каспий может стать основным поставщиком газа в Европу.

Обозначим факторы, которые оказывают влияние на формирование правоохранительной политики государств Прикаспийского региона:

- геополитический – выход к морю, наличие портов, площадь и границы государств, их географическое расположение у Каспийского моря;

- сырьевой – наличие или отсутствие запасов нефти и газа в предполагаемой части Каспия одного из пяти государств;

- экологический – уникальные биоресурсы, флора и фауна Каспия, проблема их сохранения и использования;

- юридический – создание универсальных правоохранительных механизмов, регулирующих территориальные споры прикаспийских государств.

Стоит также не забывать, что Каспийский регион фактически образует единое геополитическое пространство с Центральной Азией и Кавказом, что определяется некоей идентичностью политико-правовых, культурных и других процессов в этих системах. Иран и Россия, а также новые прикаспийские государства – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан – вынуждены решать проблему международно-правового статуса Каспийского моря и регио-

нальной безопасности, искать новые пути межгосударственного экономического сотрудничества, развития транспортной инфраструктуры и трубопроводного транспорта, вопросы окружающей среды и биоресурсов.

*«Тысячелетия вокруг Каспия»,
Астрахань, 2013 г., с. 99–107.*

Д. Александров,

начальник сектора центральноазиатских исследований

И. Ипполитов,

научный сотрудник (РИСИ);

Д. Попов,

руководитель Уральского регионального ИАЦ РИСИ

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ

АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

КАЗАХСТАН

Долгосрочные политические цели США в Центральной Азии состоят в отрыве региона от России, Китая и Ирана и расширении здесь собственного влияния; в экономической сфере – в переориентации региона на Южную Азию и получении доступа к каспийским углеводородам; в военной – в формировании собственной военной инфраструктуры вблизи внутриконтинентальных границ крупных геополитических игроков – России, Китая, Индии и Ирана.

Каждая американская администрация, выдвигая свои проекты, так или иначе стремится к решению этих задач. Действующая администрация Барака Обамы, сохраняя общий вектор и преемственность американской политики, сконцентрировала усилия на реализации трех ключевых программ – *Северной сети поставок* (Northern Distribution Network, NDN), *Новом шёлковом пути* (New Silk Road, NSR) и *Центральноазиатской антинаркотической инициативе* (Central Asia Counternarcotics Initiative, SACI).

По многим позициям эти концепты входят в противоречие с национальными интересами России и Китая. Наряду с безопасным снабжением группировки в Афганистане Северная сеть поставок все чаще рассматривается в Вашингтоне как платформа для дальнейшего продвижения в Центральную Азию. Сеть заметно расширяет американское присутствие в регионе. Так, решение подклю-

чить к NDN Таджикистан было продиктовано не столько соображениями логистики (в этом отношении республика, имеющая слаборазвитую инфраструктуру, сильно уступает соседнему Узбекистану), сколько задачами усилить внешнеполитические позиции США здесь; втянуть Душанбе в процесс «афганского урегулирования» путем заключения многочисленных сопутствующих контрактов на обслуживание перевозок, поставку питьевой воды и фруктов, обучение афганского персонала; диверсифицировать каналы снабжения на случай ухудшения отношений с Узбекистаном и замедлить наметившийся дрейф таджикского руководства в сторону Москвы и Пекина.

Американская стратегия экономического восстановления Афганистана, известная под названием «Новый шёлковый путь», изложенная госсекретарем США Х. Клинтон 20 июля 2011 г. в индийском Ченнаи, представляет собой план интеграции Центральной и Южной Азии в единый экономический макрорегион, в сердце которого будет находиться Афганистан. Стратегия подразумевает, во-первых, формирование инфраструктуры от республик ЦА через Афганистан в Индию (проекты CASA-1000, TAPI)¹. Во-вторых, либерализацию торговли между ними². Это должно обеспечить экономическую устойчивость проамериканского правительства в Афганистане и экономически развернуть Центральную Азию в южном направлении.

В целом идея интеграции Центральной и Южной Азии призвана снизить значение российского и китайского факторов в экономике региона. Реализация крупных инфраструктурных проектов будет диверсифицировать вывоз сырья из Центральной Азии в обход России и Китая, снижать степень зависимости ее республик от уже созданных здесь российских и китайских трубопроводов и дорог. Появление в Туркменистане, Узбекистане и Казахстане новых потенциальных покупателей, претендующих на вывоз минеральных ресурсов в Индию, осложнит деятельность российских и китайских добывающих компаний. Либерализация торговли с Аф-

---

¹ Remarks Robert O. Blake, Jr., Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs at the Jamestown Foundation, Washington, DC (November 14, 2011) // U.S. Department of State: website. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/177181.htm> (15.04.2012.)

² Next Steps on the Silk Road. Remarks Geoffrey Pyatt, Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs, Chennai, India (November 15, 2011) // U.S. Department of State: website. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/177179.htm> (15.04.2012.)

ганистаном, в свою очередь, усилит поток наркотиков и экстремистских идей в направлении России и Китая и усугубит криминогенную обстановку на южной окраине СНГ.

Центральноазиатская антинаркотическая инициатива была обнародована внешнеполитическим ведомством США в июне 2011 г. Суть американских предложений сводится к созданию при финансовой поддержке и координирующей роли Белого дома специальных и оперативно-разыскных подразделений для борьбы с наркотиками в каждой из пяти республик региона¹. Посредством САСІ Вашингтон, имеющий источник наркопроизводства на подконтрольной территории, пытается отодвинуть фронт борьбы с наркотиками ближе к российским и китайским границам, что в корне противоречит предложенному Москвой подходу по уничтожению посевов опиумного мака в самом Афганистане. Учитывая стратегическую незаинтересованность США в ослаблении наркоагрессии против России, Китая и Ирана как своих геополитических конкурентов, усиление роли Америки в вопросах борьбы с наркотиками в регионе в долгосрочной перспективе лишь усугубит эту проблему. Напротив, наиболее эффективные решения в этой области могут быть реализованы и без участия США – только странами, непосредственно затронутыми наркотрафиком.

Предложенные администрацией Обамы проекты, таким образом, находятся в рамках фундаментального стремления американцев закрепиться в срединной части Евразийского континента. Белый дом сохранил преемственность и в части используемых инструментов внешней политики. Помимо традиционной дипломатии он применяет силовые и военные акции, расстановку лояльных правительств, давление через санкции, целевое распределение материальной и технической помощи, а также широкое применение рычагов «мягкой силы».

Термин «мягкая сила» (soft power) в начале 90-х годов ввел в оборот профессор Гарвардского университета и помощник министра обороны США Джозеф Най². Изначально под ним подразумевалось создание привлекательного образа Америки путем культи-

---

¹ Assistant Secretary of State William R. Brownfield Visits Central Asia and Russia. Media Note. Office of the Spokesperson, Washington, DC (June 24, 2011) // U.S. Department of State: website. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166981.htm> (05.04.2012.)

² Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / Joseph Nye. – New York: Basic Books, 1990. – 336 p.

вирования интереса к американским ценностям и популяризации американского образа жизни. Ключевая роль в распространении американской идеологии отводилась многочисленным СМИ, неправительственным организациям, молодежным движениям. Постепенно американский истеблишмент стал воспринимать «мягкую силу» как способ воздействия на зарубежные государства изнутри и манипуляции чужим общественным мнением, а также дополнил ее концепциями «ненасильственной» смены иностранных правительств¹. Это сочетание было успешно реализовано на практике в ходе «цветных революций» на постсоветском пространстве в 2003–2005 гг. в Грузии, Киргизии и Украине.

Между тем в последние годы доминирующей тенденцией американской внешней политики стало использование так называемой «умной силы» (smart power)² как комбинации «мягкой» и «жесткой силы», что предполагает массированное воздействие на те или иные государства через сетевые и идеологические механизмы и одновременно через дипломатические ультиматумы, экономические санкции и акции силового характера вплоть до ракетно-бомбовых ударов. Намерение опираться на «умную силу» было подтверждено Х. Клинтон во время слушаний в Конгрессе США при утверждении ее в должности госсекретаря³ и стало лейтмотивом внешней политики президента Б. Обамы.

Тем не менее особенностью Центральной Азии как политического региона являются сильные позиции в нем Москвы и Пекина. Это затрудняет использование прямого силового вмешательства США в дела центральноазиатских республик. Именно поэтому, выстраивая свои отношения с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном, Белый дом наряду с традиционной дипломатией сделал ставку на «мягкую силу».

---

¹ Sharp G. From Dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation / Gene Sharp; The Albert Einstein Institution. – 4th ed. – 2010. – 93 p.

² CSIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America / co chairs: Richard L. Armitage, Joseph S. Nye, Jr. Washington; Center for Strategic and International Studies, 2007. – 82 p.; Gavel D. Joseph Nye on Smart Power: Interview / Doug Gavel // Harvard University Kennedy School: website. 2008. June 12. URL: <http://www.hks.harvard.edu/news-events/publications/insight/international/joseph-nye> (10.04.2012.)

³ Nomination Hearing To Be Secretary of State. Testimony Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Secretary of State Statement before the Senate Foreign Relations Committee, Washington, DC (January 13, 2009) // U.S. Department of State: website. URL: www.state.gov/secretary/rm/2009a/01/115196.htm (10.04.2012.)

Казахстан

В 1994 г. во время своего визита в США президент независимого Казахстана Нурсултан Назарбаев и его американский коллега Билл Клинтон подписали Хартию демократического партнерства (Charter on Democratic Partnership), согласно которой республика приняла на себя обязательства проводить рыночные реформы, соблюдать права человека и двигаться по пути демократизации общества и государства. Хартия и ряд других документов, подписанных Казахстаном с западными странами, открыли республику для деятельности многочисленных американских и европейских неправительственных организаций, агентств, фондов и средств массовой информации.

В период с 1992 по 2011 г. американская государственная помощь Казахстану составила 1,73 млрд долл. (пятый результат среди постсоветских республик)¹. Однако на первом этапе американцев больше волновала проблема советского ядерного арсенала, химического и бактериологического оружия, остававшихся на складах в Казахстане, чем трудности становления здесь гражданского общества. Поэтому основная часть средств (до 40% к 2008 г.) была направлена на создание «безъядерного Казахстана» (боеголовки вывезены в Россию к 1994–1995 гг.), ликвидацию остатков оружия массового поражения и разнообразных испытательных полигонов².

В дальнейшем, несмотря на очевидные для американских экспертов тенденции усиления авторитаризма в Казахстане³, Белый дом сохранил официальную сдержанность в оценке демократических процессов в республике, что было продиктовано интересами американских корпораций в нефтегазовом секторе страны и предоставлением Астаной транзитного коридора для снабжения западной военной группировки в Афганистане в рамках Северной

---

¹ Nichol J. Kazakhstan: Recent Developments and U.S. Interests: CRS Report for Congress / Jim Nichol; Congressional Research Service. 2010. October 5. Summary; Congressional Budget Justification. Foreign operations. Annex: Regional Perspectives. Fiscal Year 2012 / U.S. Department of State. – P. 634.

² Ibid. – P. 7.

³ Олкотт М.Б. Казахстан: Непроходимый путь / М.Б. Олкотт; ред. А.И. Иоффе; Московский центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2003. – С. 77; Коэн А. США, страны Центральной Азии и Кавказа: Проблемы и перспективы взаимоотношений / Ариэль Коэн // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8). URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/05.kohen.shtml> (16.04.2012.)

сети поставок. Интересный факт: с 2003 г. (по американским законам) Соединенные Штаты не должны помогать правительству Казахстана, поскольку в стране нет значительного прогресса в области защиты прав человека, но госсекретарь США пользуется своим правом не учитывать данное ограничение по соображениям национальной безопасности. В итоге Америка, по-прежнему прикрываясь псевдомемократической риторикой, ежегодно выделяет деньги Казахстану. При этом многочисленные «фабрики мысли», НПО и СМИ, формально частные, но фактически тесно связанные с внешнеполитическим ведомством и специальными службами США, критикуют казахстанский «режим» в резко негативном ключе, что скорее и отражает действительную оценку американцами положения дел в РК.

Точно определить общие масштабы финансовых вливаний США в некоммерческий сектор, массмедиа и образовательные программы в Казахстане довольно сложно, поскольку они спонсируются одновременно из нескольких источников.

Госдепартамент США и Американское агентство по международному развитию (U.S. Agency for International Development, USAID) в последние три-четыре года направляют в Казахстан около 20–22 млн долл. ежегодно. Из них 4–5 млн долл. – на «демократизацию»¹, а большую часть – на проекты в области безопасности и военного сотрудничества, включая подготовку кадров. В целом это меньше, чем ассигнования указанных ведомств на Таджикистан и Киргизию (не менее 40–50 млн долл. в год), но больше, чем на Узбекистан и Туркмению². На 2012 г. Госдеп США и USAID запросили у Конгресса 21,4 млн долл. для Казахстана³.

Самостоятельные программы в республике имеют Пентагон и Министерство энергетики США; крупные американские корпорации, работающие в стране (в частности, Chevron и Exxon Mobil), а также частные американские фонды, иногда с сомнительной репутацией. Только Фонд «Сорос-Казахстан», начавший работу в

---

¹ См.: Nichol J. Kazakhstan: Recent Developments and U.S. Interests. Summary.

² См.: State Department. Office of the Coordinator of U.S. Assistance to Europe and Eurasia. Congressional Budget Justification for Foreign Operations, FY 2011; Nichol J. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests: CRS Report for Congress / Jim Nichol; Congressional Research Service Report. – 2011. – January 12. – P. 50.

³ См.: Congressional Budget Justification. Foreign Operations. Annex: Regional Perspectives. Fiscal Year 2012 / U.S. Department of State. – P. 634.

республике в 1995 г., вложил в свои местные инициативы не менее 58 млн долл.¹ Национальный фонд поддержки демократии (National Endowment for Democracy, NED), будучи неправительственной организацией, финансируется напрямую Конгрессом США, только в 2010 г. выделил для казахстанских НПО грантов в размере от 25 до 300 тыс. долл. на общую сумму около 700 тыс. долл.²

Наконец, американское присутствие дополняется и дублируется разнообразными проектами Евросоюза и отдельных европейских стран, а также западных международных организаций, и прежде всего НАТО, в программе которой «Партнерство ради мира» Астана участвует с 1994 г. Таким образом, ежегодно миллионы долларов «вкачиваются» в Казахстан с целью распространения либеральной идеологии, создания дееспособной сети лоббирующих американские интересы НПО и СМИ, а также формирования прозападных элит.

Правительство США, федеральные агентства и частные американские фонды спонсируют отдельные донорские программы напрямую, но в основном распределяют гранты среди западных и местных неправительственных организаций, которые и выступают по ним конечными исполнителями.

USAID предпочитает вести работу в Казахстане через зарекомендовавшие себя американские и международные некоммерческие и консалтинговые структуры: ACIDI/VOCA, AECOM International Development, Flora and Fauna International (FFI), Population Services International (PSI), Eurasia Foundation, Abt Associates, Альянс волонтеров за экономический рост (VEGA), Американские советы по международному образованию (American Councils for International Education, ACTR/ACCELS), Weidemann Associates, Deloitte Consulting, Детский фонд ООН (UNICEF), Internews Network, Cardno Emerging Markets, Chemonics International, Pragma Corporation, Tetra Tech, Международная организация по миграции (International Organization for Migration, IOM), Международный фонд спасения Арала (IFAS), Международный центр некоммерческого права (ICNL), Центральное объединение по борьбе и профилактике туберкулеза Королевства Нидерландов (KNCV) и др.

---

¹ О Фонде «Сорос-Казахстан» // Фонд «Сорос-Казахстан»: Интернет-сайт. URL: http://www.soros.kz/ru/about_us/soros_foundation_kazakhstan (18.04.2012.)

² О деятельности национального фонда поддержки демократии США в Казахстане см.: Kazakhstan // National Endowment for Democracy: website. URL: <http://www.ned.org/where-we-work/eurasia/kazakhstan> (18.04.2012.)

Получая средства от USAID, эти международные организации либо самостоятельно реализуют проекты, либо привлекают к работе малые казахстанские НПО. Что касается частных и полугосударственных американских фондов, то они, как правило, напрямую выделяют гранты местному некоммерческому сектору. Например, помощь от Национального фонда поддержки демократии США поступает таким казахстанским объединениям, как интернет-издание «Zona.kz»; Фонд «Адил соз», специализирующийся на защите свободы слова в Интернете, а также Национальная ассоциация телевидения и радиовещания Казахстана¹.

Финансируемая Западом сеть НПО имеет ряд особенностей.

Во-первых, многие из них выбрали Казахстан с его сравнительно открытым правовым, административным и идеологическим режимом как плацдарм для размещения региональных штаб-квартир и работы по другим республикам Центральной Азии. Большинство региональных представительств западных НПО (наряду с киргизским Бишкеком) базируются в «южной столице» Казахстана Алма-Ате. При этом в Астане открыты только отдельные офисы межправительственных организаций и структур ООН.

Во-вторых, в отличие от некоторых других республик ЦА, в Казахстане разрешена деятельность западных организаций, ставящих своей целью воздействие на внутривластные процессы и подозреваемых центральноазиатскими экспертами в участии в «цветных революциях» на постсоветском пространстве. Среди них – Национальный демократический институт (National Democracy Institute, NDI), Международный республиканский институт (International Republican Institute, IRI) и Freedom House, в руководстве которых числятся многие высокопоставленные выходцы из американских дипломатических кругов и спецслужб. Другая подобная структура – Фонд Карнеги «За международный мир» со штаб-квартирой в Вашингтоне и филиалами в Пекине, Москве, Бейруте и Брюсселе – также предпринимала попытку открыть свое представительство в Астане. В октябре 2010 г. переговоры по этому

---

¹ О деятельности национального фонда поддержки демократии США в Казахстане см.: Kazakhstan // National Endowment for Democracy: website. URL: <http://www.ned.org/where-we-work/eurasia/kazakhstan> (18.04.2012.)

вопросу с властями республики провела ведущий американский эксперт по Казахстану Марта Брилл Олкотт¹.

Наконец, правозащитные и некоммерческие объединения в Казахстане имеют возможность более свободно вести деятельность в регионах, где создают информационные офисы и контактируют с местными элитами. В частности, высокую активность они проявляют в примыкающих к Узбекистану южных районах страны и нефтедобывающих западных областях, где довольно распространены сепаратистские настроения. NDI, который тесно связан с демократической партией США и пришел в Казахстан практически сразу с получением страной независимости для закрепления в ней либеральных преобразований, с 2004 г. финансирует работу информационных центров в городах Шимкент, Тараз и Кентау. Локализованные на юге Казахстана, эти центры являются местами встреч гражданских активистов и площадкой для проведения различных семинаров и тренингов. Фонд «Сорос-Казахстан» поддерживает свои опорные пункты, выполняющие схожие функции, в Астане, Караганде, Шимкенте и Актобе². Впечатляет география работы Eurasia Foundation: это и запад Казахстана (Атырау, Кульсары, Уральск), и восток (Павлодар, пригород Семипалатинска – пос. Шульбинск), и юг (Шимкент), и центральная часть страны (Костанай, Астана). На поиск и обучение лидеров местных общин ориентированы также некоторые проекты USAID – Инициативы местного уровня (объем финансирования в 2009–2011 гг. – 1,6 млн долл., исполнитель – NDI) и Местные инициативы развития (13,8 млн долл. в 2009–2012 гг., Cardno Emerging Markets).

Все это в целом формирует благоприятные условия для эффективной работы американских и прозападных НПО по всей территории Казахстана, хотя они сталкиваются здесь и с объективными трудностями, такими как опека спецслужб и значительная коррупция. При действующей схеме распределения грантов, например, большая часть американских денег оседает в карманах многочисленных посредников – западных консультантов, руково-

---

¹ Фонд Карнеги открывает представительство в Казахстане // Новости-Казахстан: Информ. агентство. 2010. 5 октября. URL: <http://newskaz.ru/politics/20101005/824436.html> (10.04.2012.)

² Колосов А. Фонд Сороса и его вклад в развитие казахстанского интернета / Колосов Александр // Computer Club Magazine. 2003, N 10. URL: <http://www.ccm.kz/article/default.aspx?ArticleID=83> (10.04.2012.)

дителей НПО и чиновников, которые превращают их в источник постоянного заработка.

Традиционно в неправительственном сегменте существует своеобразное «разделение труда», когда крупные НПО придерживаются конкретной специализации: ICNL предоставляет НПО правовую помощь, Internews обеспечивает им информационную поддержку в СМИ, NDI контактирует с политическими партиями, Freedom House проводит оценку уровня соблюдения прав человека и таким образом формирует западное общественное мнение о самой стране и ее руководстве.

Помощь правительства США и американских фондов, распределяемая через систему НПО, частично поступает на благотворительные и гуманитарные проекты, ликвидацию последствий стихийных бедствий, укрепление системы здравоохранения, борьбу с инфекционными заболеваниями, микрокредитование малого бизнеса и экологию. Информация о гуманитарных акциях Вашингтона широко тиражируется американскими представителями в Казахстане, зачастую приобретая характер рекламной кампании в поддержку благоприятного имиджа США. Одновременно американские ассигнования используются в политико-идеологических целях и в качестве финансовой основы «мягкой силы». В данном случае они концентрируются на двух ключевых задачах: получение доступа к информационному пространству республики и расширение в ней прозападной социальной базы. В конечном итоге это призвано как минимум влиять изнутри на политический курс Казахстана, а как максимум – добиться утверждения в стране ориентированного на Вашингтон правительства.

Первое направление подразумевает создание в Казахстане сети лояльных Вашингтону средств массовой информации, а также распространение на него вещания западных массмедиа. Информационные потоки служат пропаганде американского образа жизни и либеральных ценностей, воздействуют в нужном ключе на общественное мнение, оказывают давление на власти республики и лоббируют американские внешнеполитические инициативы в регионе. В рамках данного направления американцами реализованы многочисленные проекты по поставкам оборудования в «независимые» СМИ, созданию телерадиопрограмм, подготовке казахстанских журналистов. Ведущей НПО в данной сфере высту-

пает Internews Network, на финансирование которой только по линии USAID с 2009 по 2014 г. будет выделено более 15 млн долл.¹

Вместе с тем, по данным американской стороны, примерно из 3 тыс. средств массовой информации, действующих в Казахстане, пятая часть находится в госсобственности, а большинство телевизионных и радиостанций контролируются членами семьи или приближенными главы государства². Это пока серьезно осложняет внешнее вмешательство в информационное поле республики. Кроме того, по американским оценкам, в Казахстане сложилось весьма жесткое законодательство, регламентирующее работу СМИ, а смягчающие поправки, внесенные в него Астаной в преддверии председательства страны в ОБСЕ в 2010 г., носят косметический характер. Так, ограничены возможности интернет-СМИ, а также зарубежных каналов и информагентств по вмешательству во внутренний избирательный процесс, поддержке и критике того или иного кандидата или партии. Применяются ограничительные процедуры при регистрации СМИ, распределении телерадиовещательных частот, ретрансляции иностранного контента.

Контроль над традиционными СМИ все более подталкивает американцев переносить свои проекты в Интернет, а также развивать спутниковое телерадиовещание, аудитория которого в Казахстане стабильно растет. Новый подход получил название «цифровой дипломатии» и включает в себя несколько инициатив.

Прежде всего Госдепартамент США через диппредставительства в Казахстане продвигает так называемую «свободу Интернета», представляющую собой попытку превратить «Всемирную паутину» в пространство, где сведена к минимуму государственная цензура и могут свободно циркулировать радикальные настроения. В частности, американские дипломаты и правозащитники выступили с критикой действий казахстанского правительства, которое в августе 2011 г. после серии террористических атак блокировало доступ к 50 сайтам (включая популярную

---

¹ Проекты USAID в Казахстане // USAID Казахстан: Интернет-сайт. URL: <http://centralasia.usaid.gov/ru/kazakhstan/483> (18.04.2012.)

² 2010 Human Rights Report: Kazakhstan / Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor (April 8, 2011) // United States Diplomatic Mission to Kazakhstan: website. URL: <http://kazakhstan.usembassy.gov/hrr-2010.html> (15.04.2012.)

блог-платформу «Живой журнал»), обвинив их в пропаганде религиозного экстремизма¹.

С целью трансляции своей позиции в отношении казахстанского общества американцы инициировали проведение многочисленных публичных мероприятий, таких как форум «Развитие интернет-сферы в Центральной Азии InternetCA-2011», прошедший в Казахстане в июне 2011 г. Его организаторами выступили среди прочих посольство США, Фонд «Сорос-Казахстан», Центр ОБСЕ и представительство ЕС в республике. А две главные темы, звучавшие на форуме, касались конфликта властей Казахстана с американским интернет-гигантом Google и критики идей президента Н. Назарбаева по ограничению Интернета, высказанных им на юбилейном саммите ШОС в Астане (включая предложенное им понятие «электронных границ» в международном праве).

Посольство и консульства США в Казахстане в обязательном порядке создают также собственные интернет-сайты, персональные блоги и открытые группы в социальных сетях, обеспечивающие обратную связь с местной аудиторией. На сотрудников дипмиссий, ответственных за информационную и культурную работу, возложены обязанности по популяризации таких американских интернет-ресурсов, как соцсеть Facebook, портал для продвижения американского образования Education USA и сайт Global Alumni Community, разработанный как средство объединения выпускников многочисленных образовательных программ, финансируемых Госдепом США.

С другой стороны, США переносят в интерактивную среду свои международные телерадиовещательные ресурсы. В Интернет переместилась, например, американская информационная служба «Радио “Свобода”», сайт которой переводится на казахский язык под брендом «Радио Азаттык» и служит распространению в республике западной интерпретации различных внутри- и внешнеполитических событий. Американцы поддерживают многие местные и международные СМИ, специализирующиеся на освещении в Интернете событий в ЦА. Фондом Сороса финансируется известное информационное агентство EurasiaNet, а спонсором новостного и

---

¹ Кеннет Фэйрфакс: Террористы не признают границ // Общественно-политическая газета Казахстана «Время»: Интернет-сайт. 2011. 26 ноября. URL: <http://www.time.kz/news/archive/2011/11/26/kennet-feyrfaks-terroristy-ne-priznayut-granic> (18.04.2012.).

аналитического ресурса CentralAsiaOnline.com выступает Центральное командование ВС США (USCENTCOM)¹.

Наиболее опасным направлением «цифровой дипломатии» может стать стимулирование протестных движений среди молодежи посредством социальных сетей². Созданный под эгидой правительства США «Союз молодежных движений» (Alliance for Youth Movements), целью которого является использование активности молодежи в Сети для изменения социально-политической ситуации в зарубежных странах³, ведет поиск активистов, в том числе в Казахстане. В центральноазиатской прессе отмечены первые случаи использования соцсетей для организации пока малочисленных уличных акций.

На данном этапе западные социальные сети в Казахстане уступают по популярности российским. На начало 2012 г. количество пользователей Facebook оценивалось здесь в 360 тыс. человек⁴, т.е. не более 2–3% населения (для сравнения: в предреволюционном Тунисе пользователи Facebook составляли 16% населения, а в Египте – 7%). Сложившаяся ситуация объясняется неразвитостью местного сегмента Интернета и тем, что крупные западные интернет-корпорации только приходят на рынок Казахстана⁵. Однако необходимо учитывать, что пользователями Facebook в республике являются в основном журналисты, интеллигенция, бизнесмены, т.е. политически наиболее активная часть общества, а также то, что число подписчиков этой сети растет темпами, позволяющими ей в 2012 г. потеснить по популярности в Казахстане российские

---

¹ См.: About EurasiaNet // EurasiaNet.org: website. URL: <http://www.eurasianet.org/node/14733> (16.04.2012); About Central Asia Online // Central Asia Online: website. URL: http://www.centralasiaonline.com/en_GB/pages/about (16.04.2012.)

² Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США / Н.А. Цветкова // США и Канада: Экономика, политика, культура. – 2011. – № 3. – С. 109–122.

³ См.: Alliance for Youth Movements: website. URL: <http://www.movements.org/pages/about> (09.04.2012.)

⁴ Asia Internet Usage and Population // Internet World Stats: website. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats3.htm> (25.02.2012.)

⁵ См.: «Интернет-бизнес в Казахстане (1991–2011): История, текущее состояние и перспективы», доклад вице-президента ОЮЛ «Интернет Ассоциация Казахстана» А. Ляхова на 1-й Казахстанской интернет-конференции i-MIX 2011 (Алматы, 26 мая 2011 г.).

платформы «ВКонтакте» и «Одноклассники», а через три–четыре года и интернет-проект «Мой мир»¹.

Особое внимание американская сторона уделяет также активизации диссидентов через блогосферу и интернет-журналистику. Осенью 2010 г. Госдепартамент запустил программу Civil Society 2.0.², в рамках которой технические специалисты из США обучают представителей оппозиционных и диссидентских групп из зарубежных стран навыкам создания блогов, сайтов, групп в социальных сетях, использования специального программного обеспечения³.

Internews, Фонд «Сорос-Казахстан» и другие западные НПО на местах в последнее время все большее внимание уделяют проектам в области интернет-журналистики, таким как «Развитие новых медиа в ЦА», «Новый репортер.org» и др. Они разъясняют технические и правовые аспекты создания СМИ в Интернете, распространяют программу Tunnel Bear и другие утилиты, позволяющие преодолеть, например, блокировку «Живого журнала» и Twitter в Казахстане. Приглашают с лекциями ИТ-специалистов из США, проводят семинары и конкурсы, часто делая акцент на сотрудничестве с журналистами из регионов. Участвуют в финансировании таких мероприятий, как BarCamp Central Asia, на которое ежегодно съезжаются множество интернет-специалистов, т.е. есть возможность провести поиск талантливых и активных молодых блогеров и затем направить их на стажировку в Центр Беркмана по изучению Интернета и общества при Гарвардском университете. Данный центр, по оценкам российских аналитиков, специально создавался для изучения политической ориентации пользователей социальных сетей и блогов в зарубежных странах. С 2007 г. в интересах правительства США Центр провел исследования социальных сетей и блогосфер России, Ирана и арабского мира, что позволило американцам принять конкретные решения о

---

¹ Сделай мне Казнет // Интернет-ресурс о казахстанском рынке информационных технологий PROFIT: Интернет-сайт. 2011. 28 декабря. URL: <http://profit.kz/articles/1727-Sdelaj-mne-Kaznet/> (28.04.2012.)

² Secretary Clinton Announces Civil Society 2.0 Initiative to Build Capacity of Grassroots Organizations, Media Note, Marrakech, Morocco (November 3,2009) // U.S. Department of State: website. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/nov/131234.htm> (10.04.2012.)

³ Интернет-протокольная служба Госдепа // Коммерсантъ. 15.09.2011. № 172 (4713).

финансировании некоторых зарубежных диссидентских организаций, действующих через Интернет¹.

Интерес американцев к блогосфере республики – фактор, который нельзя игнорировать. На сегодняшний день, по оценкам специалистов, Казнет как наиболее динамично развивающийся сегмент Интернета в ЦА отстает от Рунета примерно на три года и будет развиваться по схожему с российским доменом сценарию. В частности, прогнозируется скачкообразный рост популярности социальных сетей, блог-платформ, новостных ресурсов, сайтов общеполитической тематики². Одновременно так называемое ядро пользователей, т.е. число тех, кто постоянно и активно проявляет себя в Сети, вырастет в Казахстане до 3,5 млн³. Политизация Казнета может также совпасть с ожидаемым периодом политической турбулентности в Казахстане в связи с возможными перестановками в руководстве государства. На этом фоне появление в интернет-сообществе Казахстана центров влияния США расширяет возможности Белого дома по вмешательству в ход внутривнутриполитического процесса в республике.

Для решения задач цифровой дипломатии американцы создали в Казахстане сеть разнообразных культурных, ресурсных и компьютерных офисов. В 1998 г. Фондом «Сорос-Казахстан» был открыт алма-атинский Центр интернет-тренинга (Internet Training Centre, ИТС), где стали проводиться занятия по созданию веб-сайтов. На базе ИТС с 2000 г. работает региональная академия американского телекоммуникационного гиганта Cisco, обучающая местный технический и инженерный персонал, специализирующийся на работе с компьютерными сетями. С 2000 г. в ИТС стали проходить производственную практику студенты технических факультетов четырех алма-атинских вузов (КазНТУ, АИЭС, КАУ, КИМЭП), а с 2001 г. также и факультетов журналистики КазГУ, АИЭС, КазНТУ, Высшего колледжа информатики, Алма-Атинского политехнического колледжа. В целом именно американский Фонд «Сорос-Казахстан» стал одним из пионеров в финансировании разнообразных интернет-проектов в республике, включая систематические конференции и тренинги по информационной безопасности и проблемам свободы слова в Интернете, а

---

¹ Цветкова Н.А. Указ. соч.

² См.: Сделай мне Казнет.

³ Лукичева И. Прогрессирующая сеть / Капитал. 2011. 27 июля. URL: <http://profit.kz/articles/1671-Progressiruuschaya-set> (21.05.2012.)

также веб-журналистике. Кроме того, при поддержке Фонда к Сети были подключены несколько сотен казахских НПО¹.

Интересно также, что один из ведущих казахстанских телекоммуникационных операторов, предоставляющих доступ к сети Интернет и к международной связи, НУРСАТ, созданный в апреле 1997 г. как совместное американо-казахское предприятие, смог занять лидирующие позиции на рынке, в том числе благодаря многомиллионному гранту, выделенному правительством США на ликвидацию Сары-Шаганского противоракетного полигона. На эти средства довольно быстро им была введена в строй сеть цифровых спутниковых станций, сейчас охватывающая более 80 населенных пунктов Казахстана и связанная мощным спутниковым каналом с Европой. В числе клиентов НУРСАТ – крупнейшие банки страны и западные ТНК, разрабатывающие местные нефтегазовые месторождения².

В целом проведенный анализ показывает: приоритеты правительства США в информационной сфере смещаются в сторону поддержки «новых медиа», что особенно актуально в стране, где государство практически повсеместно контролирует традиционные СМИ.

Второй генеральный вектор приложения усилий американских грантодателей нацелен на расширение прозападной социальной базы в Казахстане. В этих целях американская администрация и фонды выделяют средства на многочисленные образовательные программы, тренинги и курсы подготовки, прицельно охватывающие несколько важных социальных групп – молодежь, сотрудников правоохранительных органов и управленцев среднего звена.

В стране на постоянной основе находится группа американских советников по правоохранительным вопросам. В рамках программы Assistance for Europe, Eurasia and Central Asia (АЕЕСА) действуют курсы для персонала антинаркотических, пограничных и таможенных структур, в качестве аргумента при финансировании которых Государственный департамент США приводит необходимость укрепления южной границы Казахстана в связи с его вступлением в Таможенный союз. При содействии USAID были

---

¹ См.: Колосов А. Фонд Сороса и его вклад в развитие казахстанского Интернета.

² Nursat: website. URL: http://www.nursat.kz/page.php?page_id=64&lang=1 (18.04.2012); Ляхов А. Казахские интернет-провайдеры (ч. 1) / А. Ляхов // Computer Club Magazine. 2000. № 9.

открыты Региональный центр обучения таможенным операциям Международной таможенной организации¹, а также Центрально-азиатский региональный информационный и кооперационный центр (CARICC), призванный служить для координации трансграничных операций по борьбе с наркотиками, обмена оперативными данными о наркоторговле в регионе и проведения тренингов для сотрудников антинаркотических ведомств. По проекту International Military Education and Training (IMET) ведется подготовка казахстанских офицеров и сержантов как в самой республике, так и в США². Упор в этой работе, целями которой являются вовлечение Казахстана в операции НАТО и усиление совместимости его Вооруженных сил с Альянсом, делается в том числе и на изучение английского языка. Организуются стажировки для банковских служащих, представителей малого бизнеса, работников органов местного самоуправления и судей. Американцы оплачивают их выезд за границу, а по возвращении устраивают семинары, в ходе которых последние делятся опытом с коллегами.

Американская администрация поддерживает стремление казахстанской молодежи получать образование на Западе, а также в Американском университете Центральной Азии, учрежденном в 1993 г. в Бишкеке. Для информирования о многочисленных американских образовательных программах и привлечения студентов по всей республике создано шесть консультационных центров³. Западные вузы пользуются особой популярностью у стипендиатов казахстанской правительственной программы «Болашак». По возвращении на родину многие молодые люди, получившие образование в США, поступают на службу в органы государственной власти Казахстана. Сегодня они составляют второй уровень аппаратной иерархии республики – слой деполитизированных управленцев, менеджеров и технократов, обеспечивающих нормальное функционирование экономики и государства, и, как правило, отстранены от центральных кадровых и управленческих решений.

---

¹ USAID in Kazakhstan // USAID: website. URL: <http://www.usaid.gov/locations/asia/countries/kazakhstan/> (26.05.2012.)

² Сотрудничество Республики Казахстан с Соединенными Штатами Америки // Министерство иностранных дел Республики Казахстан: Интернет-сайт. URL: http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/europe_america/35 (04.03.2011.)

³ Об американских консультативных центрах в ЦА см.: Education USA: website. URL: <http://www.educationusa.info/centers.php?region=2#.T0YbBnkx4f3> (23.02.2012.)

Однако они не лишены властных амбиций и в будущем способны занять высокие государственные посты, сохранив при этом свою прозападную ориентацию. То, к каким последствиям при неблагоприятных условиях это может привести, наглядно показывает опыт грузинского президента Михаила Саакашвили – выпускника Колумбийского университета (Нью-Йорк), обучавшегося на один из американских грантов.

Повышенную активность в работе с казахстанской молодежью проявляют американские фонды и неправительственные организации. Среди них выделяется Фонд Сороса, которому приписывают финансирование таких молодежных оппозиционных движений, как грузинское «Кмара» и украинское «Пора», сыгравших ключевую роль в уличных акциях неповиновения во время «цветных революций» в этих странах. При поддержке Фонда «Сорос-Казахстан» были созданы молодежные центры «Білім-Центральная Азия», «Step by Step», Центр современного искусства, Волонтерский дом, Национальный дебатный центр, Языковая школа, Центр демократического образования и др. Так, например, через один Национальный дебатный центр прошло более 15 тыс. молодых людей, получивших здесь навыки ведения публичной дискуссии¹. Фонд обеспечивает выезд и стажировку казахстанских студентов за границу, проводит молодежные форумы и съезды², на которых участникам прививаются ультралиберальные ценностные установки и воспитывается негативно-критическое отношение к собственной власти, традиции и истории.

Национальный демократический институт США делает ставку на работу с политически активной молодежью Казахстана³. Он реализует в ее среде обучающие программы, приглашает молодых лидеров республиканских партий, включая правящую НДП «Нур Отан», на международные конгрессы в США⁴. Повышает протестный потенциал молодых людей, вовлекая их в околополитическую деятельность, включая мониторинг электоральных про-

---

¹ Kazakhstan National Debate Center trains 15,000 students // USAID: website. URL: http://www.usaid.gov/stories/kazakhstan/fp_kazakhstan_debate.pdf (18.04.2012.)

² См.: О Фонде «Сорос-Казахстан».

³ Kazakhstan // National Democratic Institute: website. URL: <http://www.ndi.org/kazakhstan#ContactInformation> (18.04.2012.)

⁴ 22 июля 2008 г. состоялась очередная встреча руководителей Народно-демократической партии «Нур Отан» с делегацией Национального демократического института (НДИ) // Новости политических партий России и стран СНГ: Интернет-сайт. URL: http://www.qwas.ru/kazakhstan/nurotan/id_112044/ (18.04.2012.)

цессов. Институт среди прочего принимал участие в создании Республиканской сети независимых наблюдателей Казахстана (Republican Network of Independent Monitors). Подобные финансируемые Западом организации неоднократно ставили под сомнение результаты выборов во многих постсоветских странах и объявляли нелегитимной действующую власть. Делегитимизации власти способствуют также разнообразные антикоррупционные комитеты, разоблачающие государственных чиновников в Интернете, создание которых фиксируется в Казахстане.

Ряд программ представительства Eurasia Foundation в республике ориентирован на вовлечение активной молодежи в общественно-политическую жизнь. В октябре 2010 г. был запущен проект «Профессиональная молодежная журналистика в Центральной Азии», предусматривающий обучение школьников старших классов и студентов западным стандартам журналистики, создание четырех медиашкол и четырех веб-сайтов для публикации материалов на языках ЦА, а также английском и русском. Партнерами проекта Eurasia Foundation, который охватывает также Киргизию и Таджикистан, выступают местные вузы и НПО (в Алма-Ате – NGO Media Net). Авторы инициативы рассчитывают на размещение до 300 тыс. материалов молодых журналистов, в том числе на популярных «независимых» сайтах¹.

Таким образом, Соединенные Штаты создали на всей территории Казахстана сеть неправительственных организаций, претворяющих в жизнь как гуманитарные, так и общественно-политические инициативы своих западных доноров, ежегодно выделяющих на их поддержку суммы, исчисляемые десятками миллионов долларов. Прозападные средства массовой информации утвердились в медийном пространстве республики за счет набирающих популярность проектов в Интернете, который в условиях государственного контроля над телерадиовещанием все более приобретает ореол независимого источника информации. Через многочисленные образовательные центры, открытые в городах Казахстана, программы стажировок, долгосрочных и краткосрочных курсов прошли десятки тысяч граждан республики, включая сотрудников силовых ведомств, активистов молодежных движений, журналистов и представителей местных элит, которые теперь связывают будущее Ка-

---

¹ Программы Фонда Евразия Центральной Азии. Профессиональная молодежная журналистика в Центральной Азии // URL: <http://www.ef-ca.org/projects/professional-youth-journalism-in-central-asia> (18.04.2012.)

захстана исключительно с либерально-демократической моделью развития и приоритетом сотрудничества с западным миром.

(Продолжение в следующем номере.)

*«Центральная Азия: Проблемы и перспективы
(взгляд из России и Китая)», М., 2013 г., с. 8–28.*

Е. Ионова,

кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)

АКТИВИЗАЦИЯ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЙСКО-КИРГИЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Фактором, во многом определяющим политику РФ на центрально-азиатском направлении, стал предстоящий вывод войск международной коалиции из Афганистана. Действия Москвы свидетельствуют о признании ею необходимости усилить ответственность в борьбе с угрозами терроризма и наркотрафика в Центральной Азии. Обеспечение национальной безопасности России рассматривается руководством страны в неразрывной связи с обеспечением безопасности в ЦА.

Немаловажную роль играет также стремление Москвы предотвратить распространение влияния США в регионе. Однако следует отметить, что проводимая РФ антинаркотическая политика не исключает сотрудничества в этом вопросе с Соединенными Штатами и другими странами Запада. Вместе с тем российская сторона считает, что Вашингтон должен подключиться к уже действующим проектам или развивать сотрудничество по линии ОДКБ – НАТО. В Москве крайне неодобрительно отнеслись к выдвинутой Вашингтоном идее создания под контролем США в пяти центральноазиатских республиках специальных подразделений по борьбе с наркомафией¹.

В целом политика России в отношении стран региона претерпевает определенную трансформацию. Во-первых, как свидетельствуют последние шаги российского руководства, Москва намерена более активно инвестировать в создание рабочих мест в наиболее отсталых республиках ЦА, таких как Киргизия и Таджикистан, где процветает производство наркотиков и существуют все условия для развития афганского наркотрафика. Речь идет, в частности, о решении создать на базе Внешэкономбанка Российскую

---

¹ <http://kommersant.ru/doc/2682439?themeid=252>

корпорацию сотрудничества со странами Центральной Азии, в задачу которой входит создание в регионе новых рабочих мест. Первоначально, в 2013 г., на эти цели из российского бюджета выделяется 2 млрд руб., которые пойдут на обеспечение контрольного пакета (51%) акций государства, остальные 49% будут принадлежать частным инвесторам. Корпорации предлагается принять участие в строительстве в странах ЦА гидроэлектростанций, развитии птицеводства, сборке высокотехнологичных промышленных изделий.

Ожидается, что реализация намеченных проектов должна обеспечить создание в республиках ЦА только в течение первого года порядка 30 тыс. рабочих мест, что поможет отвлечь население от участия в контрабанде афганских наркотиков¹. В Киргизии, которая на сегодняшний день является главным объектом внимания Москвы в развитии отношений с ЦА, планируется запустить проекты по подготовке профессиональных кадров для российского трудового рынка и организовать централизованный отбор работников для российских предприятий. По мнению председателя Российско-киргизского делового совета И. Полякова, «необходимо разработать механизм организованного набора трудовых ресурсов на территории Киргизии для осуществления трудовой деятельности в России, а также внедрить систему первичного профессионально-технического образования и подготовки рабочих кадров на базе профессиональных лицеев на территории республики»².

Очевидно, в Москве рассчитывают также, что рост занятости в странах ЦА будет способствовать сокращению потока трудовых мигрантов, неконтролируемое увеличение которого ухудшает социальную обстановку в самой России и является, в частности, одним из факторов роста преступности. Неслучайно решение о создании Российской корпорации сотрудничества со странами ЦА было озвучено вскоре после заявления главы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) В. Иванова о необходимости введения визового режима с Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией. Упорядочению потока трудовых мигрантов должно способствовать также то, что по договоренности с руководством Киргизии новые загранпаспорта киргизских гастарбайтеров будут отпечатаны в России.

---

¹ <http://top.rbc.ru/economics/26/04/2013/855844.shtml>

² <http://www.tpp-inform.ru/global/3401.html>

Во-вторых, нынешнюю политику руководства РФ в отношении стран ЦА отличает взвешенный подход к вопросу о том, кому и в каком объеме предоставлять экономическую и военную помощь. Очевидно, что наибольшей поддержкой РФ пользуются республики, продемонстрировавшие готовность к активному сотрудничеству с Москвой. На сегодняшний день главным бенефициарием российской помощи является Киргизия. Именно здесь с помощью России должен быть создан «реальный узел региональной безопасности».

16 апреля 2013 г. Госдума ратифицировала пакет соглашений с правительством Киргизии, заключенных в ходе визита В. Путина в республику в сентябре 2012 г. Несмотря на критику со стороны ряда депутатов от фракций ЛДПР и «Справедливая Россия», большинством голосов было утверждено предоставление Киргизии льготных условий погашения кредитов общей суммой в 500 млн долл. Одно соглашение предусматривает полное списание задолженности по кредиту от 2005 г. в размере 190 млн долл., из которых республика выплатила 55 млн. Второе продлевает срок выплаты по кредиту от 2009 г., составляющему 300 млн долл.: он будет списываться равными долями в течение десяти лет, начиная с 16 марта 2016 г.¹

Два других соглашения касаются ключевого вопроса российско-киргизских отношений, а именно – гидроэнергетики. Они регламентируют строительство в Киргизии с помощью России Камбаратинской ГЭС-1 и четырех гидроэлектростанций на р. Нарын, а также определяют режим их эксплуатации. Финансирование, строительство и использование местных трудовых ресурсов должны обеспечить российские компании «Русгидро» и «Интер РАО ЕЭС». Предварительная оценочная стоимость возведения Камбаратинской ГЭС составляет 64 млрд руб., Верхне-Нарынского каскада – 25 млрд. Срок окупаемости проектов – 15 лет, и на этот период оперативное управление сохраняется за РФ, затем переходит к Киргизии.

В результате реализации этих проектов гидроэнергетический потенциал Киргизии должен значительно возрасти – суммарная мощность пяти ГЭС составит 1 гигаватт. Это позволит республике, в 2012 г. занявшей последнее место по экономическому развитию

---

¹ <http://azerros.ru/analyticsw/12068-gotova-li-kirgiziya-vstupit-v-tamozhenny-soyuz.html>

среди стран СНГ (ее внешний долг достиг 45% от ВВП), значительно увеличить поступления в бюджет от экспорта электроэнергии.

Как известно, строительство новых электростанций в Киргизии является главным камнем преткновения в отношениях Бишкека и Ташкента, выступающего категорически против этих проектов. (Река Нарын протекает вблизи киргизо-узбекской границы и питает также узбекскую часть Ферганской долины.) Президент Узбекистана И. Каримов много сил и времени посвятил противодействию строительству этих ГЭС, считая, что Бишкек может получить контроль над распределением водных ресурсов в ЦА и по своему усмотрению регулировать водные потоки. Как следует из российско-киргизских договоренностей, Москва в этом споре весомо поддержала Бишкек.

По словам российского премьера Д. Медведева, выступившего 23 апреля 2013 г. с заявлением по итогам встречи в Москве с премьер-министром КР Ж. Сатыбалдиевым, «реализация этих проектов будет способствовать сокращению дефицита электроэнергии и в самой Киргизии, и в целом в Центральной Азии»¹. Не в последнюю очередь позиция Москвы в этом вопросе объясняется политическими причинами, а именно – недоверием к Ташкенту, демонстрирующему стремление к активному военному и экономическому взаимодействию с Вашингтоном.

Однако в этой ситуации не все однозначно. Российская сторона уже в мае начала работы по возведению Верхне-Нарынского каскада электростанций. Но что касается Камбарата, то в этом вопросе Москва согласилась с предложением И. Каримова о проведении международной экологической и сейсмологической экспертиз. Пока речь идет только о подготовке ТЭО этого проекта. Нельзя исключать, что строительство Камбаратинской ГЭС-1 будет в очередной раз отсрочено. В этом случае можно будет считать успешным недавний визит в Москву И. Каримова, который некоторые эксперты склонны расценивать как шаг в сторону улучшения отношений с Москвой в преддверии вывода военного контингента НАТО из Афганистана. В то же время, 2 мая 2013 г. в Ташкенте состоялась встреча министра иностранных дел Узбекистана с замминистра торговли США М. Мюррей, посвященная расширению инвестиционного сотрудничества двух стран.

---

¹ <http://government.ru/docs/24015>

Результатом апрельской встречи российского и киргизского премьеров стал ряд новых договоренностей. В частности, было заключено соглашение, предусматривающее повышение роли «Газпрома» и «Роснефти» на внутреннем рынке Киргизии. Была одобрена сделка по покупке «Газпромом» 100% акций национального киргизского оператора «КиргизГаз», причем киргизский премьер выразил надежду, что к началу нового отопительного сезона оператором компании будет уже российская компания. В Бишкеке надеются, что с приходом «Газпрома» республика избавится от проблем с поставками газа внутренним потребителям.

Что касается «Роснефти», то эта компания будет поставлять горюче-смазочные материалы для аэропорта «Манас», откроет два новых топливно-заправочных комплекса – вблизи этого аэропорта, а также аэропорта на юге, в городе Ош. Стороны также договорились об открытии в Киргизии дочерних предприятий российских банков¹. Предусматривается развитие гуманитарных связей: на 2013/14 уч. г. Правительство РФ выделило около 400 стипендий киргизским студентам, обучающимся в российских вузах.

Важными аспектами развития отношений Киргизии с Россией являются их сотрудничество в рамках интеграционных объединений, таких как ЕврАзЭС и ШОС, и вступление Киргизии в Таможенный союз, которое должно было состояться до конца 2013 г. В начале апреля в Бишкеке проходила международная конференция, посвященная этому вопросу. В ее итоговой резолюции говорится, что «для республики присоединение к ТС и ЕЭП открывает такие перспективы, как отмена формальностей, сборов и таможенного контроля на внутренних границах союза; расширение размеров рынка и, как результат, привлечение прямых иностранных инвестиций; большие возможности для международного сотрудничества в области сельского хозяйства; участие в крупных энергетических, торговых, транспортных, информационно-коммуникационных проектах»². В Киргизии есть и противники присоединения к ТС, считающие, что оно может привести к окончательному развалу экономики республики.

РФ, по словам Д. Медведева, поддерживает вступление Киргизии в Таможенный союз, однако для этого ей предстоит подписать 64 документа. Согласно официальным данным, товарооборот республики со странами ТС в 2012 г. увеличился на 25% и соста-

---

¹ <http://www.rg.ru/2013/04/26/partnerstvo.html>

² <http://www.rg.ru/2013/04/03/perspektiva.html>

вил 3 млрд долл., из которых 2 млрд пришлось на торговлю с Россией. По итогам апрельской встречи двух премьеров был подписан протокол о реализации проекта по упрощению таможенных операций и таможенного контроля товаров, ввозимых из Киргизии на территорию РФ. Кроме того, таможенные службы двух стран утвердили изменения в протоколе об организации обмена информацией о перемещении товаров при взаимной торговле. В результате, был создан «зеленый коридор», который должен упростить экспорт товаров из Киргизии в Россию, таких как хлопок-сырец, швейные изделия, продукты питания.

Наконец, важным направлением политики РФ по укреплению российских позиций в ЦА становится усиление военной помощи некоторым странам региона. В Москве подчеркивают, что этого требуют угрозы, которые могут возникнуть после вывода войск из Афганистана в 2014 г., и что эта помощь нацелена, в первую очередь, на укрепление южных границ республик ЦА, которые являются и границами всего СНГ. В рамках Договора о коллективной безопасности Россия намерена предоставить 1,1 млрд долл. Киргизии и 200 млн долл. Таджикистану на модернизацию их армий. По данным ИТАР-ТАСС, в Таджикистане средства должны пойти на модернизацию ПВО и ремонт военной техники. Кроме того, республика получит льготы на поставки российских нефтепродуктов¹.

Бишкек рассчитывает получить стрелковое оружие, боевые и разведывательно-дозорные машины, вертолеты, стационарные госпитали, переносные минометы. Планируется также расширение подготовки киргизских военнослужащих в российских вузах. При этом руководство Киргизии отказалось от предложенной США военной техники, вывозимой из Афганистана. По словам президента А. Атамбаева, он видит будущее своей страны в тесном военном сотрудничестве с Россией, которая является ее «историческим и стратегическим партнером»². В частности, главным результатом своих переговоров с Д. Медведевым он считает то, что Киргизия «шаг за шагом возвращает доверие Российского государства и надежду на более тесное сотрудничество»³.

В Москве также оценили последовательность Атамбаева в вопросе о судьбе находящейся в аэропорту «Манас» авиабазы

---

¹ <http://www.itar-tass.com/cl1/564475.html>

² <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/04/13/11117382html>

³ <http://www.centrasia.ru/newsA/php?st=1336770840>

НАТО, которая при прежнем президенте, несмотря на пожелания Москвы о ее выводе, была всего лишь переименована в Центр транзитных перевозок. Недавно президент КР вновь подтвердил, что база прекратит свое существование в 2014 г., а «Манас» будет использоваться как гражданский аэропорт. Согласно договоренностям, заключенным по итогам встречи российского премьера Д. Медведева и его киргизского коллеги, РФ окажет помощь в модернизации инфраструктуры «Манаса», которая изношена на 40%, а также регионального аэропорта в г. Ош, изношенность инфраструктуры которого достигла 80%.

Недавно военное сотрудничество России и Киргизии получило новый импульс. 27 апреля Совет Федерации РФ ратифицировал соглашения между правительствами двух стран о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизии, а также протокол о сотрудничестве в военной области. Соглашение предполагает, что расположенные на территории Киргизии четыре российских военных объекта – авиачасть в аэропорту «Кант», узел связи морского флота в Чалдоваре, флотский подводный испытательный центр на озере Иссык-Куль и сейсмическая станция в городе Майлуу-Суу – теперь объединяются в единую российскую военную базу. В новом формате эти объекты начнут действовать с 29 января 2017 г. С этого момента срок пребывания базы составит 15 лет при возможной его автоматической пролонгации на 5-летний период. Россия будет платить только за аренду территорий, занимаемых узлом связи и испытательным центром ВМФ. Сумма аренды составит 4,5 млн долл. ежегодно.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2013 г., № 11, с. 85–90.*

Х. Хушкадамова,

кандидат социологических наук,
шеф-корреспондент Московского бюро
НИА Таджикистана «Ховар»

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РЫНКА ТРУДА В ТАДЖИКИСТАНЕ

В советском обществе удельный вес женщин в общей численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, за 1928–1975 гг. повысился с 24 по 51%. Но этот показатель разли-

чался у советских республик в зависимости от уровня их развития и социально-бытовых традиций. Наиболее высок он был в РСФСР, Белоруссии, Латвии, Эстонии; несколько ниже общесоюзного уровня – в республиках Средней Азии и Закавказья (Харчев, Янкова, 1977). В Таджикистане строительство, транспорт, сельское хозяйство, общепит и т.д. считаются традиционно мужскими сферами деятельности. В 1991 г. мужчины в строительстве составляли 80%, на транспорте – 91,5 и в сельском хозяйстве – 63,7%. Сфера здравоохранения отличалась высоким уровнем участия женщин – 67%. Заметна была их доля в информационно-вычислительном обслуживании – 65,6%, в кредитовании и страховании – 53,9%. Традиционная сфера приложения сил женщин – образование, тоже отличалась их значимым участием – 49,2%, промышленность – 46,1, связь – 40,1, культура и искусство – 42, наука и научное обслуживание – 44,1% (Статистический ежегодник РТ, Душанбе, 1999, с. 238).

В европейской части советского пространства бытовое обслуживание традиционно было низкооплачиваемой сферой женской занятости. Развитие отраслей, обслуживающих культурно-бытовые нужды населения, открыло большие возможности для работающего там персонала. В Таджикистане же торговля и услуги сервиса всегда были доходными местами, и их занимали мужчины. Женщины в начале 1990-х годов составляли основную часть торгующих на рынках продавцов магазинов и челночного бизнеса. Сектор образования, традиционная сфера занятости женщин, также из-за низкой зарплаты не оправдал надежды женщин на улучшение своего материального положения и продвижения по службе.

Женщины в Таджикистане, с точки зрения разделяемых ими моделей жизненного пути, даже внутри одного региона не одинаковы, и, следовательно, уровень их участия на рынке труда дифференцирован. Различия по участию женщин во всех аспектах жизнедеятельности таджикистанского общества, в том числе занятости, зависят от экономического и демографического развития регионов, условий жизни, места проживания, культурных и национальных традиций. В Согдийской области – промышленном регионе страны, по официальным данным, в 2008 г. наибольшее число занятых, в том числе 36,7% мужчин от числа всех занятых мужчин, 33,6% – женщины, от числа всех занятых женщин. В Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) зафиксировано наименьшее количество занятых: мужчины составляют 2,4% от общего числа занятых мужчин, а женщины – 2,6% от общего числа

женщин (Женщины и мужчины РТ, Душанбе, 2010). Как видим, численность работающих по найму мужчин и женщин дифференцирована по территории. Женщины слабо участвуют на рынке труда, что становится причиной гендерного неравенства в сфере занятости в Таджикистане.

На уровне правительства созданы институциональные условия для равенства полов в этой области. Профессор Берлинской школы экономики Б. Пфау-Эффингер, затрагивая вопрос о воздействии политики государства на поведение людей, ссылается на два подхода: первый – женщины ориентируются в поведении на финансовые стимулы – это считается реакцией на политику государства. По второй схеме поведение женщин в сфере занятости связано не только с политикой государства, но и с культурными ценностями (Пфау-Эффингер, 2011). Б. Пфау-Эффингер выделяет шесть моделей гендерных укладов: гендерная модель семейной экономики; модель мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки; модель мужчины-кормильца и женщины, частично домохозяйки; модель двух кормильцев при государственном уходе за детьми; модель двух кормильцев / двух домохозяев; модель двух кормильцев / наемной женщины-домохозяйки. Основным ответственным за воспитание детей в советское время считалось государство (Ashwin, 2000). Эта модель классифицируется как модель семьи двух кормильцев и государственного ухода за детьми. В семье мужчина конструировался как «кормилец», несмотря на то что и женщина была занята полный рабочий день. Эта идея имела две цели: полная интеграция мужчин и женщин в систему занятости. Государство и институты сферы труда поддерживали социальные практики женщин и мужчин, соответствовавшие этой модели.

Автору из опыта работы в сфере СМИ Таджикистана в советский период известно, что в республике и тогда не было однородной модели действий и ориентации женщин по вопросам семьи и оплачиваемой работы. В сельской местности преобладала модель мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки. Так как основные работники сферы сельского хозяйства были женщины, то модель мужчины-кормильца и женщины, частично домохозяйки, также имела место в связи с тем, что работа в сельском хозяйстве носила сезонный характер. Ныне в условиях переходного периода, когда разработана гендерная политика, в сфере занятости женщин наблюдается по-прежнему многообразие моделей гендерного уклада, что требует отдельного исследования.

В стране с 1991 по 1999 г. на 9,1% сократилась численность экономически активного населения, которая в 1999 г. составила 1791 тыс. человек (без внешних трудовых мигрантов). Женская занятость на фоне глубокого социально-экономического кризиса и последствий гражданской войны 1992–1997 гг. снизилась больше, чем мужская. Так, из общего количества экономически активного населения – 1791 тыс. человек в 1999 г., женщины составляли 540,4 тыс., или 30,3%. Если эти цифры сравнить с данными 1996 г., то из 1778 тыс. экономически активного населения женщины составляли 827 тыс., или 46,5% (А. Куватова).

Снижение численности экономически активного населения произошло в основном за счет занятости в сельском хозяйстве, где традиционно преобладал труд женщин. Исследования, проведенные в Таджикистане, причинами снижения занятости в этой отрасли называют ликвидацию колхозов, совхозов и низкие темпы развития дехканских хозяйств. С 2004 по 2009 г. численность занятых в колхозах сократилась более чем в 5 раз, в совхозах – в 3,4 раза. Численность занятых в дехканских хозяйствах выросла только на 33%, а число дехканских хозяйств – в 1,5 раза и составило на начало 2009 г. 30 842 единицы. Расходы, связанные с материальным обеспечением хозяйства, высокие налоги, социальные выплаты и, как результат, низкие доходы в аграрном секторе препятствуют его развитию. Тем не менее производство сельхозпродукции является одним из инструментов, укрепляющих экономическое положение женщины и семьи. 60–70% сельскохозяйственных работников в республике составляют женщины.

Возможности женщины в Таджикистане по сравнению с мужчинами особенно в сфере доступа к собственности, землепользованию, владению земельными участками значительно ограничены. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30.04.2004 г. № 196 в Государственную программу «Основные направления государственной политики по обеспечению равных прав и возможностей мужчин и женщин в Республике Таджикистан на 2001–2010 гг.» дополнительно был внесен подраздел «Доступ сельских женщин к земле». Согласно данным ЮНИФЕМ, на июль 2010 г. всего 11% женщин имеют доступ к земле как к собственности и средству дохода (Сафаргул Олими, 2010). В 2008 г. дехканские хозяйства возглавляли всего 12,3% женщин, что свидетельствует о понижении этого показателя по сравнению с 2004 г. (тогда удельный вес дехканских хозяйств, возглавляемых женщинами и мужчинами, составлял 13,9 и 86,1%). Стабильный доход

обеспечивается именно наличием прав на землю. Для расширения экономических возможностей и обеспечения равного доступа мужчин и женщин к владению собственностью, включая землю, в таджикистанском обществе актуальными остаются вопросы повышения информированности об экономических правах, облегчения доступа к кредитам, развития микрокредитования для женщин, развития на местах информационно-посреднической сети для сбыта сельскохозяйственной продукции, надомного труда женщин, проведения исследований и регулярного мониторинга гендерного неравенства и т.д.

Экономический и социальный кризис, высокий уровень безработицы среди мужчин обусловили падение уровня жизни в Таджикистане, стимулировали женскую активность в сфере занятости. В то же время нерешенность социально-бытовых проблем вынуждает женщину выполнять и роль воспитательницы детей, и роль домашней хозяйки. Возникают новые противоречия в гендерном укладе. Детские учреждения и в советское время в сельской местности не функционировали, а сегодня это одна из актуальнейших проблем общества. Это понимают и в верхних эшелонах власти. Необходимость участия женщин в политической и социальной жизни общества и их вклад в развитие национальной экономики постоянно подчеркиваются. В условиях современного Таджикистана «этого можно добиться лишь тогда, когда в городах и сельских местностях будут работать на должном уровне современные дошкольные учреждения» (Выступление Президента РТ, 2012). Пока воспитание детей возложено только на женщин.

Женщины из-за большой загруженности не всегда могут в полной мере выполнить свои роли: сокормильца семьи, воспитателя и домохозяйки, но изменение гендерных ролей не воспринимается обществом. По-прежнему доминирует традиция более высокого статуса мужчин в семье и обществе, а женщина находится на вторых ролях. Тем не менее все чаще таджикская женщина принимает на себя несвойственную ей ранее роль кормильца или сокормильца семьи. То есть трансформация общества создает пространство для новой договоренности о гендерном укладе в пользу женщин, что трактуется учеными как более эгалитарный гендерный уклад. Считается, что эти обстоятельства приводят к перспективе развития гражданского общества и роста в нем феминистского движения (Пфау-Эффингер, 2000). Трудовая активность мужчин с 1991 по 1996 г. снизилась с 60 до 54%, у женщин, согласно официальной статистике, она возросла с 40 до 46%. В годы

гражданской войны 1992–1997 гг. и послевоенного обустройства активность женщин возросла и стала основным средством выживания. В 2007 г. доля женщин, занятых в несельскохозяйственном секторе, составила 37,1%, в 2008 г. – 38,2%. Несмотря на активизацию женщин, уровень экономической активности мужчин в 2 раза выше, чем женщин, и по данным ОРС-2009 г. составил у мужчин 72,2% (в 2004 г. – 77,8%), у женщин – 39,1% (55,4%). Домохозяйства, которые ведутся женщинами, больше подвержены риску бедности, чем домохозяйства, которые возглавляют мужчины. Из общего числа домохозяйств на долю домохозяйств, возглавляемых женщинами, в Таджикистане приходится 19,3%. С другой стороны, сами женщины, как отметил резидент страны в выступлении в честь Дня матери, который отмечается 8 марта, в вопросах создания дехканских хозяйств, внедрения новых принципов ведения хозяйства, занятия руководящих должностей в сельском хозяйстве до сих пор мало проявляют активность.

Численность работников, занятых на малых предприятиях (с численностью десять человек и менее), в 2008 г. выросла по сравнению с 2004 г. на 1,2% и составила 19,4 тыс. человек. Численность женщин в 2008 г. составила 4,0 тыс. человек и снизилась по сравнению с 2004 г. на 2,4%. Их удельный вес в общей численности работников снизился: в 2008 г. по сравнению с 2004 г. на 4,8% и составил 20,4%. С целью поддержки женского предпринимательства начиная с 2006 г. выделяются президентские гранты, предоставляемые общественным организациям и частным лицам-предпринимателям на повышение правовой грамотности женщин, создание рабочих мест и привитие им профессиональных навыков. 190 проектов реализованы за период 2006–2009 гг., в результате чего были созданы рабочие места для 15 тыс. женщин.

В таджикском обществе в последние годы появился феномен «женщины-мардикоры», т.е. сформирован женский рынок «мардикорства». «Мардикор» дословно с таджикского переводится как «работающий мужчина». В словаре этот термин определен как «поденщик» – «наемный рабочий» (Фарханги тоҷики ба руси, 2006). Исследования, проведенные в Таджикистане, характеризуют женское «мардикор-базара» как новый сегмент неформального рынка труда. Количество «женщин-мардикоров» составляет 1–2% неформально занятых и, по прогнозам Института демографии АН РТ, имеет тенденцию к увеличению. Эта традиционно мужская форма неформальной занятости современных женщин имеет свои плюсы и минусы. По официальным данным 2008 г., номинальная

заработная плата у мужчин была 383,8 сомони, у женщин 235,4 сомони в месяц. А женщины-«мардикоры», по данным исследований, проведенных в Таджикистане, в день имеют 20–40 сомони (1 долл. США – 4,83 сомони. 2012 г.). В целом развитие неформальной экономики, состоящей из дополнительной (неофициальной) работы или самозанятости, является характерной чертой современного таджикостанского общества. Более 60% женщин трудоспособного возраста занимаются домашним хозяйством либо заняты в неформальном секторе экономики, в том числе теновом. Неформальная занятость имеет следующие негативные последствия для женщин: отсутствие льгот, предусмотренных системой социального обеспечения, письменного трудового контракта, права на оплачиваемый ежегодный отпуск и больничный лист, временный (нерегулярный) характер работы.

Женщины ищут разные формы заработка на рынке труда. Если в начале 1990-х годов основная масса женщин – новых трудовых единиц, бывших домохозяек, в основном из сельских мест, – вынуждены были браться за тяжелый неквалифицированный труд, то со временем они, пройдя трудовую закалку, находили новое применение своим трудовым возможностям. Трудовая активность женщин способствовала их социальной мобильности. С одной стороны, возможности рыночной экономики – предпринимательство, общественный сектор, другие формы деятельности – привлекают женщин, с другой – гендерная политика страны, разработанная во второй половине 1990-х годов, поощряет женскую активность в публичной сфере. Эта ситуация приводит к изменению традиционного разделения труда во всех секторах экономики, но женщины преобладают в мало оплачиваемых отраслях – сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании. Их статус годами остается неизменным, и зарплату они получают меньшую. По данным ОРС-2009 г., в этих отраслях занято 82,5% женщин (68,5% в сельском хозяйстве) от общего числа занятых. Доля занятости мужчин в этих отраслях составляет 47,4 и 41,1%, соответственно. В связи с этим, кризис в сельском хозяйстве прежде всего отразился на занятости женщин. С 2004 по 2009 г. численность занятых женщин сократилась на 19,5%, численность занятых мужчин – на 7,4%.

Гендерные различия занятого населения по категориям персонала, в основном, определяются отраслевой сегрегацией по признаку пола. Численность мужчин-руководителей всех уровней почти в 4 раза выше, чем женщин; специалистов высшего уровня

квалификации – в 1,5 раза; квалифицированных работников промышленности – в 6,7 раза. Среди специалистов среднего уровня квалификации женщин на 10,2% больше, чем мужчин. Больше женщин и среди служащих, занятых подготовкой информации – на 25,8%.

На уровень занятости женщин оказывает влияние их брачное состояние. Из числа состоящих в браке женщин, по состоянию на июнь–июль 2009 г., работают только 36%. Среди вдовых и разведенных уровень занятости колеблется от 72 до 81%.

Трудовая миграция – один из значимых факторов формирования дохода многих таджикских семей. Таджикистан, согласно докладу Всемирного банка о миграции и развитии, лидирует в списке десяти самых зависимых от денежных переводов в мире. Экономика Таджикистана еще до мирового финансового кризиса развивалась за счет средств трудовых мигрантов: в 2010 г. 2,3 млрд долл., или 31% к ВВП Таджикистана; 2,7 млрд долл. в 2011 г., или более 45% к уровню ВВП. Средняя сумма одной операции в Таджикистан составляет 296 долл.

По официальным данным 2009 г., основной поток внешней трудовой миграции направлен в страны СНГ, среди них 99,3% выезжают в Российскую Федерацию. Анализ данных обследования рабочей силы за 2009 г., проведенный Госкомстатом страны, показал, что во внешней трудовой миграции в основном принимают участие молодые мужчины. Среди трудовых мигрантов мужчины составляют 94,3% (490,5 тыс. человек), женщины – 5,7 (29,4 тыс. человек), молодежь в возрасте 15–29 лет – 56% (292,1 тыс. человек). Лица среднего возраста (30–49 лет) в общей численности трудовых мигрантов составляют 40,5% (210,8 тыс. человек). Средний возраст трудовых мигрантов – 30 лет. Более 72% отсутствуют в семье свыше 6 месяцев (43,4% – до 12 месяцев, 29,1% – больше 12 месяцев), и только 27,5% – менее 6 месяцев. 81% женщин из числа таджикских трудовых мигрантов выезжают на заработки в Российскую Федерацию на срок от 3 до 9 месяцев. В 2011 г., по данным Миграционной службы при Правительстве РТ, из Таджикистана в РФ выехало 708,3 тыс. человек, в том числе 77,8 тыс. женщин.

Телефонные интервью таджикской газеты «Чархи гардун» («Небосвод» – пер. с тадж.) с женщинами-мигрантами из Таджикистана, которые работают и живут в разных регионах России, подтверждают результаты других исследований относительно причин выезда женщин – трудовых мигрантов из Таджикистана в Россию: заработать деньги для семьи и, по возможности, устроить

свою личную жизнь. Стратегия интеграции в общество принимающей страны не стала целью адаптационной модели женщин – трудовых мигрантов в связи с тем, что преобладает стратегия выживания. Проблема женской миграции актуальна и для других стран Центрально-Азиатского региона. Так, сторонникам ограничения прав женщин в Узбекистане был задан вопрос: «В каких сферах жизни общества, по вашему мнению, необходимо ограничить права женщин?» Из этой группы каждый шестой (16,1%) считает, что необходимо ограничить право женщин на выезд за границу с целью заработка¹.

Отношения внутри семей в современном таджикском обществе между его членами – часть актуальной проблемы положения женщин в сфере занятости и в целом в экономике. Семейные, материнские заботы и интересы работы вне дома вынуждают женщину успевать везде. По мнению автора, в современном Таджикистане экономическая ситуация такова, что наиболее распространенные подходы к этой проблеме – обобществление домашнего хозяйства и возвращение женщин из производства в семью – не работают. Неравенство возможностей в работе и продвижении по службе мужчин и женщин обусловлены не только предпочтениями работодателя, но и установками внутри семьи, которые предписывают женщине на первое место ставить дом и семью, а на последующие места – работу, карьеру, образование и т.п. Эти установки отражаются в восприятии занятости как мужчинами, так и женщинами. Согласно данным исследования², 51,8% мужчин и 31,8%

---

¹ Опрос проводился Центром изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» в мае 2008 г., 1300 респондентов из всех областей Республики Узбекистан. Была использована репрезентативная квотная и вероятностная выборка. Расчет выборки осуществлялся на основе статистических данных Государственного департамента статистики Республики Узбекистан. Подробнее см.: Р.А. Убайдуллаева. Духовно-нравственные ценности граждан Узбекистана // Социол. исслед., 2010. № 1.

² Социологическое исследование «Насилие в отношении женщин» проведено в Таджикистане в октябре–декабре 2004 г. Исследование основано на национальной выборке, охватывает все регионы республики и посвящено разделению труда в семье как основе гендерного дисбаланса и насилия в отношении женщин в семье. Цель исследования – определить степень распространенности насилия в отношении женщин в семье и обществе. Задачи исследования: определить гендерные особенности распределения домашних обязанностей в Таджикистане; выявить уровень удовлетворенности женщин распределением домашней работы между мужчинами и женщинами и т.д. Для проведения исследования использовалось сочетание количественного и качественного методов исследования.

женщин полагают, что полный рабочий день женщин мешает семейным отношениям, 14,4% мужчин и 19,1% женщин считают, что это никак не влияет на семейные отношения, а еще 31,1 и 43,1% отмечают, что это не мешает их семейным отношениям.

Обязанности между супругами распределяются следующим образом: от 67% работы (по мнению мужчин – 65%) по повседневной уборке дома (квартиры) до 93,5% по приготовлению еды выполняются женами и другими старшими женщинами в семье. Основными помощниками при выполнении этих видов работ выступают девочки до 16 лет. Традиционно мальчики выполняют мужские виды домашней работы. Так, 11,5% мужчин и 16,6% женщин отмечают, что уходом за садом, огородом, приусадебным участком, двором занимаются мальчики, а 22,5% мужчин и 18,0% женщин ответили, что мальчики выполняют работу по уходу за скотом, птицей и т.д. Этими видами работ женщины и девочки в таджикских семьях почти не занимаются. Но, конечно, где нет мужчин или мальчиков, все хозяйство лежит на женской части семейства. Для большинства женщин работа сегодня воспринимается не как средство самореализации и развития личности, а как источник заработка. Поэтому на вопрос: «Нужно ли жене работать, если муж достаточно хорошо может материально обеспечить семью?» – из всего числа опрошенных (62,3% мужчин и 47,2% женщин) 53,6% придерживаются мнения «нет, не нужно». Только 20,4% респондентов (14,0% мужчин и 25,2% женщин) считают, что «да, нужно жене работать», а 25,6% (23,1% мужчин и 27,4% женщин) отмечают, что «все зависит от обстоятельств». Интересно, что не только мужчины в силу своей состоятельности выступают против работы жены, но и сами женщины в таких условиях не очень-то стремятся работать вне дома. Пока же ситуация такова, что большинство женщин не только занимаются домашним хозяйством, не только рожают и воспитывают детей, но и приносят доход в семью. По результатам исследования, всего в 16,5% семей женщины не имели никакого дохода. В 11,3% домохозяйств женщины имели примерно одинаковые, а в 6,4% случаях

ния. Опрос проводился методом стандартизированного интервью, который сочетался с фокус-групповыми дискуссиями. Всего опрошено 800 респондентов: 330 мужчин и 470 женщин. В фокус-групповых дискуссиях принимали участие 80 женщин. Возрастной интервал определяется в границах 18–60 и выше лет. См.: Шоикулатуллоев Ш. Насилие в отношении женщин: прошлое и настоящее. Душанбе, 2005.

даже более высокие доходы, чем их мужья. Только в одной трети домохозяйств мужья имели значительно выше, а в 14,3% – несколько выше доходы, чем жена. Работа «по семейным обстоятельствам» – совершенно особый вид занятости, это не сочетание трудовой деятельности с домом и семьей, а скрытый женский выбор в условиях, когда приходится приспосабливаться. В результате женщины платят деловой (когда женщина-профессионал: учитель, инженер и т.д. вынуждена сидеть на рынке или заняться челночным бизнесом), семейной судьбой (рост числа неполных семей с одной матерью) и судьбой детей (предоставленные сами себе, они не посещают школу и т.п.). Словом, если бы позволило материальное благополучие семьи, абсолютное большинство сельских женщин занимались бы только домом и воспитанием детей. Автор связывает этот настрой, кроме причин, указанных выше, с тем, что домашние хозяйства, во главе которых стоит женщина, подвержены риску обнищания больше, чем домашние хозяйства, во главе которых мужчина.

Таким образом, в Таджикистане, с одной стороны, нет достаточных финансовых средств для создания привлекательных рабочих мест, с другой – налицо избыток трудовых ресурсов. Одной из самых сложных в Таджикистане, остается проблемы занятости населения, в частности, женской его части. Государство признает роль женщины в развитии и формировании экономически устойчивого и политически стабильного во всех отношениях общества. Улучшение положения женщин в семье и на производстве является одной из главных задач гендерной политики страны.

*«СоцИс: Социологические исследования»,
М., 2013 г., № 9, с. 50–56.*

С. Олимова, М. Олимов,
руководители научно-исследовательского
центра «ШАРК» (Таджикистан)

ПРОБЛЕМА 2014 ГОДА: ВЗГЛЯД ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Принято считать, что Афганистан является главной угрозой безопасности Центральной Азии. Эксперты утверждают, что после вывода части войск НАТО в Кабул вновь вернутся талибы (сами или в результате переговоров), и при их поддержке ИДУ, ИДТ и их коллеги начнут борьбу с существующими режимами ЦА. Кроме

того, предполагается, что рост наркотрафика и экспорт религиозного экстремизма приведут к распространению хаоса и насилия на территории стран региона ЦА. Соответственно, исходя из этой посылки, США, Россия, Европейский союз и в меньшей степени Китай считают, что необходимо наращивать помощь странам ЦА в обеспечении безопасности.

Однако давайте посмотрим, какова ситуация в Афганистане. Прежде всего, непосредственная опасность вторжения талибов странам ЦА уже не грозит, так как НАТО сохранит свое военное присутствие в Афганистане и после вывода войск, намеченного на 2014 г. Новая миссия НАТО в 2014 г., направленная на подготовку и консультирование афганских сил, предполагает использование военного контингента в количестве не менее 10–15 тыс. человек, а предстоящее афгано-американское соглашение по вопросам безопасности определит формат нахождения американских войск на территории Афганистана.

С другой стороны, Россия укрепила свои военные позиции в регионе, заключив соглашения с Бишкеком об Ошской базе и с Душанбе – о пролонгации пребывания 201-й базы на 30 лет. Китай также заметно активизировался в военном плане. Так, на недавнем съезде КПК Ху Цзиньтао заявил о подготовке армии к локальным конфликтам, что говорит о том, что Китай планирует защищать свои инвестиции в Центральной Азии.

Если же говорить о способности афганских силовых структур взять на себя ответственность за обеспечение безопасности после частичного вывода иностранных войск, то их потенциал невысок. Сейчас общая численность афганских сил составляет 352 тыс. человек, что, по мнению Кабула, соответствует потребностям. (К концу 2014 г., по финансовым соображениям, предполагается сократить эти силы до 230 тыс.)

По экспертным оценкам, только небольшая часть подразделений уже может проводить собственные операции при минимальной тыловой поддержке западных войск. Согласно докладу Министерства обороны США, из 23 бригад, имеющих сегодня в составе вооруженных сил Афганистана (в армии Афганистана бригада насчитывает от 3 тыс. до 5 тыс. человек), лишь одна способна проводить операции самостоятельно. Остальные полагаются на руководство, авиаподдержку, обеспечение боеприпасами, связью и разведывательной информацией со стороны войск коалиции. Продолжается передача афганским структурам ответственности за поддержание безопасности на отдельных территориях.

В определенной степени растет эффективность работы афганских спецслужб. Продолжает действовать, хотя и с большими трудностями «Программа национального примирения», в рамках которой идет капитуляция отрядов боевиков. Программа успешно действует в Северном и Западном Афганистане, но практически не работает в Восточном Афганистане, где сильны позиции талибов.

Кроме низкого потенциала обеспечения безопасности существует ряд обстоятельств, также вызывающих беспокойство.

Во-первых, проведение президентских выборов в Афганистане в 2014 г. Здесь можно ждать трудностей, связанных и с возможным отказом отдельных групп афганской элиты от идеи выборов в пользу традиций Лояя Джирги, и с резким обострением напряженности в ходе предвыборной борьбы. Следует также иметь в виду крайне низкую эффективность государственного управления в Афганистане. Кроме «забюрокраченности» и откровенной слабости государственной власти существует проблема недоверия нынешнему режиму Карзая. Правительство Афганистана не смогло создать баланс между различными группами афганского общества и, что по общему мнению афганцев еще хуже, – не справилось с задачей формулирования и отстаивания национальных интересов страны перед лицом иностранного военного присутствия. В любом случае можно прогнозировать, что в 2014 г. борьба за власть в Афганистане обострится, и она будет идти между локальными элитными группировками различных направлений на фоне крайней слабости государства и дефицита управления на всех уровнях. Недоверие правительству Карзая, фрагментация политических сил, их борьба за власть могут способствовать тому, что после 2014 г. Афганистан станет еще более удобным местом для мирового наркобизнеса, терроризма и организованной преступности.

Вторым ключевым моментом, определяющим будущее Афганистана, является возобновление переговорного процесса и поиск места для оппозиционных сил, в частности, Талибана. По-видимому, талибы будут продолжать доминировать только в Восточном Афганистане, тогда как на остальной территории страны в борьбу будут вовлечены группы самых разных конфигураций, включая талибов различной ориентации и этнического происхождения.

Главным вопросом станет этнополитическая композиция будущей власти, т.е. взаимоотношения пуштуязычных и таджикоязычных элит Афганистана, за которыми будут стоять внешние

акторы. Следует помнить, что хотя в Национальной армии и безопасности по-прежнему сильны позиции таджиков, в последние годы был нанесен тяжелый удар по костяку военной элиты Северного Афганистана, поэтому трудно говорить о возрождении Северного альянса. Соответственно, странам Центральной Азии – Узбекистану и Таджикистану – будет значительно труднее, чем раньше, создавать буферные территории на Севере Афганистана, хотя Ташкент активно работает в этом направлении.

Для обеспечения стабильного развития Афганистана необходима также взвешенная внешняя политика Запада. Если противостояние Ирана и Запада дойдет до открытого конфликта, то бомбардировки Ирана быстро вытеснят Афганистан с экранов телевизоров и из памяти в странах Запада, и о нем быстро забудут. Это чревато негативным сценарием развития Афганистана. Даже если это и не произойдет, страхи Ирана перед тем, что стратегическое партнерство Афганистана и США может быть использовано против Ирана, объективно играют на руку талибам.

Большое значение также имеют отношения США – Пакистан. Последний ведет собственную политику подпитки талибов из-за традиционного противостояния с Индией.

В случае развертывания негативного сценария страны ЦА опять возведут высокие барьеры на границах с Афганистаном. Здесь есть положительный момент: реальная опасность будет стимулировать сотрудничество стран ЦА в сфере безопасности, как это уже было в 1997–2000 гг. С другой стороны, ситуация значительно изменилась.

В 2002 г. Афганистан и соседние страны подписали Кабульскую декларацию о добрососедских отношениях Афганистана и его соседей – Ирана, Китая, Пакистана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, что создало правовую основу для сотрудничества в области безопасности и уменьшило потенциальные угрозы безопасности, которые могли бы исходить с территории Афганистана при любом режиме в Кабуле.

Следует посмотреть, насколько ситуация в Афганистане может повлиять на страны Центральной Азии даже в случае плохого сценария с включением проталибских сил в руководство Афганистана.

Практика показывает, что за исключением Таджикистана, который глубоко связан с Афганистаном и который, безусловно, пострадает, если в Афганистане начнется новый виток борьбы за

власть, все остальные страны ЦА не подвержены какому-то серьезному влиянию из этой страны.

Анализ террористических актов и деятельности экстремистских организаций в странах ЦА показывает, что угрозы безопасности, которые существуют в странах ЦА, имеют внутренний характер. Религиозный экстремизм в ЦА – это продукт постсоветского транзита, и он опосредованно связан с религиозными радикалами в Афганистане. Что касается негативного влияния афганского наркобизнеса, то наркопотребление и наркотранзит в ЦА имеют внутренние причины: слабость государственной власти, отчуждение и отсутствие перспектив для молодежи. Улучшить ситуацию в странах ЦА с незаконным оборотом наркотических средств могут укрепление государственных институтов, борьба с коррупцией и расширение достойной занятости молодежи, а не зачка средств в коррумпированные правоохранительные и силовые структуры. В рамках непосредственной борьбы растет роль регионального сотрудничества. Так, недавно принята новая Программа УНП ООН «Региональная программа поддержки усилий по борьбе с наркотиками в Афганистане и соседних странах на 2011–2014 годы», в которой участвуют антинаркотические структуры Афганистана, Казахстана, Киргизстана, Узбекистана, Туркменистана, Ирана, Пакистана и Таджикистана.

Каковы трудности, которые ожидают страны ЦА в связи с афганским фактором-2014?

1. Необходимость принятия дополнительных мер безопасности. Для стран ЦА актуальными являются вопросы об укреплении границ и о мерах по подготовке к принятию афганских беженцев, тем более что они в Таджикистане уже появились. Неизбежное усиление охраны границ и ужесточение пограничного режима будут не только дополнительным финансовым бременем, но и больно ударят по перспективам развития региона. Для стран ЦА было бы сейчас очень выгодно воспользоваться своим геостратегическим положением и извлечь максимальные выгоды от буферного положения между Россией, Китаем, Индией, Ираном, Пакистаном. Афганские транзитные проекты, в том числе прокладка трубопроводов из Туркменистана в Пакистан (и, возможно, в Индию) – ТАПИ, железнодорожных и автомобильных магистралей (Синьцзян–Карачи, Колхозабад–Мешхед и Ташкент–Ашхабад–Бендер-Аббас), линий электропередач (CASA-1000) и связи (Евразийская оптоволоконная магистраль), могли бы открыть широкие перспективы для экономического роста и развития стран ЦА. Однако не-

обходимость обеспечения собственной безопасности заставляет все страны ЦА не только укреплять границу с Афганистаном, но и перекрывать границы внутри региона, что препятствует региональной торговле и экономическому развитию и ухудшает отношения между странами региона.

2. Продолжающаяся дезинтеграция региона. В настоящее время страны ЦА ориентированы на разные конкурирующие между собой системы безопасности. Выход Узбекистана из ОДКБ сигнализирует о том, что ЦА раскололась на две части. Раскол произошел на афганской почве. Ташкент считает, что ОДКБ не способна обеспечить защиту от внешних угроз, исходящих с Юга. Узбекистан также отказался от участия в первых двух конференциях стран «Сердца Азии» – участников Стамбульского процесса, на том основании, что формула «6+3» является лучшим форматом для регионального диалога. Очевидно, Узбекистан продолжит дистанцироваться от мировых центров силы и региональных организаций по безопасности, за исключением ШОС. Ориентация Ташкента на двусторонние отношения и отказ от многосторонних форматов подрывает региональные усилия по обеспечению безопасности. Опасения вызывают и углубляющиеся противоречия Таджикистана и Узбекистана, в том числе и относительно афганского фактора. Активизировавшаяся экономическая и военная поддержка генерала Дустума со стороны Ташкента, нацеленная на сохранение буферной зоны в Северном Афганистане, входит в противоречие с интересами таджикских элит Афганистана, ориентированных на Таджикистан, объективно стимулирует межэтнические противоречия и препятствует достижению примирения в Афганистане. Ухудшает ситуацию экономическая конкуренция Таджикистана и Узбекистана в Афганистане, а также борьба за ресурсы, в первую очередь за воду.

Риски, связанные с водно-энергетическими спорами, возрастут при любом сценарии развития событий в Афганистане. Наибольшее значение имеют долгосрочные угрозы безопасности в Центральной Азии, связанные с конкуренцией за воду и экспорт электроэнергии на быстрорастущие рынки Афганистана и Южной Азии. Уже сейчас безопасность ЦА под угрозой из-за крайнего ухудшения таджикско-узбекских отношений, вызванных ожесточенной конкуренцией за электроэнергетические рынки Афганистана.

Существует также и недооцененная проблема участия Афганистана в разделе воды в ЦА, так как Афганистан становится

очень важным актором и как потребитель, и как потенциальный участник споров по воде. Министр энергетики Исмаилхан уже высказал мнение о необходимости определения доли Афганистана в воде Амударьи. В 2013 г. начинается реализация ирригационного проекта в Кундузе и Афганистан начнет выбирать воду из Амударьи.

Региональное сотрудничество

Говоря о вызовах, связанных с Афганистаном, нельзя обойти вниманием и возможности, которые появятся у стран ЦА после 2014 г. По-видимому, их влияние на Афганистан возрастет. Это ставит на повестку дня активизацию регионального сотрудничества, нацеленного на содействие реконструкции Афганистана. Сейчас такая работа проводится в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Организации исламского сотрудничества, ШОС и других организаций.

Большие надежды возлагаются на ШОС. Все страны региона связаны с ШОС либо в качестве членов, либо партнеров по диалогу или наблюдателей. В рамках ШОС действует Региональная антитеррористическая структура (РАТС), разработана Программа действий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013–2015 гг., которая включает меры по усилению оперативной работы, координации между пограничными службами, взаимодействие с партнерскими контртеррористическими центрами. Планируется, что к деятельности РАТС будут подключаться государства-наблюдатели, в том числе Афганистан и Пакистан. Несмотря на многообещающие программы и стратегии, которые были разработаны в ШОС, страны ЦА относятся к ним с известной долей скептицизма, так как их реализация блокируется отсутствием эффективного механизма реагирования на возникающие угрозы и вызовы.

Одной из новых форм сотрудничества в афганском направлении является Стамбульский процесс, инициированный в ноябре прошлого года Афганистаном и Турцией и включающий страны – соседей Афганистана. Эту инициативу активно поддерживала ШОС, которая принимала деятельное участие в согласовании Стамбульской декларации об укреплении региональной безопасности и сотрудничества в «Сердце Азии» и запуске «Стамбульского процесса». Казахстан, активный участник данного процесса, выразил готовность провести в 2013 г. очередную встречу минист-

ров иностранных дел стран «Сердца Азии» – участников Стамбульского процесса.

Из вышесказанного следует, что:

1. Нет реальных оснований полагать, что уменьшение военного присутствия Запада в Афганистане заметно ухудшит ситуацию с безопасностью в странах ЦА, за исключением Таджикистана. Хотя, следует признать – в целом, в случае дестабилизации Афганистана положение стран ЦА будет ухудшаться. Во-первых, из-за того, что они должны будут больше тратить на обеспечение безопасности. Во-вторых, будут заморожены многие проекты развития, в том числе энергетические и инфраструктурные. Пример – Рогунская ГЭС, ТАПИ. Нестабильный Афганистан остается барьером на пути экономического развития Центральной Азии. Это особенно обидно, так как уже сейчас Афганистан представляет собой растущий рынок сбыта для товаров из Центральной Азии и поле ожесточенной конкуренции между экспортерами электроэнергии из Узбекистана, Таджикистана и Туркмении.

2. Существующие программы помощи правительствам центральноазиатских стран в сфере безопасности, исходящие из Брюсселя, Вашингтона, Москвы и Пекина, не эффективны и не достигают заявленных целей.

3. В-третьих, в 2014 г. не только уменьшится западное военное присутствие в Афганистане. Главное – неизвестно, что будет с афганской государственностью в условиях, когда США и их западные союзники формально снимут с себя прямые полномочия по обеспечению безопасности Афганистана и передадут их афганскому правительству, а при этом из страны и региона не уйдут. Это приведет к резкому снижению прозрачности для стран ЦА в сфере обеспечения безопасности, что вызовет рост недоверия и напряженности в регионе.

Таджикистан – исключение. Таджикистан – единственная страна в ЦА, которая будет сильно зависеть от ситуации в Афганистане по следующим причинам:

- а) протяженная таджикско-афганская граница;
- б) связи с дариязычными группами в Афганистане;
- в) вынужденная – из-за транспортной блокады Узбекистана – переориентация торговли на Юг. Если в 2000 г. основными импортерами таджикского алюминия были Европейский союз и Россия, то в 2010 г. – Китай и Турция. Также произошло переключение

поставок таджикского хлопка с Латвии, Швейцарии и Словакии на Турцию, Иран и Пакистан, что подразумевает транзит через Афганистан. Россия сохранила свое положение как один из крупнейших покупателей таджикского хлопка, хотя нынешняя засуха заставила переключиться на закупки муки и других видов продовольствия из Пакистана. Стремительно растет товарооборот с Афганистаном и Китаем. Все это делает Таджикистан исключительно зависимым от своего южного соседа;

г) необходимость искать союзников в водно-энергетических спорах. Можно предположить, что Таджикистан будет объединяться с Афганистаном в водных спорах по Амударье.

Выводы:

Таким образом, последние геополитические изменения ставят перед странами ЦА ряд серьезных вызовов и задач, связанных с Афганистаном. Это и обеспечение собственной безопасности, и реализация новых экономических возможностей, и жесткая внутрорегиональная конкуренция, и необходимость участвовать в сложной многоходовой игре между большими игроками – США, Россией, Китаем, Европейским союзом, а также растущими региональными лидерами – Ираном, Пакистаном и Индией. Сейчас трудно предсказать, как страны ЦА пройдут это испытание. Но экзамены будут сдавать дипломаты и экономисты, а не силовики.

*«Вызовы безопасности в Центральной Азии»,
ИМЭМО РАН, М., 2013 г., с. 77–83.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Г. Исаев,

доктор исторических наук, руководитель центра изучения современного Ближнего Востока (СПбГУ)

РОССИЯ И ЕГИПЕТ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В «РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ»

На первый взгляд странно сравнивать свершившийся переворот в Египте с несколькими крупными демонстрациями в России: слишком уж различны эти два государства. Но более пристальное рассмотрение ситуации в двух странах позволяет выявить ряд схожих сюжетов, многое объясняющих в том, что касается причин произошедших волнений, как в Египте, так и в России. Безусловно, все состоявшиеся и несостоявшиеся революции имеют глубокие предпосылки политического, социального, экономического характера. Разными исследователями предпринимались попытки выявить некие универсальные, ключевые («решающие») причины общественных волнений в арабских странах и в России, что часто приводило к натянутым обобщениям. Особенно ярко это видно на примере анализа политической составляющей революционных процессов. Во многих западных странах, в первую очередь из уст либералов, часто звучали схожие оценки режимов в России и Египте как авторитарных, следовательно – одинаково обреченных на революционные преобразования. Определение политической системы Египта как громоздкого и неэффективного механизма, управляемого диктатором, давшего трещину и рухнувшего под напором недовольных масс, сильно упрощает и даже прямо искажает картину действительности.

Ряд западных и оппозиционных российских СМИ в период волнений в 2011 г. также акцентировали внимание на авторитарном характере российской власти, всевластном Путине и его «несменяемости». Одна из самых распространенных (и набивших оскомину) общих претензий к Мубараку и Путину заключалась в

том, что они продолжительный срок находились у власти (и собирались находиться далее), нарушая некий универсальный демократический принцип сменяемости власти. Отсюда якобы и причина выступлений «среднего класса» или «образованной молодежи», уставшей от диктатуры и созревшей для протеста. Автор данной статьи считает, что благодаря либеральным СМИ роль «революционных масс» была романтизирована и преувеличена, тогда как образ власти – упрощен и демонизирован. Революционные блогеры и оппозиционные активисты превратились в творцов революции, хотя на деле являлись лишь ее инструментами. Для того чтобы понять суть тех непростых событий, следует обратить внимание на процессы, которые чаще всего остаются скрытыми от глаз и связаны с политическими верхами.

Я убежден в том, что реальная борьба за будущее страны и в Египте, и в России происходила вовсе не на столичных площадях, а внутри политических элит, различные группировки которых стремились достичь большего политического и экономического влияния, используя в своих интересах СМИ, «независимых блогеров», «общественные движения», инициативы гражданского общества» и прочие современные инструменты.

Тот факт, что Мубарак бессменно правил много сроков подряд, вовсе не обрекал его режим на неминуемый крах в результате революции. Двумя важными причинами того, что произошло в Египте, стали возраст президента (на момент свержения – 83 года) и неурегулированный вопрос о преемственности власти. Очевидно, будучи лидером ведущего в регионе государства, находясь в преклонном возрасте, Мубарак должен был иметь четкий план передачи власти, который мог быть принят египетской элитой. 83 года – рискованный возраст для президентства, особенно учитывая циркулировавшие в народе слухи о болезни Мубарака (напомню, что Л.И. Брежнев, которого российские медиа чаще всего представляют в образе дряхлого старца, умер в возрасте 76 лет). Нет сомнений, что в таком возрасте вопрос о передаче власти являлся важным. В качестве вероятного варианта развития событий рассматривался приход к власти сына президента – Гамала Мубарака, что было бы вполне в духе ближневосточных политических традиций. Стоит вспомнить Сирию, где в 2000 г. 34-летний врач-офтальмолог Башар Асад возглавил страну, заняв место умершего отца. Призвание Башара было мудрым решением сирийской правящей верхушки, нашедшей компромиссный вариант в виде сына Асада, который никогда не планировал становиться президентом и

был отрешен от политических дел; следовательно, им можно было легко манипулировать. Но в Египте, для того чтобы Гамаль Мубарак сменил отца, необходимо было согласовать его кандидатуру с представителями египетского истеблишмента, который представляли военные. Начиная с Насера, все президенты Египта были выходцами из рядов армии, которая представляла собой особую касту; передача власти по наследству в такой системе не предполагалась. Мубарак, желавший видеть своего сына президентом, фактически бросал вызов системе.

Накануне выборов 2005 г. многие аналитики пророчили перемены и ждали выдвижения нового кандидата от правящей партии: ведь Мубарак на тот момент исполнилось 77 лет. В феврале того года Мубарак сделал сенсационное заявление об изменении 76-й статьи Конституции, допустив возможность участия в выборах сразу нескольких кандидатов, которые представляли бы различные политические течения страны. В западной прессе решение изменить систему голосования получило название мирной «пальмовой революции». Кто-то оценивал эту меру как шаг к реальной демократии, кто-то как подготовку к передаче власти Гамалю Мубараку. Три года спустя Египет попал в зону турбулентности, связанной с мировым экономическим кризисом, ростом цен на хлеб, проблемами с продовольствием и пр. Уйди Хосни Мубарак от власти ранее, возможно, ему бы сейчас ставили памятники по всей стране. Но накануне очередных президентских выборов, которые должны были пройти в 2011 г., ясности с преемником все еще не было: Мубарак сохранял интригу, не отрицая, но и не подтверждая своего участия в избрании главы государства.

Американские партнеры настойчиво требовали, чтобы выборы были демократическими и честными; за спиной Мубарака замаячили влиятельные люди – глава спецслужб Омар Сулейман и маршал Тантауи, считавшие себя достойными занять пост президента. Открыто поставить вместо себя сына Мубарак не мог, равно как не мог и просто уйти из власти. Обозреватель журнала «Muftah» Н. Эльшамми предполагает, что в сложившихся условиях, для того чтобы «воцарить» Гамалю, проще было дожидаться смерти Хосни Мубарака и представить его сына как спасителя нации от политического вакуума и возможной нестабильности. Может поэтому Мубарак осознанно шел на очередной срок, до конца которого он имел все шансы не дотянуть? Любопытным является и тот факт, что Мубарак не назначал вице-президента (считай, официального преемника) – свидетельство того, что он не хотел пере-

дачи власти своим коллегам – «силовикам». Между тем именно стремление Х. Мубарака любой ценой поставить у власти Гамалю спровоцировало конфликт среди политических группировок и породило кризис режима.

Что касается ситуации в России, то к 2008 г. перед российским лидером В. Путиным также стояли непростые задачи. Президенту, третий срок которого на Западе был бы воспринят критически, было важно найти преемника, назначение которого не нарушило бы баланс сил в российском истеблишменте. Так же как и Мубарак, Путин являлся медиатором в политической игре, балансируя между разными группировками внутри политической элиты. Тот факт, что ему предстояло оставить свой пост хотя бы на четыре года, сам по себе оказывал влияние на внутривнутриполитический баланс сил: приход нового человека в Кремль не мог не отразиться на положении политических группировок. По мнению политического аналитика П. Палажченко, первым шагом к расшатыванию системы было решение Путина не избираться на третий президентский срок в 2008 г. Благо, вопрос возраста перед Путиным не стоял так остро, как перед Мубараком; тем не менее ему, как и последнему, нужно было сделать правильный выбор, который бы не спровоцировал бунта элиты, не привел к резким изменениям баланса сил и позволил бы четыре года спустя вернуться обратно.

Некоторые западные СМИ любят изображать Мубарака и Путина властолюбивыми диктаторами. Но будь Мубарак или Путин действительно «диктаторами», как утверждали некоторые СМИ, они бы не предпринимали столь серьезных усилий, чтобы соблюсти «правила игры», заданной внутренними и международными законами. Мубарак просто бы объявил наследником своего сына, а Путин – без колебаний пошел бы на третий срок. Безусловно, в руках этих лидеров были сосредоточены большие полномочия, но сами они являлись (и являются, в случае с Путиным) заложниками политических обстоятельств – как внутреннего, так и внешнего характера.

Интересно сопоставить две важные фигуры российской и египетской истории: Гамалю Мубарака и Дмитрия Медведева. Это неожиданное и парадоксальное на первый взгляд сравнение на самом деле может дать ответ на ряд вопросов, связанных с пресловутыми «политическими» предпосылками волнений в Египте и России. И хотя первый так и не стал, в отличие от второго, президентом своей страны, с обоими были связаны серьезные на-

дежды в первую очередь в среде либералов и западников, которые как в России, так и в Египте представляли собой одну из влиятельных групп политической элиты. Дмитрий Медведев и Гамаль Мубарак всегда позиционировали себя как умеренные либералы и сторонники прогрессивных нововведений, всем своим видом поддерживая образ светских и современных людей, новых лидеров XXI в. (в частности, здесь уместно вспомнить любовь Медведева к Twitter и iPad). Оба не являлись выходцами из военных структур или спецслужб (как Хосни Мубарак и Владимир Путин). Нет сомнений, что Д. Медведев и Г. Мубарак крайне положительно воспринимались на Западе. Последний в одном из своих интервью, отвечая на вопрос о политических лидерах, которые могут быть примером для него, называл У. Черчилля и М. Тэтчер. При этом он рассуждал как прагматик, подчеркивая значимость традиций, но отмечая необходимость либеральных реформ и модернизации египетского общества.

Мубарак-младший и Дмитрий Медведев – практически ровесники. Гамаль Мубарак родился в декабре 1963 г., тогда как Дмитрий Медведев – в сентябре 1965 г. Активное вовлечение в политику обоих также произошло практически одновременно. Благодаря Путину в ноябре 1999 г. началась карьера Д. Медведева в Москве: тогда его назначили заместителем руководителя аппарата Правительства Российской Федерации. В 2000 г. вхождением в состав секретариата правящей Национал-демократической партии Египта (НДП) началась общественно-политическая карьера Г. Мубарака. В 2002 г. он уже руководил политическим отделом НДП, тогда как Медведев с 2003 г. стал руководителем Администрации Президента РФ. Ключевые события в жизни Мубарака-мл. и Медведева также произошли приблизительно в одно время (в 2004–2005). В ноябре 2004 г. на конференции правящей Национал-демократической партии президент Египта и его сын выступили с обещанием экономических и политических реформ, которые должны были стать «инаугурационными» для Гамалья. Его отец, Хосни Мубарак, публично отрицающий саму возможность наследования власти сыном, тем не менее позиционировал последнего как «человека, способного повести страну по новому курсу». (Кстати, съезд правящей партии Египта проходил в тот год под истинно горбачёвским лозунгом «Новое мышление и приоритеты в проведении реформ».) Мубараку-мл. было поручено сложное, стратегическое направление, где успех мог дать высокий ав-

торитет в египетском обществе (как среди народа, так и среди элит) и обеспечить легитимность дальнейшей передачи власти.

А тем временем в России был дан старт процессам, которые в итоге привели к власти Дмитрия Медведева. 5 сентября 2005 г. президент В. Путин в обращении к правительству, парламенту и руководителям регионов заявил о старте программы приоритетных «национальных проектов», куратором которой стал неприметный вице-премьер Д. Медведев. Автор данного исследования убежден, что именно кураторство над «нацпроектами» (столь тщательно освещаемое в СМИ) подняло рейтинг Медведева и сделало его если не популярным, то известным среди населения. Надо отметить, что российский вариант «национальных проектов» для раскрутки будущего кандидата в президенты был куда менее рискованным, чем египетское «реформаторство». Само слово «реформы» было ими же дискредитировано и вышло из политического оборота. «Нацпроекты» же щедро финансировались и преследовали благородные цели улучшения жизни граждан: повышение уровня здравоохранения, образования, обеспечение граждан доступным жильем, развитие сельского хозяйства.

В задачи настоящего исследования не входит оценка эффективности и реальной пользы «нацпроектов», но следует отметить, что кураторство Медведева протекало гладко и без скандалов, которые могли бы испортить его имидж, в то время как один из его «конкурентов» – министр обороны Сергей Иванов – оказался втянут в несколько неприятных историй, которые были раскручены в СМИ: ДТП со смертельным исходом, в котором участвовал сын Иванова, дело рядового Сычева и др. В этом смысле формируемый либеральными медиа образ Иванова-консерватора в ключевых аспектах оказывался соотносимым с образом другого представителя «силовиков» – египтянина Омара Сулеймана, представителя «старой гвардии», также рассматривавшегося в качестве возможного преемника Х. Мубарака на президентском посту. Омар Сулейман был военным разведчиком, на протяжении долгих лет возглавлявшим Службу общей разведки Египта.

Традиционно на Ближнем Востоке спецслужбы играют важную роль в жизни государства. Египетская «Мухабарат» была влиятельной силой, а Омар Сулейман сумел проявить себя не только как гарант безопасности президента, но и как опытный дипломат и посредник в палестино-израильском урегулировании. И если Сергей Иванов так и не стал реальным конкурентом Дм. Медведева и ушел в тень, то Омар Сулейман рассматривался

как вероятный преемник Х. Мубарака даже некоторое время после отставки президента. В случае Гамаля Мубарака и его президентских амбиций все понятно: этого хотел его отец, пусть даже официально не заявлявший об этом. Но остается открытым вопрос: почему Путин порекомендовал Медведева в кандидаты, учитывая, что он не имел отношения к «силовикам» и к тем, на кого Путин делал ставку в течение 2000-х годов? С одной стороны, президенту нужен был надежный и при этом лишенный харизмы человек, с другой – выбор Медведева позволял обеспечить баланс сил в российском истеблишменте. Еще в 2005 г., за три года до президентских выборов, эту ситуацию объяснил директор Института политических исследований Сергей Марков: «В последнее время Путин натянул вожжи, и “повели” чекисты. Он все больше стал им доверять. Если преемник будет из их среды, то это резко изменит баланс сил, может быть разрушена коалиция, и да произойдет острейший политический кризис».

Рассмотрение деятельности различных группировок и фракций политической элиты является сложным для исследователя вопросом. Обрывочные сведения о процессах внутри истеблишмента, исходящие от зачастую весьма ангажированных персонажей, не позволяют объективно оценить положение дел внутри правящего класса независимых экспертов, а также выводы, которые можно сделать из заявлений политических деятелей, позволяют получить следующую приблизительную картину расклада сил. Египетский президент Х. Мубарак был выходцем из военной среды: после революции 1952 г. у власти в Египте находились военные, занимая ключевые государственные посты. Важную роль они играли в экономике – армия была причастна ко многим египетским производствам. Но в последнее десятилетие в Египте возникло новое поколение политиков, которые двигали египетский рынок по пути либерализации, выполняя обязательства, данные страной при вступлении в ВТО. Они группировались вокруг Гамаля Мубарака и представляли собой тот самый либеральный клан, который был готов прийти на смену египетским «силовикам». Новое египетское правительство, сформированное либералом Ахмедом Назифом в июле 2004 г., включало несколько человек из ближайшего окружения Гамаля. По оценкам западных экономистов, новое египетское правительство было нацелено на проведение либеральных экономических преобразований. Было объявлено о начале налоговой, таможенной, банковской реформ. Вокруг Гамаля сплотились молодые бизнесмены, сделавшие состояние в ходе

приватизации, желавшие продолжения либерального курса, обозначенного молодым Мубараком.

В то же время консерваторы были сторонниками мощного государственного сектора и политики протекционизма, выступая против либеральных реформ, особенно в условиях мирового кризиса, который ударил по Египту. Представители «старой гвардии» были раздражены растущим влиянием «политических предпринимателей», которые группировались вокруг Гамалы Мубарака. Среди них влиятельные бизнесмены, при этом встроенные в политическую систему и накопившие огромные богатства в период экономических реформ; в том числе – стальной магнат Ахмед Эзз, бизнесмен Мухаммед Абуль Айнейн, олигархи Мухаммед Мансур и Ахмед эль-Маграби.

В 1999 г. Ахмед Эзз, приобретя контрольный пакет акций, стал собственником Александрийской национальной металлургической компании (ANISC). В результате объединения ANISC и ряда других компаний была основана крупнейшая на Ближнем Востоке металлургическая корпорация «Ezz Steel», ставшая металлургическим монополистом в Египте с производством 4,5 млн т стали в год. Политическая карьера Ахмеда Эзза была также успешной: он являлся членом правящей партии, с 2000 г. избирался членом парламента, дважды возглавлял египетский «Союз железа и стали», руководил Комитетом планирования бюджета в Народной ассамблее Египта.

Другой союзник Гамалы Мубарака – Мухаммед Абуль Айнейн – был одним из самых известных в стране предпринимателей. Он являлся основателем и владельцем «Cleopatra Industrial Group» – крупнейшего производителя керамической плитки, принимал участие в политических процессах, занимая несколько важных постов в парламентских комитетах. Еще один влиятельный политики и миллионер – Ахмед эль-Маграби – в 2004–2005 гг. являлся министром туризма, одной из ключевых отраслей египетской экономики, а с 2005 г. возглавил Министерство жилищно-коммунального хозяйства и городского строительства. Вместе с другим олигархом – Мухаммедом Мансуром – он владел крупной «Mansour & Maghrabi Investment and Development Company», занимавшейся инвестициями. Позже, после свержения Мубарака, эль-Маграби, равно как и многие другие политики-бизнесмены, будет обвиняться в крупных коррупционных схемах, использовании служебного положения и хищениях государственных средств.

Таким образом, суть внутривластных процессов в Египте накануне революции сводилась к противостоянию политиков-бизнесменов, «либералов» («новой гвардии»), и консервативной «старой гвардии», где преобладали военные и выходцы из спецслужб. Факт острого противостояния внутри египетской элиты подтверждается опубликованными «Wikileaks» документами, где говорится об острой борьбе за власть между Гамалем Мубараком – с одной стороны, и Омаром Сулейманом и маршалом Тантауи – с другой. Сложно судить, являются ли безымянные документы «Wikileaks» надежным источником, но содержащаяся в них информация выглядит правдоподобной. В тех же документах анонимный египетский депутат говорит даже о военном перевороте как вероятном решении вопроса обострившегося противостояния между консерваторами и либералами.

С началом президентства В. Путина в правящем классе резко увеличился процент выходцев из военной среды и спецслужб, которые сформировали «консервативный» блок в составе элиты. В 2000-х годах фактически каждый четвертый в истеблишменте был «силовиком». В основной своей массе выходцы из спецслужб смотрели на либерализацию государства достаточно скептически и являлись наиболее консервативным элементом путинской команды, надеясь как можно больше контролировать политическую и экономическую жизнь России. Что касается «либералов», то к ним относили сторонников создания в России экономики западного типа, экономической и политической либерализации. Путин, как было сказано выше, являлся медиатором процессов внутри элиты, не дававшим какой-либо из групп слишком усилиться.

Безусловно, самым сложным является вопрос характера отношений между элитными группировками: носил ли он характер противостояния? Справедливо ли говорить об антагонизме «либералов» и «силовиков»? Так, политический обозреватель газеты «Financial Times» К. Белтон отмечает, что российская правящая элита представляла собой одну команду, «однако в ней существует борьба интересов между ее фракциями, которые поддерживаются разными сегментами российского крупного бизнеса, у которых различные интересы. Налицо борьба за приватизируемые государственные активы и за влияние на экономическую политику страны». В российских СМИ часто писали о двух крыльях российской власти, между которыми царил согласие по стратегическим вопросам, но могли быть противоречия по вопросам кадровым и экономическим.

С другой стороны, политолог М. Делягин фактически отрицает согласие в правящей элите, настаивая на факте существования конфликта в истеблишменте, в котором сошлись «либеральные фундаменталисты, считающие, что государство должно служить не народу, а российскому бизнесу <...>, с одной стороны, и силовые олигархи, свято верующие в то, что государство должно служить не народу, а им лично, – с другой». Версию о борьбе между двумя крыльями власти – либеральным и консервативным – в интервью «New York Times» подтвердил и олигарх-политик М. Прохоров.

Вопрос, что же могло спровоцировать конфликт внутри элит в исследуемый период, остается открытым. Как было сказано выше, временный «уход» Путина повлиял на общую конфигурацию. Безусловно, свою роль сыграл и мировой экономический кризис 2008–2009 гг., из-за которого «обострились противоречия между разными финансово-промышленными группами относительно вступления страны в ВТО. Усилились споры между сторонниками сохранения “социальной стабильности” и теми, кто требовал ускорения либеральных реформ». Кроме того, стране предстояла масштабная приватизации государственных активов, что усугубляло противостояние между группировками внутри элиты.

Ситуация накануне и после парламентских выборов 2010 г. в Египте была напряженной. Большой общественный резонанс получило убийство полицейскими молодого египтянина Халеда Саида, ставшего одним из символов протестного движения. Полиция и персонально министр внутренних дел Египта Хабиб эль-Адли стали центральными объектами критики со стороны оппозиции. Последний считался одним из наиболее преданных Хосни Мубараку людей, так как он занимал свой пост с 1997 г. и пользовался большим доверием президента.

Выборы в любой стране представляют собой период активизации политических сил. В феврале 2010 г. в Египет приехал бывший директор МАГАТЭ Мухаммад аль-Барадеи, который начал раскачивать ситуацию, делая громкие политические заявления и призывая египтян игнорировать предстоящие выборы в парламент. В преддверии важных событий (парламентские и грядущие президентские выборы 2011 г.) власти решили принять меры, чтобы не пустить в новый парламент «Братьев-мусульман». Крупнейшая в мире исламская организация была уже много лет запрещена в Египте, но во время предыдущих выборов (2005) 88 ее членов прошли в парламент как независимые, что стало сенсацией и об-

надежило «Братьев». Московский востоковед П. Мамед-заде отметил, что либерализация политических «правил игры», инициированная властью в 2005 г., «моментально дала результаты и вывела на авансцену силы, на протяжении длительного времени находившиеся на полулегальном положении и теперь настроенные на активную деятельность и дальнейшую борьбу за власть». В новый парламент «Братьев» не пустили, что, учитывая популярность исламского движения, породило недовольство в народе. Оппозиция указывала на многочисленные нарушения и даже фальсификации, имевшие место на парламентских выборах. Результаты выборов не спровоцировали волнений, как это случилось в России, но стали одной из причин роста протестных настроений.

Для того чтобы раскачать ситуацию и вывести на улицу десятки тысяч людей, нужно было какое-то резонансное событие. Не будет преувеличением считать, что таким событием стали волнения в Тунисе. 14 января там был свергнут президент, что стало сигналом для египетской оппозиции. Сразу после тунисских событий в Египте начинается планирование акций протеста, призывы к которым распространялись через «Facebook» и «Twitter», число пользователей которых резко выросло за последние годы, равно как и число египтян, ставших участниками различных программ, проводимых США и направленных на создание неправительственных и оппозиционных организаций. Акция протеста была тщательно спланирована и хорошо организована, вплоть до маршрутов движения разных колонн и их скорости; более двух десятков сайтов и многочисленные группы в социальных сетях разместили информацию о готовящихся демонстрациях; в бедных районах, где не было Интернета, распространялись листовки.

День выхода на улицу был выбран также не случайно: 25 января является «Днем полиции». Демонстранты хотели выразить протест против действий полицейских и потребовать отставки ненавистного министра внутренних дел – призыв, на который откликнутся многие, поскольку тема полицейского произвола и коррупции являлась одной из самых болезненных в обществе. Как было сказано выше, Хабиб эль-Адли считался человеком Мубарака и доказал свою преданность в критический для патрона период, когда полиция приняла удар на себя, то время как военные пассивно наблюдали за ситуацией, а спецслужбы ничего не сделали, чтобы предотвратить выход людей на улицы.

В Египте, как и во многих других странах Ближнего Востока, всегда уделялось особое внимание вопросам государственной

безопасности. Спецслужбы имели огромный опыт противодействия оппозиционной деятельности. Трудно поверить, что они не заметили серьезных приготовлений к событиям 25 января и допустили такое обострение ситуации, даже учитывая тот факт, что в мобилизации молодежи был задействован Интернет: ведь градус недовольства населения был крайне высок, особенно после событий в Тунисе, так старательно освещенных катарским телеканалом «Аль-Джазира». Но если подозрения в умышленном бездействии спецслужб могут показаться бездоказательными и надуманными, то вопрос с позицией, которую заняли военные с началом волнений, куда более очевиден. С самого начала протестов египетская армия сохраняла нейтралитет, не предпринимая попыток подавить волнения, хотя имела технические возможности разогнать демонстрантов (или просто не пустить их на Тахрир). Военные взяли под охрану наиболее важные объекты, но протестующим не мешали, безучастно наблюдая за действиями полиции. Американский политолог Дж. Фридман утверждает, что военные не пошли на конфронтацию с демонстрантами именно потому, что на самом деле были согласны с их требованиями ухода Мубарака. Мубарак же мог переждать «стояние на Тахрире» и остаться у власти, если бы не произошел «дворцовый» переворот. Фридман отмечает, что волнения в Египте на самом деле носили ограниченный характер – на Тахрире собиралось не больше 300 тыс. человек – что не так и много для 17-миллионного Каира. Египетские события не сравнятся с масштабами событий революции 1979 г. в Иране, где действительно имел место мощный социальный протест.

Судьба страны решалась не на Тахрире; все эти дни в высших эшелонах власти шла подковерная борьба, завершившаяся победой «старой гвардии». Можно назвать точную дату «переворота» – 29 января 2011 г. В этот день был отправлен в отставку премьер-министр Ахмед Назиф – один из ключевых представителей либералов. Премьером стал бывший главком ВВС Египта Ахмед Шафик. В тот же день Мубарак назначил вице-президентом шефа разведки Омара Сулеймана. 29 января оба сына Мубарака с семьями вылетели в Лондон, что ознаменовало окончательное поражение либерального крыла египетской элиты. «Силовики» устранили своих конкурентов, вынудив Мубарака назначить преемником Омара Сулеймана. По всей видимости, была достигнута договоренность, что сам Мубарак пока сохранит президентский пост: 1 февраля в телеобращении к народу он обещает не идти на выборы 2011 г., но отказывается сложить президентские полномо-

чия. Тем не менее точка невозврата была уже пройдена: ситуация на улицах Каира постепенно вышла из-под контроля, и демонстранты все более настойчиво требовали немедленной отставки президента. 2–3 февраля на улицах появились «сторонники» Мубарака, пытавшиеся переломить ситуацию, но их усилия были тщетны. Стало понятно, что джинн выпущен из бутылки, и успокоить толпы молодежи на Тахрире может только отставка президента. 11 февраля Мубарак покинул свой пост, передав полномочия Высшему совету Вооруженных сил, но не своему вице-президенту. По-видимому, это было результатом очередного дворцового переворота, на этот раз – схватки в рамках самой группировки «силовиков», которая закончится поражением Омара Сулеймана и его выходом из игры.

Следует согласиться с английским востоковедом Кр. Филиппсом, который критически оценил романтическую версию «арабской весны» как победу народных масс над диктатурой. По его мнению, антиправительственные народные волнения не могли привести к свержению режима без поддержки ключевых сегментов элит, особенно военных. В Египте смещение Мубарака произошло усилиями консерваторов на фоне общественных волнений.

Посмотрим теперь на ход событий в России. Даже не будучи президентом, Путин сохранял контроль над ключевыми направлениями в политике, авторитет в обществе, несмотря на непростой период мирового экономического кризиса, обострившего ситуацию внутри элиты. С 2008 г. президентом России являлся Д. Медведев. Давая оценку «медведевскому» периоду, исследователи разделились во мнениях: кто-то говорил о реальных переменах, вплоть до либерализации политической жизни в России; кто-то отказывал Медведеву в самостоятельности, называя его реформы «имитационными». На самом деле оба эти утверждения справедливы. Нельзя утверждать, что все четыре года Медведев только «держал пост», чтобы вернуть его Путину четыре года спустя. Как и в случае с Гамалем Мубараком он стал фигурой, с которой связывали свои надежды российские либералы и их зарубежные партнеры. До сих пор ведутся дискуссии о том, возглавлял ли Медведев «либеральный клан» во властных элитах либо был им использован в своих целях. Так, М. Делягин открыто называл Медведева вожаком и «фронтменом» этого клана. В свою очередь главный редактор агентства «Regnum» Модест Колеров полагает, что либеральная группировка сама пыталась «к нему [Медведеву] примкнуть и задушить в объятиях».

На самом деле Медведев так и не предпринял каких-либо серьезных поворотов во внутренней политике, которые могли бы быть истолкованы как либеральные. Либеральной была преимущественно риторика; тем не менее в означенный период произошли важные кадровые перестановки. «Люди Медведева» заняли ряд постов в системе государственного управления. В отличие от многих представителей «старой» путинской гвардии, они не являлись выходцами из силовых структур: их правильнее было бы называть либеральными «технократами». Количество «силовиков» во властных структурах за период правления Медведева сократилось: если в конце 2007 г. тех, кто когда-то носил погоны (армия или спецслужбы), было 55%, то в середине 2011 г. их количество снизилось до 20%.

Успешной Медведев считал свою кадровую работу в регионах: «Я сменил не два десятка губернаторов, а практически половину губернаторского корпуса», – заявил он в мае 2011 г. на пресс-конференции в Сколково. Социолог О. Крыштановская видит в этих «кадровых чистках» одну из причин ослабления власти: «Я здесь вижу параллели с Горбачёвым и Ельциным, которые атаковали свою собственную бюрократию, а лишившись ее поддержки, не могли потом устоять. Они выбивали стул, на котором сидят». Но скорее всего задачей Медведева было как раз ослабить бюрократию в интересах «либерального клана» – равно как ослабить «силовиков» через реформу МВД, а чиновничью «Единую Россию» – через борьбу с коррупцией.

Благородные инициативы Медведева по борьбе с последней на деле привели к дискредитации образа власти; показательные процессы так и не привели к посадкам крупных фигур, лишь усилив в обществе ощущение того, что власть насквозь коррумпирована. Реформа же МВД свелась к переименованию милиции в полицию, но параллельно с реформой был нанесен сильный идеологический удар по этому могущественному ведомству. Медведев начал свое президентство с обещаний серьезных перемен и добился их в первую очередь в вопросе ослабления имиджа власти, став в итоге непопулярным президентом. Согласно опросам «Левада-центра» в 2010–2011 гг. рейтинг Медведева падал. «Население недовольно и экономическим (не удовлетворены – 65,5%), и политическим курсом (50,5%), но винит в этом не правящий тандем. Отвечая на вопрос, кто в России несет основную ответственность за проблемы и рост стоимости жизни, большинство называют Медведева (40,7%). Падение популярности первого лица в России час-

то влечет за собой удар по всей властной системе, которую он олицетворяет, – притом что сама по себе конструкция «тандема» с Путиным была достаточно необычной, если не сказать нетрадиционной, для российской политической культуры. В течение 2011 г. постоянно шли дискуссии о том, насколько прочен тандем и не даст ли он трещину. По мере того как приближался день президентских выборов, все чаще возникал вопрос: кто же реально пойдет на выборы – Медведев или Путин? Однозначного ответа не было. Именно по этой причине «летом 2011 г. дезориентированность элиты, ее неуверенность в будущем ощущалась с небывалой остротой».

Но все определилось 24 сентября на съезде «Единой России», когда произошла знаменитая «рокировка»: Медведев заявил, что не будет баллотироваться на второй срок, а Путин пообещал назначить его премьер-министром в случае своей победы на выборах. Очень важно было, что ситуация с главным кандидатом наконец-то прояснилась – это в каком-то смысле успокоило часть элит, но вызвало разочарование тех, кто рассчитывал, что Медведев сможет обозначить реальную (либеральную) альтернативу Путину. По словам публициста Н. Гульбинского, «“статусные либералы”» делали ставку на то, что Дмитрий Медведев останется на второй президентский срок и будет действовать под их контролем; когда же этого не случилось, их постигло горькое разочарование: стало ясно, что им не удастся сместить внутриэлитный баланс сил в свою пользу». «Рокировка» вызвала активную дискуссию в блогосфере, появилось много критических высказываний в СМИ – фактически началась информационная подготовка к тому, что произойдет в декабре 2011 г.

Осень того года можно назвать периодом формирования протестных настроений в обществе. Важную роль в этом процессе сыграло расшатывание прежней системы, предпринятое Медведевым, равно как недовольство представителей элиты, не желавших продолжения правления Путина. Как было сказано выше, нельзя отрицать объективных факторов социального экономического характера, сыгравших определенную роль в народных волнениях, но следует признать, что вызреванию «креативного класса» сердитых горожан» способствовала серьезная работа либеральных и «независимых» СМИ в предшествующие месяцы. Эффективными оказались такие проекты, как «Навальный», и многие другие медийные инициативы, за которыми, как теперь выясняется, стояли представители бизнес-элиты. Следует добавить, что Медведев за

годы своего правления способствовал созданию соответствующей «либеральной» атмосферы, фактически повторив ошибку горбачёвской «гласности», когда критика пороков власти со стороны медиа привела к ее дискредитации.

Детальный анализ деятельности ряда СМИ (прежде всего электронных) в период 2010–2011 гг. еще ждет своих исследователей и может дать ответы на вопросы, связанные с падением престижа власти и параллельным ростом протестных настроений в крупных городах России. Но СМИ являются лишь инструментом в борьбе за умы и настроения граждан. Ряд экспертов (М. Хазин, М. Делягин) полагают, что на самом деле за многотысячными выступлениями в декабре 2011 г. стоял «либеральный клан», который делал ставку на Медведева.

М. Делягин озвучил следующую последовательность событий: «Вначале либеральный клан пытался “сковырнуть” Путина Медведевым, но Медведев оказался ненадлежащим инструментом. Сейчас же либеральный клан пытается “сковырнуть” Путина протестом среднего класса». Генерал-майор милиции в отставке, экс-глава российского бюро Интерпола Владимир Овчинский в интервью «Свободной прессе» прямо заявляет, что революционные процессы в России были инициированы «сверху» и являлись причиной того, что не всех представителей элит устраивал вариант возвращения Путина: «С. П. – То есть, по вашему мнению, часть власти натравливает оппозиционеров на другую часть власти? – В. О. – Конечно. Идет революция сверху – я уже говорил об этом. Часть политической элиты не хотела, чтобы Путин шел на третий срок, и хотела, чтобы на второй срок шел Медведев». О том, что общественные волнения используются во внутривластных играх, говорит также А. Пионтковский, один из членов Координационного совета российской оппозиции: «Влиятельному клану “системных либералов” нужно управляемое протестное движение как массовка и как их средство давления на силовиков и на Путина в решающей схватке за высший приз – державный скипетр».

Конкретные фамилии представителей «либерального клана» были озвучены российским политологом С. Кургиняном на конференции в «Росбалте»; он назвал Тимакову, Чубайса, Волошина людьми, поддержавшими «болотную» оппозицию. Демонстрации протеста начались на площадях крупных городов сразу после обнародования результатов выборов в Госдуму, состоявшихся 4 декабря 2011 г. 10 декабря количество демонстрантов на Болотной площади достигло 100 тыс. человек (по разным данным, от 25 до

150 тыс.). Но ситуация из-под контроля не вышла, хотя поначалу казалось, что, начало российского «Тахрира». Несмотря на то что оппозиционным силам и поддерживающим их СМИ удалось убедить многих политически активных граждан в фальсификации результатов выборов, и несколько раз они даже смогли вывести на улицы десятки тысяч людей, протестное движение постепенно выдохлось и перестало быть угрозой для системы. Власти в итоге предпочли скрыть «внутренние разборки», акцентируя внимание на роли внешних факторов в формировании протестного движения (руке Вашингтона, Тбилиси и т.д.).

По всей видимости, конфликт внутри элит на фоне протестных настроений в конце 2011 – начале 2012 г. был каким-то образом улажен. То, что «наверху» был найден компромисс, вытекает также из процесса распада протестного движения, из которого постепенно вышли наиболее ангажированные и связанные с властными группировками персонажи. Путин одержал уверенную победу на президентских выборах, Медведев занял пост премьер-министра. Но последовавшие кадровые изменения (отставка министра обороны Сердюкова), а также начало нескольких громких антикоррупционных процессов в начале 2013 г. говорят о том, что борьба в «верхах» будет продолжаться и исход ее для ключевых персонажей современной российской политики предсказать трудно.

Акцентируя внимание на том, как конфликты внутри политической элиты повлияли на кризисные события в Египте и России, автор не отрицает многих других предпосылок социального и экономического характера, которые привели к росту протестного движения. Эти сюжеты достаточно подробно рассмотрены в работах различных авторов. Тем не менее очевидно, что «раскол элит» сыграл очень важную роль в том, что произошло в обеих странах. И это не должно удивлять: в политической истории немало примеров, когда группировки во власти использовали народные массы в борьбе со своими оппонентами, или когда на фоне общественных волнений происходили «дворцовые» перевороты.

В открытых СМИ содержится мало информации о том, что происходит внутри политической элиты, подчас эта информация искажена и может направить исследователя по ложному пути. Очевидно, однако, что публичная политическая жизнь (деятельность парламентов, партий, общественных организаций) является лишь ширмой, скрывающей подлинные политические процессы.

И в России, и в Египте реальная политика делается вне поля зрения большей части граждан.

Пожалуй, это и есть важнейший вывод из всего сказанного выше.

«Свободная мысль», М., 2013 г., № 5, с. 75–88.

И. Иванова,

востоковед

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ВНЕШНИЕ АКТОРЫ.

ТУРЦИЯ*

(Окончание)

Несмотря на предпринимаемые попытки в указанном направлении, Турции отстоять свои прежние позиции в Ливии будет очень сложно. Бывший турецкий посол в Ливии, дипломат в отставке Улуч Озулькер, заявил, что в новой системе, которая будет создана в Ливии после Каддафи, и в работе по обустройству страны после гражданской войны Турция столкнется с очень серьезной конкуренцией со стороны международных игроков. При этом, по словам бывшего посла, в вопросе инвестиций в Ливию Турция уже может не располагать такими же преимуществами, как раньше. По мнению дипломата, Ливию ждут тяжелые времена. Много неизвестных имеется в таких вопросах, как новые лидеры, новый режим, обустройство страны.

Более оптимистично, хотя и без особых на то оснований, высказался председатель Турецко-ливийского делового совета Хусейн Эрсин Такла. «В связи с происходящим в Ливии мы не испытываем тревоги. Турция имеет здесь очень важный вес. Быть может, выплата долгов займет определенное время, но эти события нас обрадовали. В настоящее время размер выплат, которые должны быть произведены турецким подрядчикам в Ливии, составляет 1,4 млрд долл.», – отметил он. По словам председателя, в данном вопросе турецкая сторона планирует обратиться к Переходному национальному совету. Напомним, что общий объем работ, приходящийся на турецкие компании в этой стране, оценивается приблизительно в 12 млрд долл.

Таким образом, турецкое правительство после некоторых зигзагов заняло прагматическую позицию, встав на сторону пов-

---

* Начало см. № 1 (2014).

станцев. Оно оказывает полную поддержку ПНС, стремится занять передовые позиции в том, чтобы «получить свою долю в ливийском пироге».

Интересная информация была получена в середине декабря 2011 г. Глава Национального совета переходного периода Ливии Мустафа Абд аль-Джалиль сообщил турецким СМИ, что в ходе своего недавнего визита в Анкару договорился с руководством Турции о предоставлении инструкторов для обучения новой ливийской армии. Вооруженные силы Ливии в результате гражданской войны практически прекратили свое существование в качестве организованной структуры. Часть армии сохранила верность Муаммару Каддафи, но многие солдаты дезертировали и поступили в военизированные формирования оппозиции.

Мустафа Абд аль-Джалиль сообщил, что помимо участия турецких инструкторов в обучении солдат новой армии Ливии, в ходе визита обсуждались и другие вопросы, в том числе гуманитарные. Ливийский лидер сказал, что навестил ливийцев, проходящих лечение в больницах на территории Турции. Абд аль-Джалиль объявил также, что сын бывшего лидера Джамахирии Саиф аль-Ислам Каддафи предстанет перед судом в Триполи.

Турция была одной из первых стран, признавшей временное правительство Ливии и открывшей свое посольство в Бенгази. Турецкое руководство ранее уже предоставило помощь этой стране в размере 100 млн долл. и пообещало перечислить еще 200 млн.

«Арабская весна», очевидным следствием которой станет трансформация не только политических режимов, но также региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке, открыла перед Турцией возможность активного участия в формировании нового порядка в регионе. В первый зарубежный вояж после триумфальных выборов 2011 г. (Партия справедливости и развития в июне третий раз подряд выиграла парламентские выборы) премьер-министр отправился по странам «победившей арабской весны»: Египту, Тунису, Ливии, режимы которых были сметены революциями, охватившими арабский мир.

«Эрдоган – наш герой», «Эрдоган, добро пожаловать на твою вторую родину», «Турция и Египет – вместе в будущее» – такими плакатами турецкого премьера приветствовала в каирском аэропорту многотысячная толпа. Эрдоган приехал в гости не с пустыми руками. На встрече с египетским коллегой Э. Шарафом он пообещал в три с лишним раза – с 1,5 млрд долл. до 5 млрд долл. – увеличить турецкие инвестиции в экономику Египта.

В обмен Анкара рассчитывает получить важные контракты в сфере туризма, коммуникаций и банковском секторе.

Эрдоган встретился с главой Высшего совета Вооруженных сил Египта фельдмаршалом Х. Тантауи. Турецкий премьер выступил перед министрами иностранных дел Лиги арабских государств в Каире с речью, обращенной ко всему арабскому миру, и вызвал неизбежную аналогию с адресованным мусульманскому миру выступлением президента США Б. Обамы, прозвучавшим в Каирском университете в 2009 г. Стремясь привлечь симпатии населения арабских стран – по логике, которой Турция руководствуется в ходе «арабской весны», Эрдоган использовал такие беспроигрышные приемы, как дистанцирование от авторитарных режимов и критика Израиля. Призвав международное сообщество во главе с ООН не закрывать глаза на политику Израиля, Эрдоган подтвердил неизменность условий, выполнения которых Турция требует для нормализации международных отношений: официальные извинения за нападение на «Мави Мармара», выплата компенсаций семьям погибших и снятие блокады сектора Газа.

Важной темой выступления стала палестинская проблема. Жесткая позиция в отношении Тель-Авива подняла престиж турецкого премьера в глазах арабского общественного мнения. Вместе с тем, едва турецкий премьер завел в Каире разговор об успешной турецкой модели, приветствия в адрес «борца за Палестину» быстро сменились легкой прохладцей. Официальный представитель «Братьев-мусульман» М. Газлан заявил, что «Турция Ататюрка может быть светской, но Египет отличается от Турции. Мы хотим государство, опирающееся на исламские правила. Слова Эрдогана – вмешательство во внутреннее устройство Египта».

В Ливии Турции уже пришлось столкнуться с западными конкурентами в лице президента Франции Н. Саркози и премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, неожиданный совместный визит которых в Триполи и Бенгази, состоявшийся за день до приезда туда Эрдогана, турецкие комментаторы расценили как стремление не дать турецкому лидеру возможности снискать лавры первого главы государства, посетившего Ливию после свержения М. Каддафи.

В противовес Франции и Великобритании, объявившим о продолжении военных действий против верных Каддафи сил, турецкое руководство выступило за решение разногласий между ливийцами демократическим путем и привлечение сторонников Кад-

дафи к активному участию в процессе реформ. Турция пообещала отправить гуманитарную помощь в Сирт, остающийся оплотом сторонников Каддафи, и строить отношения с ливийцами на основе равного подхода ко всем группам населения.

Подводя итоги тура «Арабская весна», который турецкий премьер совершил в сентябре 2011 г. в три арабские страны, турецкий политолог С. Кохен указывает, что он стал одним из самых ярких проявлений «турецкой дипломатии». Турция сумела продемонстрировать свою значимость в регионе. По мнению С. Кохена, есть несколько факторов, обеспечивших успех тура. Один из них то, что жесткая позиция, занятая Эрдоганом в отношении Израиля, повысила его популярность в арабском мире. Другими факторами стали апелляция премьера к народу, выступление против авторитарных и деспотических режимов и защита демократии. И это стало новым направлением во внешней политике. Отныне Турция в своих отношениях со странами региона начинает выводить на первый план «фактор режима», т.е. выступает против диктатуры в поддержку демократических прав и свобод. «Турецкие лидеры были в сердечных отношениях с диктаторами от Каддафи до Асада, вот почему когда началась “арабская весна” турецкая дипломатия пережила период сомнений и колебаний». Однако теперь «“фактор режима” стал принципиальной основой в отношениях Анкары со странами региона». Вместе с тем турецкий политолог вынужден констатировать, что та буря, которую подняла «“арабская весна”», еще не улеглась, и неизвестно, как будут проходить процессы в тех странах, которые посетил турецкий премьер. И в этой неустоявшейся обстановке трудно предугадать трудности, ожидающие Турцию».

В свете событий на Ближнем Востоке и Северной Африке корреспондент «Financial Times» Д. Гарднер подчеркивал, что «Премьер Эрдоган, осуществивший “победный тур”, справедливо может быть назван самым популярным политиком арабского мира, и эта популярность бесценна для арабов и Запада». Гарднер далее указывает, что Партия справедливости и развития, которая смогла победить на трех выборах подряд, в три раза поднять уровень турецкой экономики, поставить на колени турецкую армию, очень притягательна для многих мусульманских стран и многих либералов. «Исламизм – неизбежный фактор арабского мира, – указывает Гарднер, – однако турецкая модель показывает возможность синтеза исламизма с плюралистическим режимом». В Марокко

турецкую политику одобряют примерно 80%, в Ливане – 93, в Египте – 62% населения.

Турецкий политолог М.А. Биранд пишет, что премьеру Эрдогану «поется ода за одой, его фотографию размещают на обложку “Time”, какую ни откроешь газету, встречаешь статью с похвалами в его адрес. И самое интересное – эти аплодисменты исходят от Запада. Отношения между Вашингтоном и Анкарой на невиданном уровне».

По мнению Биранда, «подход Запада изменили следующие пять шагов Эрдогана.

1. В ливийской кампании Эрдоган, действующий вначале с определенными колебаниями, присоединился к западному лагерю.

2. Он дал разрешение на размещение в рамках НАТО системы ПРО на турецкой территории, что ясно показало, чьим сторонником (Ирана или США) является Турция, и это изменило подход США.

3. Ведущая роль Турции в кампании против режима Асада в Сирии и выстраивание в этом направлении в высшей степени эффективного давления.

4. Турция выступает за территориальную целостность Ирака и готова сохранять здесь равновесие после вывода войск США.

5. Его выступление по каирскому телевидению и предложение мусульманским странам демократии и светской системы поразило все западные столицы и стало важным фактором в изменении их позиций».

Однако не всё так просто для Турции на Ближнем Востоке, здесь имеется много вопросов. Как долго сможет удерживаться у власти режим Асада в Сирии, сможет ли получить Турция свою долю в экономике Ливии, которая была очень солидна при Каддафи, и наконец, какова перспектива удержания власти у военных в Египте, с которыми налажены столь тесные контакты. Народные движения на Ближнем Востоке и Северной Африке привели к свержению состарившихся диктаторов в трех странах – Тунисе, Египте и Ливии. Однако в Египте события от переворота переходят в стадию революции, и свидетельство тому – новые действия на площади Тахрир. «Движения в арабском мире еще не закончились, и пока неизвестно, как и когда будет поставлена точка. И все это носит характер неопределенности и ненадежности».

Не особенно однородные народные массы Египта объединились вокруг цели свержения Мубарака и достигли своей цели. Но не прошло много времени, как стало ясно, что изменения в стране

не носят радикальный характер, а временное военное руководство не намерено приводить в жизнь ожидаемые коренные перемены.

Таким образом, те, кто требовал ухода Мубарака в феврале, потребовали ухода М. Тантауи и его команды осенью 2011 г. Озабоченность внушают как руководство Тантауи, так и возможные действия разгневанных народных масс. И что будет на следующий день? Хаос, раскол народных масс и конфронтация? Подобные озабоченности, и перспективы относятся и к другим арабским странам. В случае ухода режима Асада в Сирии кто будет выстраивать режим? Смогут ли договориться между собой различные этнические и религиозные группы, представители различных идеологических и политических течений? Все эти условия демонстрируют, что перемены на Ближнем Востоке будут длительным и сложным процессом. В подобной обстановке очень велика возможность прихода к власти радикальных сил, в первую очередь исламистов – так турецкий политолог С. Кохен характеризует ситуацию на Ближнем Востоке.

Вместе с тем нельзя не согласиться с его мнением о том, что «неопределенность и неустойчивость на арабском географическом пространстве продолжают напрягать турецкую дипломатию». Ведь правительство Эрдогана в последнее время заявляет о своей принципиальной линии поведения в отношении «арабской весны»: как видно, и в сирийском кризисе Анкара демонстрирует позицию выступать «на стороне народа, против тиранического режима и насилия». А это фактически ведет к активной поддержке оппозиции.

В свое время Турция сказала Мубараку: «Уходи!» Но в дальнейшем народные выступления были обращены против, так как его поддерживала Турция. Военное руководство использует силу против народа, и на площади Тахрир льется кровь. В этих обстоятельствах вопрос заключается в том, будет ли сказано Тантауи: «Уходи!»

В результате, с одной стороны, можно говорить об успехах турецкой внешней политики в ходе «арабской весны», об усилении влияния и популярности Турции в регионе. В статье, помещенной в журнале «Time», отмечается, что премьер-министр Эрдоган как во внутренней политике, так и в региональной всегда следовал своему собственному пути, и указывается, что Турция превращается в образец для подражания для многих стран, где происходит «арабская весна». Также в материале подчеркивается следующее: «Эрдоган превратил свою страну в регионального ли-

дера. Сможет ли пример Турции спасти арабские страны?» В результате опроса общественного мнения, проведенного в ноябре 2011 г. в пяти арабских странах (Марокко, Иордании, Египте, Объединенных Арабских Эмиратах и Ливане) вашингтонским исследовательским центром «Институт Брукингса» и Мерилендским университетом, страной, сыгравшей самую конструктивную роль на Ближнем Востоке, респонденты назвали Турцию – 50% опрошенных. При этом из всех иностранных лидеров наибольшие симпатии у них вызывает премьер-министр Турции Эрдоган.

К новым реалиям «арабской весны» можно отнести тот фактор, что на первый план выходят «группы с выраженными исламскими корнями». И если это вызывает некоторое напряжение во многих странах – от США до России, от Китая до Израиля, у Турции такой проблемы нет. У турецкой Партии справедливости и развития (ПСР) уже давно имеются связи с исламскими группами, выходящими на передний план в арабских странах. И символ этой близости – даже названия партий. В Марокко – это Партия справедливости и развития, в Египте – партия «Свободы и справедливости», близкая к «Братьям-мусульманам». Лидеры тунисской партии «Нахда» помимо выражения своей близости к турецкой ПСР при каждом удобном случае подчеркивают то значение, которое они придают турецкому опыту. Вместе с тем радикальные исламисты арабского мира не испытывают особых симпатий к «турецкой модели», многие представители арабской интеллигенции выступают против того, чтобы Турция действовала в регионе как «большой брат».

По словам турецкого политолога Ф. Били, «премьер-министр Эрдоган – самый популярный иностранный лидер на Арабском Востоке, а Турция – самый яркий пример. Не случайно то, что западные страны постоянно расхваливают роль и влияние Турции в регионе. Новые реалии, созданные “арабской весной”, дают ей это преимущество». С другой стороны, для Турции не все так просто в свете происходящего на Ближнем Востоке. По мнению заместителя председателя турецкого Центра международных отношений и стратегического анализа доктора Дж. Явуза, турецкая политика «ноль проблем с соседями» полностью обанкротилась. И кроме того, «Турция начала приобретать врагов в лице соседей, вследствие чего страна входит в 2012 г. с тяжелыми потерями».

Как пишет известный журналист-политолог С. Эдиз, Турция на сегодняшний день столкнулась с серьезными проблемами. В ходе разработки плана «ноль проблем с соседями» не был учтен

ряд важных моментов, которые теперь перерастают в растущее недовольство в Ближневосточном регионе «напористым покровительством Турции». Влиятельные на Ближнем Востоке политические фигуры начали обвинять Анкару «во вмешательстве во внутренние дела других государств», называя это неприемлемым. Выступление премьер-министра Ирака Нури аль-Малики в американских СМИ тому яркий пример. В беседе с «Wall Street Journal» аль-Малики заявил, что «Турция, поддерживая в Ираке некоторые политические фигуры и блоки, вмешивается в наши внутренние дела».

Турецкий политолог указывает, что и в Египте имеются влиятельные силы, которые испытывают беспокойство по поводу проводимой Турцией политики в регионе и которые утверждают, что «турецкая модель неприемлема для Египта». С другой стороны, не новы и обвинения Турции во вмешательстве во внутренние дела Сирии, и они исходят не только от сирийских властей. Недовольство высказывают также Иран и Ирак. Багдад и Тегеран обвиняют Анкару в поддержке вооруженной оппозиции в Сирии.

Сирийская проблема, размещение ПРО на турецкой территории – все это не способствует укреплению турецко-иранских отношений. С другой стороны, иранские политики заявляют о том, что турецкая светская модель неприемлема для региона, а иранские муллы, стоящие во главе режима, обвиняют Турцию «в попытках экспорта либерального ислама». В этой связи, указывает Эдиз, Турция должна в 2012 г. вновь определить свою роль на Ближнем Востоке и, делая это, опираться «не на предположительные, а на реальные параметры». Президент Турции А. Гюль на встрече с турецкими послами в Анкаре в конце декабря 2011 г. заявил следующее: «Мы никогда не сталкивались ранее с такими важными событиями, как в течение этого года».

Действительно, 2011 г. с точки зрения внешней политики стал для Турции одним из наиболее деятельных. С началом народных движений в арабском мире и смены режимов Турция получила возможность усилить в регионе свою активность и влияние. Появление на улицах арабских стран турецких флагов и портретов Эрдогана стало живым примером завоеванной Турцией популярности. Однако ей пришлось столкнуться с рядом трудностей. Серьезные потрясения не соответствовали целям и ожиданиям «нуля проблем с соседями», напряженность присутствовала в отношениях с Сирией, Ираком, Ираном, углубился кризис с Израилем, новые разногласия проявились в отношениях с руководством

Южного Кипра после начала поисков нефти и газа в Восточном Средиземноморье. Отношения с ЕС оставались заблокированными, испортились отношения с Францией из-за законопроекта об отрицании геноцида армян. «Короче говоря, Турции удалось достичь известных успехов во внешней политике, продемонстрировать себя на международной арене в качестве растущей силы... Но, с другой стороны, во внешних отношениях проявились новые трудности и перебои».

Год «арабской весны» завершился доминированием нескольких основных трендов, которые будут формировать облик региона Ближнего и Среднего Востока в обозримом будущем. Во-первых, стоит отметить вступление турецкого государства в Большую игру за влияние над арабскими странами, которая уже на протяжении трех десятилетий шла между Ираном и Саудовской Аравией. Во-вторых, присоединение Турции к западным санкциям, направленным против режима президента Сирии Башара Асада, катализировало процесс пересмотра взглядов арабов на Турцию и спровоцировало «войну мнений» на страницах арабской прессы. В-третьих, в связи с крушением режимов, существовавших в арабских странах годами, заметно усилилась неопределенность в ближневосточной системе международных отношений, что заметно обостряет ситуацию в регионе, особенно на фоне активизации застарелых внутрисударственных конфликтов, которые сдерживались свергнутыми тоталитарными режимами.

Нестабильность на Ближнем Востоке, порожденная «арабской весной», стала основной предпосылкой интенсификации турецкой политики в этом направлении потому, что, с одной стороны, она ослабила позиции традиционно сильных игроков в регионе, а с другой – заставила Турцию обеспокоиться своей безопасностью на ближневосточном направлении. В связи с этим наибольший интерес в краткосрочной перспективе для Турции представляет влияние на ситуацию в Сирии и в Ираке, так как в этих странах проживают крупные курдские общины, которые в случае значительного ослабления централизованных правительств могут прибегнуть к попытке создания собственного государства. Основной же проблемой является то, что и Иран, и Саудовская Аравия уже давно ведут борьбу за влияние над этими государствами и имеют там твердые позиции. Для турецкого правительства важно не столько само влияние на Сирию и Ирак, сколько гарантии того, что нестабильность в этих странах не распространится на саму Турцию, поэтому при сохранении курса на «свободу рук» на

Ближнем Востоке и нежелании вступать в полномасштабную политическую борьбу с ИРИ и КСА оно будет способно предрешить судьбу противостояния этих двух государств, поддержав то из них, которое будет способно дать такие гарантии.

Открытое выступление традиционно пользовавшейся относительным авторитетом в арабских странах Турции против режима Башара Асада заставило арабов задуматься о том, какую же цену готовы заплатить «турецкие братья» за сохранение своих тесных связей с Западом и перспективу вступления в Евросоюз. На страницах арабской прессы развернулась ожесточенная дискуссия по вопросу о будущем характере взаимоотношений «Турция – арабский мир», и, судя по всему, антитурецкая позиция все-таки доминировала. Основными обвинениями в адрес правительства Эрдогана, помимо введения санкций против Сирии, были его тесные отношения с блоком НАТО, который неоднократно вмешивался в дела арабских государств, а также курс на нормализацию отношений с Израилем при сохранении антиизраильской риторики. Стоит помнить, что Турция не располагает значительными рычагами воздействия на сознание масс в арабских странах через СМИ, так как большинство новостных агентств в них в той или иной мере подконтрольны государству, что делает задачу возвращения благоприятного имиджа весьма нетривиальной. В то же время арабская пресса положительно отзывалась о расширении экономических контактов Турции со странами Ближнего Востока, и укрепление экономических связей в этой связи становится для турецкого правительства наиболее эффективным инструментом для возвращения былых позиций.

Смена старых политических режимов, в том числе в такой ключевой стране арабского мира, как Египет, в перспективе может кардинально изменить политический ландшафт арабского мира. Не стоит сбрасывать со счетов и перспективу масштабного передела собственности в странах «арабской весны», в котором, помимо западных компаний, вполне может поучаствовать и турецкий бизнес. То, что такой передел состоится, является фактом предрешенным, ведь приходящим к власти правительствам придется исполнять многочисленные обещания, данные своим сторонникам, а это потребует немалых средств, основным источником которых, скорее всего, станет продажа значительной части государственного имущества и активов. Не меньших средств потребует и сохранение единства таких атомизированных обществ, как Ливия и Йемен.

В общем, 2011 год, характеризующийся радикальными политическими и экономическими сдвигами на Ближнем Востоке, предоставляет турецкому правительству значительные возможности и открывает огромные перспективы. Турция вполне способна реализовать свои государственные интересы при сохранении сбалансированного политического курса, основанного на здравом смысле, а не на популистской риторике.

«Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: Что дальше?», М., 2012 г., с. 508–528.

А. Борисов,

востоковед

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАТАРА

Катар – небольшое государство зоны Персидского залива с населением 1,7 млн человек (1,4 млн из которых составляют иммигранты) и с армией численностью 11,8 тыс. военнослужащих, стал за последние полтора года одним из главных акторов межарабских отношений. Возможность играть активную роль в региональных делах создают этой стране наличие свободных финансовых средств в размере 100 млрд долл. и телевизионный канал «Аль-Джазира», являющийся активным орудием пропаганды и психологической войны. Активизации внешней политики Катара благоприятствуют и занятость Египта своими внутренними делами, и порожденный насильственной «демократизацией» хаос в Ираке и Ливии, и изоляция Сирии.

Нельзя, впрочем, сказать, что в прошлом политика Катара носила пассивный характер, но ее направленность была иной. Эмират выступал тогда в качестве миротворца, стремящегося внести вклад в урегулирование региональных споров. В 2007 г. он содействовал улучшению сирийско-французских отношений. В 2008 г. катарцы сумели убедить противоборствующие ливанские стороны пойти на проведение президентских выборов. Они посредничали между президентом Али Салехом и хуситами в Йемене, между Хартумом и дарфурскими мятежниками, Джибути и Эритреей.

Вместе с тем уже тогда одной из характерных черт внешней политики Дохи стала поддержка исламистов. Во время обеих чеченских кампаний катарские благотворительные фонды и Общест-

во Красного полумесяца открыто собирали деньги для «борцов за веру», и Катар игнорировал предпринимавшиеся Россией в этой связи демарши. Чеченские боевики имели возможность восстанавливать в эмирате свои силы, а позже катарцы предоставили убежище «президенту Ичкерии» З. Яндарбиеву и 700 сопровождающим его лицам. В 1996 г. после разгрома Силами вооруженного народа ВСНЛАД Ливийской исламской боевой группы (ЛИБГ), пытавшейся развернуть партизанскую войну в Киренаике, ее уцелевшие бойцы нашли прибежище в Катаре, где сразу же начали готовиться к реваншу. Расследование Соединенными Штатами событий 11 сентября 2001 г. выявило, что некоторые родственники эмира Хамада предоставляли убежище и оказывали финансовую помощь активистам «Аль-Каиды». Частыми гостями в Дохе были члены руководства египетской ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ) и сирийских «Ихванов», председатель Политического бюро палестинского Исламского движения сопротивления (ХАМАС) Халед Машаль, председатель тунисского движения «Ан-Нахда» (ДН) Рашид Ганнуши, а также премьер-министр Ливии Зидон Мухаммед. В Катар перебрался изгнанный из Египта председатель Всемирного совета улемов Юсеф аль-Кардави, получивший возможность выступать с проповедями по телевизионному каналу «Аль-Джазира».

«Звездный час» наступил для Дохи в 2011 г. с началом арабской смуты. Абсолютная монархия со средневековыми нормами общественной жизни вдруг оказалась на стороне «борцов за свободу», правда, с одним немаловажным нюансом: основными получателями ее помощи стали исламистские группировки.

В событиях в Тунисе роль Катара была, впрочем, поначалу не слишком заметна. Зато поддержка, оказанная им ДН, стала одним из важных факторов, обеспечивших победу этой партии на выборах в Национальную учредительную ассамблею. В дальнейшем Доха, продолжая поддерживать «Ан-Нахду», стала оказывать помощь и салафитским группировкам (обвиняющим ДН в отходе от подлинного ислама).

В последовавшем за событиями в Тунисе восстанием в Египте впервые проявилась вся эффективность пропагандистского аппарата «Аль-Джазиры». Телестанция прекратила трансляцию своих обычных программ, сосредоточившись на поддержке оппозиции. Как констатируют сейчас египтяне, если президента Гамалю Абдель Насера убрали при помощи яда, президента Анвара Садата – пули, то президента Хосни Мубарака – при помощи «Аль-

Джазиры». Сразу же после отставки Х. Мубарака в Каир вылетел Ю. аль-Кардави, который провел встречи с руководством АБМ, убеждая его взять курс на приход к власти, и с правящими военными, которых он призывал пойти на уступки исламистам. При этом Катар наряду с Саудовской Аравией является на данный момент одним из двух государств, готовых спасти Египет от банкротства, что является еще одним фактором, побуждающим Каир считаться с позицией Дохи. Часть предоставленной эмиратом помощи в размере 500 млн долл. была еще в 2012 г. зачислена в бюджет страны. 9 января 2013 г. по итогам переговоров премьер-министра Катара Хамада бен Джасема и президента Мухаммеда Мурси было объявлено, что Доха готова выделить 2,5 млрд долл. (0,5 млрд из которых поступает в качестве дара и 2 млрд – в виде кредитов). Кроме того, 18 млрд долл. еще будут вложены в экономику АРЕ, в частности 10 млрд пойдут на грандиозный туристический проект на Средиземноморье, 8 млн – на строительство электростанций, заводов по сжижению газа и выплавке чугуна и стали в Порт-Саиде. Кроме того, изучается возможность скупки эмиратом недвижимости в Шарм аш-Шейхе, Хургаде и пригородах Каира. Кроме того, катарцы оказывают в АРЕ – как и в Тунисе – помощь одновременно и «Братьям-мусульманам», и салафитам.

Катар сыграл весьма важную роль в свержении режима лидера ливийской революции Муаммара Каддафи, активно действуя в военной, дипломатической и пропагандистской сферах. В военной области дело не ограничилось участием катарских «Миражей-2000» в операции «Объединенный защитник». В Киренаику были переброшены из Катара боевики ЛИБГ, ставшие одной из наиболее боеспособных группировок мятежников. На катарских самолетах в Ливию направлялись бойцы «Аль-Каиды» и «Аль-Каиды на Аравийском полуострове». С находящейся под Дохой американской военно-воздушной базы в Аль-Удейде авиацией эмирата повстанцам – в нарушение резолюции 1970 Совета Безопасности ООН – переправлялись противотанковые ракетные комплексы, ручные противотанковые гранатометы, пулеметы, стрелковое оружие. Направленные в ВСНЛАД военнослужащие катарских сил специального назначения инструктировали мятежников, а также выполняли роль офицеров связи между оппозицией и Организацией Североатлантического договора. На деньги Катара осуществлялся подкуп верхушки племен и ливийских высших офицеров. Всего этого оказалось, однако, недостаточно, и тогда в Джамахирию был – в нарушение резолюции 1973 СБ ООН – направлен катар-

ский спецназ, принявший участие в боях в Триполи, в том числе в штурме казарм Аль-Азизийя.

В дипломатической сфере Доха добилась сначала выдвижения Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива требования отставки М. Каддафи, а затем, опираясь на поддержку ССАГПЗ, инициировала одобрение Лигой арабских государств резолюции о вмешательстве в события в Ливии. Такая позиция ЛАГ дала возможность западным державам «продать» в Совете Безопасности ООН резолюции 1970 и 1973, что им, возможно, и не удалось бы сделать без обращения к СБ Арабской лиги.

Что касается пропаганды, то «Аль-Джазира» круглосуточно вещала о кровавой бойне в Ливии. При этом катарская телестанция широко прибегала к дезинформации. В качестве примера можно привести не соответствовавшие действительности сообщения о бомбардировках с воздуха мирных демонстраций ливийцев, неудержимо стремящихся к установлению в стране демократии западного образца. В свою очередь Ю. аль-Кардави издал фетву, предписывающую «каждому, кто может застрелить Каддафи, сделать это. Затем произошло нечто необычное: СБ, основываясь на сообщениях «Аль-Джазире» (и не удосужившись, судя по всему, проверить достоверность распространяемой ею информации), принял резолюции 1970 и 1973.

После свержения М. Каддафи катарцы продолжили оказание помощи ливийским исламистам.

Не менее значимую роль Доха играет в связи с гражданской войной в Сирии, действуя там по той же схеме, что и в Ливии. Катарские военно-транспортные самолеты, взлетающие с «Аль-Удейда», доставляют в Турцию и Иорданию предназначенное мятежникам оружие, откуда оно переправляется в САР. Премьер-министр и министр внутренних дел Катара Хамад бен Джасем возглавляет Группу друзей Сирии, которая координирует всю кампанию, нацеленную на свержение президента Башара Асада. Во время председательствования эмирата в Арабской лиге эта организация обратилась к Б. Асаду с призывом отказаться от власти и по инициативе Дохи ЛАГ приняла решение о введении санкций в отношении САР. 31 января 2012 г. Хамад бен Джасем потребовал от СБ принять арабский план решения сирийской проблемы. В середине февраля эмир Хамад призвал направить в Сирию межарабские силы, и Лига выдвинула предложение о вводе в эту страну смешанного контингента из «голубых касок» Организации Объединенных Наций и арабских подразделений. Наконец, высту-

пая в сентябре 2012 г. на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Хамад потребовал от арабских стран осуществить интервенцию в Сирию даже без получения соответствующей санкции Совета. Одновременно он обрушился на СБ с критикой за «аморальную позицию по отношению к творимым в Сирии зверствам против народа». В ноябре 2012 г. в Дохе была созвана конференция сирийских антиправительственных группировок, на которой была создана Национальная конференция оппозиционных и революционных сил, незамедлительно признанная ССАГПЗ и ЛАГ. Интенсивную пропагандистскую кампанию развернула, как обычно, «Аль-Джазира», в то время как Ю. аль-Кардави выступил с проповедями, направленными не только против Б. Асада, но и против России.

С другой стороны, Доха никак не прореагировала на выступления шиитов на Бахрейне и в Эль-Хасе весной 2011 г., а «Аль-Джазира» если и сообщала о них, то вскользь.

Трудно сказать, насколько продуманной является нынешняя линия Катара. Складывается впечатление, что решающую роль здесь играют не прагматические, а идеологические соображения. Эмир Хамад, будучи прямым потомком недждийского проповедника XVIII в. Мухаммеда Абд аль-Ваххаба, считает себя продолжателем его дела и стремится распространять ваххабитскую трактовку ислама. Следует также иметь в виду, что Хамад как абсолютный монарх ничем не ограничен в своих действиях: он не должен отчитываться перед парламентом (которого в эмирате нет) или считаться с мнением своих подданных. К тому же курс Катара в международных делах вырабатывается лично Хамадом и парой его приближенных (включая также настроенного происламски Хамада бен Джасема), и это придает внешней политике эмирата ярко выраженный персонифицированный характер. Не исключено, что немалую роль в поддержке Дохой антиправительственных выступлений в Египте и Ливии сыграла личная неприязнь эмира к Х. Мубараку и М. Каддафи, допускаящим в прошлом издевательские выпады в его адрес. Сказывается, видимо, и то, что положение самого Хамада не является достаточно прочным: многие члены правящей семьи Аль Тани рассматривают его как самозванца, незаконно отстранившего в 1995 г. от власти своего отца, эмира Халифу. В этой ситуации внешнеполитические успехи Хамада могут способствовать укреплению его позиций внутри собственного клана, и в частности, позиций назначенного главой государства наследного принца перед лицом возможных соперников.

Проводимая Дохой линия на поддержку исламистов не отвечает, как представляется, ничьим интересам. Она представляет опасность не только для светских арабских режимов, но и для пришедших либо рвущихся к власти умеренных исламистских партий, которых поддерживаемые Катаром салафиты обвиняют в отходе от «истинного ислама». Эта политика представляет опасность для Запада, поскольку катарцы финансируют экстремистские фундаменталистские группировки, рассматривающие США, европейские государства и Израиль как объекты джихада. Она представляет опасность и для самого Катара, ибо – как показывает опыт соседней с ним Саудовской Аравии – приверженность ваххабизму не гарантирует от обвинений салафитами правителей страны в ереси и от организации террористических актов против них. Кроме того, поддержка Дохой сирийской оппозиции может привести к осложнению ее отношений с Тегераном, что было бы небезопасно для эмирата, 15% населения которого составляют шииты.

В 1979 г. после революции в Иране и попыток иранцев начать экспорт революции в Катаре срочно приняли меры: организовали высылку сторонников аятоллы Р. Хомейни, установили контроль над работой телецентра и функционировавших радиостанций, газеты и журналы были подчинены строгой цензуре и т.д. Постепенно все нормализовалось. Отношения эмирата с иранцами определяются подписанными в мае 1992 г. шестью соглашениями, предполагавшими партнерство в экономической, таможенной, транспортной и информационной сферах. Кроме того, заслуга Катара и Ирана заключается в достижении договоренности в отношении принадлежащих обеим странам месторождений, добычу нефти в которых ведут катарская и иранская компании (Стражи иранской революции разрушили одну из катарских платформ в 2004 г.).

Катар пытается играть активную роль в палестинских делах. Первоначально Доха пыталась проводить сбалансированную политику, поддерживая контакты одновременно с Национальным движением за освобождение Палестины (ФАТХ), с ХАМАС и Израилем. В 1995 г. было открыто Израильское торговое представительство в Дохе. Израильцы в тот период рассматривались катарцами как основной потребитель газа, который в это время начали добывать в эмирате, и в последующем было подписано катарско-израильское соглашение о намерениях в области газа. В апреле 1996 г. премьер-министр Израиля Ш. Перес официально посетил Доху. Однако после вторжения израильтян в Газу в 2008 г.

отношения с ними были разорваны. Впрочем, в то время эмират нашел иных потребителей газа, и нужда в Израиле сошла на нет.

Катар проводит активную внешнюю политику в делах Залива. В 1971 г. он решил с Саудовской Аравией и Бахрейном пограничные проблемы, а в феврале 1982 г. с КСА было заключено Соглашение по обеспечению внутренней безопасности. Вместе с тем эмират не одобряет позицию Саудии на дозированный пресинг на нефтяном рынке. В феврале 1968 – октябре 1969 г. Катар отказался принять приглашение присоединиться к Объединенным Арабским Эмиратам. Катар с ОАЭ договорился создать совместную компанию в Бундуке (она была сформирована в 1970 г.). Катар и Оман выступают за прием Йемена в состав Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, но дело тормозится саудовцами, эмиратцами, кувейтцами и бахрейнцами, решившими не допускать в клуб «благородных монархов» страну с республиканской формой правления, враждующими партиями и политическими проблемами.

При посредничестве Катара ФАТХ и Движение исламского сопротивления вели переговоры о примирении и даже договорились о формировании правительства национального единства. В ноябре 2012 г. Доха, подключившись к посредническим усилиям Каира, содействовала достижению перемирия между Израилем и ХАМАС. В январе 2012 г. Хамад осуществил визит в Газу, став, таким образом, первым руководителем, посетившим «Хамасленд». Вместе с тем финансовая помощь направляется в первую очередь исламистам. В феврале 2011 г., после того, как ХАМАС покинул Дамаск, она достигла 250 млн долл., а после визита эмира в Газу она должна возрасти до 400 млн долл. Кроме того, помощь поступает через основанный в 2000 г. и возглавляемый Ю. аль-Кардави Союз добра. Только в 2009 г. этим фондом хамасовцам был передан 21 млн долл. на покупку vill и домов и оплату деятельности благотворительных учреждений в Иерусалиме. Но при этом оружие в Газу Катар не направляет, не желая, судя по всему, вызывать раздражение Вашингтона.

Катар проводит активную политику в ЛАГ, используя то, что Египет занят революцией, Саудовская Аравия занята битвами за наследство, а страны Магриба обращают на происходящее на Ближнем Востоке слишком мало внимания.

Из стран Среднего Востока наиболее активный характер носят отношения Катара с Турцией, что объясняется заинтересованностью и Дохи, и Анкары в развитии взаимовыгодного экономиче-

ского сотрудничества. Импульс его наращиванию был дан во время визита в Турцию в августе 2009 г. Хамада, когда между двумя государствами было заключено восемь соглашений. В течение прошлого десятилетия существенно вырос товарооборот между Катаром и Турцией – с 21 млн долл. в 2000 г. до 1 млрд долл. в 2008 г., в то время как взаимные капиталовложения увеличились до 8 млрд долл. Достигнута договоренность о подключении Катара, занимающего по запасам газа третье место в мире, к проекту «Набукко» и о прокладке между двумя странами газопровода, который пройдет через территорию Ирака.

В Дохе рассматривают США прежде всего как державу, способную обеспечить безопасность Катара в случае обострения ситуации в зоне Персидского залива. Кристаллизация подобного рода настроений была во многом обусловлена итогами второй войны в Заливе 1990–1991 гг., когда вмешательство прежде всего американцев позволило разгромить Ирак и добиться освобождения Кувейта, в то время как другие страны антииракской коалиции, включая западноевропейские державы, играли в происходивших событиях второстепенную – с военной точки зрения – роль. В июне 1992 г. катарцы заключили оборонное соглашение с Соединенными Штатами, согласно которому американцы получили доступ к военной инфраструктуре. В марте 1995 г. было оформлено новое катарско-американское соглашение, предусматривающее складирование бронетанковой техники для обеспечения Сил быстрого развертывания США. В конце 90-х годов здесь были дислоцированы 600 человек и расположилась батарея противоздушной обороны. В декабре 2002 г. американцы развернули на катарских базах треть соединений Сил центрального командования. Присутствие американских сил на базах в эмирате было необходимо для проведения Соединенными Штатами операций в ходе войны в Ираке, но, с другой стороны, обеспечило катарцам оправдание присутствия США на своей территории. Соединенными Штатами создана на территории Катара крупная ВВБ «Аль-Удейд», на которой базируется подразделение американских военно-воздушных сил. США поставляют эмирату вооружение для сухопутных войск (90% катарской бронетанковой техники – американского производства).

Одновременно Катар стремится посредничать между правительствами Афганистана, Соединенных Штатов и движением «Талибан» (ДТ). Хамад бен Джасем объявил в январе 2012 г., что в Дохе ожидается в ближайшем будущем открытие представитель-

ства ДТ, и дал понять, что планирует начать переговоры, чтобы процесс мирного урегулирования был запущен до вывода сил НАТО из Афганистана. Президент Б. Обама объявил, что он поддерживает открытие представительства «Галибана», и намекнул, что Америка будет участвовать во всех миротворческих процессах, призванных положить конец войне на афганской земле.

Европа рассматривается Катаром как противовес влиянию США в области вооружений. В 1993 г. катарцы подписали с Великобританией Меморандум о взаимопонимании в области обороны, а в 1994 г. заключили аналогичное соглашение с Францией. В 1996 г. был подписан контракт с Великобританией на поставку учебно-тренировочных самолетов «Хок», ракет типа «земля–воздух», боевых машин пехоты, патрульного катера «Торникроут», а позже был заключен контракт с Францией на поставку 12 самолетов «Мираж-2000/5», ракет класса «воздух–воздух» и другого вооружения (сумма сделки составляет 2 млрд долл.).

Катару, однако, требуется присутствие военных советников из стран – поставщиков вооружения, на что эмират выделяет суммы, составляющие 20% стоимости контрактов.

Что касается США и Европы, то они нужны Катару для инвестирования капиталов. Капитальные вложения в эти страны эмиратом рассматриваются, с одной стороны, как средство оказания влияния, а с другой стороны, как серьезный вклад в переговоры о всемирной торговой инициативе.

Что касается отношений с Японией, то инициатива их наращивания исходит от японской стороны, что объясняется необходимостью обеспечения доступа к жизненно важным для японской экономики энергоносителям (она импортирует из зоны Залива 90% потребляемой ею нефти). Особенно рельефно интерес Токио к отношениям со странами этого региона проявился во время визита в 2000 г. в Доху, а также в Эр-Рияд, Эль-Кувейт и Абу Даби министра иностранных дел Японии Коно, который предложил наращивать взаимодействие в трех сферах – во внешнеполитической области, в деле разработки водных ресурсов и в рамках диалога цивилизаций. Эта инициатива была позитивно встречена в Дохе.

С Советским Союзом в августе 1988 г. Катар установил дипотношения, и в 1990 г. было подписано соглашение о торгово-экономическом и техническом сотрудничестве. Российско-катарские отношения развиваются неравномерно. С одной стороны, Россия заинтересована в сотрудничестве с Катаром в нефтяной сфере и даже приложила усилия к тому, чтобы форум для эксплуа-

тации ресурсов газа был расположен в Дохе. С другой, в убийстве З. Яндарбиева катарцы обвинили двух сотрудников Главного разведывательного управления ГШ России и посадили их в тюрьму. Позже российским службам удалось вытащить их из тюрьмы и отправить на Родину. Арабская смута, особенно в ее сирийском аспекте, породила трения между руководителями РФ и Катара. В довершение проблем посол РФ в Катаре В. Титоренко был избит полицейскими за то, что отказался предоставить для досмотра дипломатическую почту (это было третье нападение на посла России после убийства генерального консула К. Тонуса в Египте в XVIII в. и министра-резидента А.С. Грибоедова в Тегеране в XIX в.).

Таким образом, приоритетность заливного, арабского и исламского направления внешней политики Катара не означает ни игнорирования западных партнеров, ни поддержания нормальных отношений со странами – импортерами газа и нефти. Вместе с тем заливный, арабский и исламский компоненты образуют основной блок внешней политики эмирата.

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2013 г., № 47, с. 17–27.*

Р. Лиожье,

профессор

(Институт политических исследований,
г. Экс-ан-Прованс, Франция)

**МИФ ОБ ИСЛАМИЗАЦИИ.
ЕВРОПА КАК ЛАБОРАТОРИЯ
МОДЕРНИЗАЦИИ ИСЛАМА**

Вопреки распространенному мнению о том, что ислам для французского общества – просто инородное тело или вредный нарост, мусульманство за последнее десятилетие стало, если можно так выразиться, подлинно французской религией.

Динамика развития

До этого времени к нему действительно подходило определение религии меньшинства, религии выходцев из бывших колоний, прежде всего из стран Магриба (особенно из Марокко, Туниса и Алжира), в меньшей степени из стран, лежащих к югу от

Сахары (например, из Сенегала или Мали), и некоторых островных государств (Коморы). Впрочем, и в тот период мы не наблюдали не только конфронтации, но даже существования каких-либо барьеров между французским обществом и иммигрантами, людьми из другой цивилизации. Они представляли собой национальные меньшинства, у которых фактически было две родины: принимающая страна – Франция, и «страна-спонсор», чьими гражданами они являлись. С 50-х до 90-х годов прошлого века ислам был «привозным», составлял часть культуры тех, кто приезжал, – марокканцев, тунисцев, алжирцев, малийцев, турок, коморцев и др.

Отправление религиозного культа осуществлялось в культурном контексте стран, откуда происходили его приверженцы, и служило для первого поколения иммигрантов способом сохранять живую связь с родиной. Арабские государства принимали участие в финансировании мусульманской общины Франции – для того чтобы подпитывать в своих гражданах, работающих за рубежом, чувство верности родной стране (Алжир, например, взял на себя расходы на содержание Большой парижской мечети). Выделение средств на нужды французских мусульман, особенно выходцев из государств Магриба, являлось, по сути, вложением, которое вполне окупалось со временем. Действительно, непрерывающаяся связь, которую мусульманские страны поддерживали со своими эмигрировавшими гражданами, вела к огромному притоку денег в эти государства от экспатриантов. Создание Французского совета мусульманского культа (ФСМК) – организации, вобравшей в себя основные мусульманские идеи, – потребовало огромных усилий, даже сейчас его деятельность наталкивается на серьезные противоречия. Причина в том, что здесь объединены под одним знаменем различные этнокультурные интересы.

Именно этот «устаревший» ислам, как его иногда презрительно называют новые поколения, ислам, для которого не характерен фанатизм, но присуща связь с культурой и память о «родной стране», находится в стадии исчезновения. Я, конечно, не хочу сказать, что его уже нет; просто такой ислам не интересен новым поколениям. Они могут быть потомками иммигрантов предыдущего поколения, но привержены исламу как таковому, его внутренней и обрядовой стороне гораздо больше, чем своим этнокультурным корням. Кризис легитимности, переживаемый сегодня ФСМК, непосредственно связан с конфликтом между прежним поколением мусульман, воспринимавшим ислам через призму своих этнокультурных особенностей, и современной генерацией

верующих, которые нередко проявляют большую религиозность. Стремясь открыто, без стеснения, выразить свою принадлежность к мусульманской конфессии, они остаются полноправными французами, а не французскими мусульманами тунисского или марокканского происхождения.

Нам никогда не приходилось видеть столкновения цивилизаций. Ни раньше, когда во Франции доминировал ислам постколониального толка, сильно окрашенный этнокультурными различиями и лишенный ярко выраженного конфессионального характера, ни сегодня, когда у нас появился более унифицированный тип ислама, свойственный молодым поколениям французских мусульман, которые ощущают себя настоящими французами и настоящими мусульманами. Нет конфликта цивилизаций, есть конфликт поколений.

Меньше чем за 20 лет у следующего поколения мусульман развился новый тип духовного энтузиазма, который все больше отдаляется от идей постколониального ислама. Этот феномен выходит за рамки французского общества, являясь частью общемирового процесса: развиваются мусульманские организации глобального масштаба, среди которых, конечно, попадаются и неофундаменталистские, и неосуфийские. В исламе возникает все больше новых богословских теорий, адаптированных к современной экономической системе. Они придают большое значение преуспеваю и позволяют новому среднему классу из мусульманской среды оправдывать «с исламской точки зрения» их деловую активность; отсюда такая популярность «мусульманского бизнеса» – не только в исламском мире, но и в Европе. В одном русле с этими индивидуалистскими и универсалистскими тенденциями современного общества утверждается и новая мусульманская идеология. С одной стороны, она нацелена на личное развитие и своекорыстие, а с другой – на поддержание стабильности, защиту окружающей среды и глобального сознания. Ислам, наряду с неошаманизмом и необуддизмом, популярными и в России, и в остальной Европе, удивительным, с точки зрения здравого смысла образом, участвует в становлении нового духовного сознания, характерного для промышленно развитых обществ. В основе такой новой духовности лежит «энергетическое сознание» (политика экономии энергоресурсов), нечто среднее между культом субъективности и признанием всеобщей связи.

Ежегодная весенняя ярмарка в Бурже, которая успевает за выделенные на ее проведение три дня привлечь около 300 тыс. че-

ловек и остается, пожалуй, самым крупным в Европе регулярным собранием мусульман, служит своеобразным смотром всех сверхсовременных течений ислама, начиная с ригоризма и заканчивая духовными исканиями почти анархистского толка, близкими движению «Нью Эйдж».

Многообразие и динамизм ни в коей мере не чужеродны европейскому обществу, скорее, наоборот, они близки некоторым тенденциям христианской религии. Но они остаются незамеченными по причине какой-то почти маниакальной подозрительности к исламу, которая стала ощущаться с начала 2000-х годов. В итоге широкое распространение получил миф об «исламизации», ставший частью политического дискурса и популярной темой для прессы: вся Европа, а особенно Франция, якобы переживает исламизацию. По мере роста подозрительного отношения к исламу мусульмане перестали восприниматься как нормальные люди со своими достоинствами, недостатками, проблемами, достижениями и провалами, со своим непростым опытом адаптации к иной среде. Теперь, независимо от того, являются они французскими гражданами или нет, в них видят лишь чужеродный элемент и даже скрытого врага, стремящегося уничтожить европейскую культуру во имя всепобеждающей исламской идеи. Кажущееся многообразие течений ислама, с точки зрения этих людей, – не более чем видимость.

Сколько во Франции мусульман?

Прежде чем ответить на этот вопрос, может быть, стоит задуматься, почему он вызывает такой интерес. Клод Геан, министр внутренних дел при президенте Саркози, с обезоруживающей простотой заявил в апреле 2011 г., что уже сам факт «многочисленности» мусульман представляет собой проблему. Вообще ни одна другая мировая религия не является объектом столь тщательных подсчетов. Считают количество мечетей, число минаретов и, конечно, численность мусульманского населения. Создается впечатление, что «проблема ислама» каким-то образом связана со статистическими показателями.

В связи с падением рождаемости в Европе как минимум с 1950-х годов начинает ощущаться подозрительность и даже недоверие к странам третьего мира, чье население «слишком быстро воспроизводится» и грозит хлынуть потоком в «наш» богатый Старый Свет. И только с начала 2000-х годов возникает тенденция

связывать эту демографическую проблему исключительно с исламом. Свидетельством может служить фильм, распространенный Ватиканом осенью 2012 г.: зрителей пугали почти безудержным ростом числа мусульман, армия которых с каждым днем увеличивается, готовясь завоевать Европу.

Действительно, миф об исламизации покоится на утверждении о колоссальном росте числа мусульман, росте, в котором якобы заинтересованы сами мусульмане, поскольку их цель – экспансия. В Европейском союзе сейчас проживает от 13 до 16 млн мусульман, т.е. примерно 3% от всего населения Европы, составляющего около 500 млн человек. Во Франции количество мусульман колеблется, по разным оценкам, от 2,1 млн до 6 с лишним млн человек, тогда как общее население Франции – 65 млн. Если включать в число мусульман только взрослое население, исполняющее религиозные обряды и признающее себя приверженцами ислама, их общее количество будет равняться 2–3 млн человек (если же принимать в расчет несовершеннолетних, цифра возрастет до 4 млн, составив почти 6,5% от всего французского населения). В любом случае, их никогда не было 6 млн., хотя такая цифра бесконечно муссировалась в прессе (вероятно, с целью довести число мусульман во Франции до «пугающего» символического уровня – 10%).

Заметим, впрочем, что упомянутые 6 млн уже больше десяти лет назад фигурировали в публичном дискурсе людей, которые видят в исламе причину для беспокойства и предсказывают его быстрое распространение. Выходит, те, кто на протяжении последних десяти лет пророчит стремительный рост мусульманского населения, грозящий, на их взгляд, исламской «демографической экспансией» в ближайшие десятилетия, приводят те же завышенные цифры, что и раньше: за прошедшие годы они не изменились. Во всем мире кривая роста мусульманского населения пошла на убыль; в Европе этот рост стабилен или даже клонится к отрицательному значению. Во Франции, в частности, темпы роста тех, кого можно теоретически причислить к мусульманам, сопоставимы со средними показателями изменения населения по стране в целом. (Известно, что во Франции не ведется статистики, относящейся к религиозной и этнической сферам, но мне удалось отыскать один научный опрос, проведенный немецкими исследователями в 2007 г.)

Во Франции и Европе есть только три источника увеличения мусульманского населения: естественный прирост, иммиграция и,

наконец, обращение в ислам. Конечно, в Европу и, в частности, во Францию идет приток иммигрантов, которых с большой долей вероятности можно причислить к мусульманам: в Европу они попадают главным образом из Марокко; во Францию – из всех стран Магриба, в меньшей степени – из государств, лежащих к югу от Сахары. Но конкуренцию им составляют иммигранты из Азии (Китай занимает второе место по числу граждан, эмигрирующих в Европу). За недостатком места я не могу подробно останавливаться здесь на каждой проблеме в отдельности – рождаемости у мусульманского населения, обращения в ислам или иммиграции в Европу. (Заинтересованного читателя я отсылаю к моей последней книге «Миф исламизации», в которой анализируются данные практически всех имеющихся опросов по теме.) Но общий вывод такой: ни один из этих трех факторов не способен привести к заметному увеличению доли мусульман во французском населении.

Кто такие французские мусульмане?

Во Франции можно встретить самых разных мусульман. Как правило, мы видим оживление религиозного чувства и внешней стороны культа, но одновременно с этим имеет место «обуржуазивание» ислама. Разумеется, присутствует тяга к фундаментализму, особенно салафитского толка. Но даже среди салафитов вы найдете три категории верующих. Одиночки, которые не собираются менять мир, но хотят измениться сами (таковых большинство). Те, чья цель на самом деле – социальные реформы. И, наконец, люди, которые верят в прямое действие, т.е. в действие насильственное (они составляют ничтожно малую группу). Среди столь разнообразных духовных и социальных течений нам встретится Ассоциация французских мусульман-гомосексуалистов (НМ2F), единственная исламская организация такого рода; ее существование пробивает брешь в почти единогласном осуждении гомосексуализма в мусульманском мире. Мы найдем здесь и столь неожиданные явления, как союз «Амазонок республики», объединяющий юных девушек в парандже, готовых, несмотря на то, что подобная одежда является в глазах обывателя символом притеснения, отстаивать свободу женщин и бороться с мачизмом мусульманских мужчин. Можно лишь отметить такие общие для всех черты, как большое религиозное рвение, распространенность халяльных продуктов, популярность праздника Рамадан, возрастающая открытость, желание быть мусульманином, «потому что это мой выбор».

Европа и особенно Франция стали своего рода лабораторией, в которой ислам постепенно модернизируется, несмотря на неизбежное сопротивление религии, не прошедшей через процесс обновления, подобный тому, какой пришлось пережить католической церкви после Второго Ватиканского собора. Впрочем, это сообщество живет в состоянии вечного движения, испытывая на себе влияния самого разного характера, откуда бы они ни шли: из Катара, Саудовской Аравии или какой-нибудь другой страны. Среди источников нельзя выделить одну главную линию, преобладающее направление. Самых восприимчивых к чужому воздействию (а ими нередко оказываются новообращенные) легче всего сагитировать и даже завербовать – как любого внушаемого человека, которому пообещали блестящее будущее и обретение идентичности.

Организационные проблемы, до сих пор актуальные для французского ислама (если оставить в стороне теологическую основу религии, которая не допускает посредников между человеком и Богом, так что каждый становится, так сказать, сам себе священником, находясь в прямом контакте со Всевышним), связаны прежде всего с этим многообразием мусульманских группировок, многочисленностью течений, которыми полнится сегодня бурлящий исламский мир. У французских мусульман, например, нет ничего общего с боевиками из Мали. Представление о том, что всех мусульман в мире объединяет исламская солидарность, глубоко ошибочно и является производной мифа об исламизации. Одним из его источников служат работы британского востоковеда Бернарда Льюиса, автора известного выражения «столкновение цивилизаций», под которым следует понимать не что иное, как конфронтацию между Западом и «исламской цивилизацией». Сэмюэль Хантингтон перенял у Льюиса это выражение, придав ему примерно тот же смысл, т.е. приписав мусульманам всего мира – как бы ни различалось их социальное, культурное и экономическое положение – чувство солидарности, которое якобы сплачивает их и делает непримиримыми к врагам.

Конфликт в Мали, скажем, никак не связан с исламизацией. Мы видим, что толерантное мусульманское общество, где с давних пор мирно сосуществуют традиционный ислам и суфизм, подверглось атаке со стороны экстремистских групп, провозглашающих себя мусульманами, но на деле исповедующих идеологию, которая имеет по отношению к исламу экзогенный характер. Тут мы имеем борьбу мусульман против мусульман. Подоплекой их противо-

стояния являются вполне конкретные геостратегические и экономические интересы. Французские мусульмане не чувствуют своей причастности к этой войне малийских экстремистов. Между тем «арабская весна» была встречена ими благожелательно и подчас даже с гордостью, поскольку продемонстрировала, что арабское население может сплотиться и освободиться от диктатур (из которых такие, как Тунис, пользовались поддержкой Франции).

Однако у французских мусульман больше нет чувства солидарности с исламистскими режимами. Скорее, наоборот – преобладает критическое отношение и недоверие. Наряду с этим ощущается раздражение против однозначного и слепого восприятия исламизации, против непонимания того, что такие революции не могут совершаться в один день. Великая французская революция тоже прошла периоды террора, прежде чем удалось восстановить порядок. Можно увидеть хороший знак в том, что стремление некоторых исламистов, занимающих правительственные посты, навязать народу свою волю натолкнулось на массовые митинги протеста (например, в Египте и в Тунисе).

Сейчас наблюдается процесс массового приобщения мусульман к демократическим ценностям, к свободе выражения и вообще к современным идеалам, но во французском исламе остаются глубинные проблемы, а также догмы, несовместимые с духом времени. Однако надо ясно понимать, что к случаю с Мохаммедом Мера, совершившим в 2012 г. шумный теракт в Тулузе, эти догмы, конечно, отношения не имеют. Мера – социальный изгой с неустойчивой психикой, он страдал алкоголизмом, был связан с уличной преступностью, работал осведомителем для полиции и даже собирался вступить в Иностраннный легион, но был признан негодным к службе. К исламу он прибег как к последнему средству и поэтому не может считаться сколько-нибудь типичным представителем мусульманской молодежи, воодушевленной новым духовным подъемом. Напротив, Мера – типичный продукт мифа об исламизации. Он облекся в одежды ислама, потому что эта религия внушает страх. Он захотел стать исламистом раньше, чем стал мусульманином, чтобы отомстить за себя, чтобы оправдать свое насилие и преодолеть комплекс неполноценности. Он начал с убийства солдат Иностранного легиона (между прочим, мусульман), ибо те ассоциировались у него с неудачной попыткой вступить в их ряды.

«Россия в глобальной политике», М., 2013 г., т. 11, специальный выпуск, с. 192–198.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Г. Сеидова,

кандидат философских наук (ДГУ)

ИСЛАМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЗА И ПРОТИВ

Отдельные исследователи совершенно резонно полагают, что глобализацию как историко-культурное явление неверно считать спецификой исключительно современной эпохи. Действительно, мало у кого есть сомнения в том, что истоки глобализации (независимо от того, с какого момента ее отсчитывать) следует искать глубоко в истории (Гринин, 2011). В сегодняшнем пестром мире универсальные тенденции интеграции и дезинтеграции представлены парадигмами глобализации и постмодернизма (Пелипенко, 2010).

Иран – одна из крупнейших и активно, динамично развивающихся стран на Ближнем Востоке. Выгодное географическое положение позволяет Ирану оказывать существенное влияние на ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке. Выход в океан через Персидский залив дает стране дополнительные преимущества. Все это позволяет российскому исследователю С.Б. Дружиловскому прийти к выводу, что в мусульманском мире в авангарде борьбы против всемирного глобализма выступает Иран, противостоящий узурпации своих национальных приоритетов какой-либо внешней системой ценностей. Интерес к проблеме глобализации в иранском обществе настолько значителен, что в этой сфере появляются десятки новых имен и научных трудов. В частности, в Тегеранском университете функционирует исследовательский центр по проблемам глобализации, возглавляемый известным ученым Мохаммадом Нахавандияном, активным сторонником диалога цивилизаций (Дружиловский, 2010).

Мусульманское общество никогда не скрывало, причем обоснованно, настроенного отношения к процессу глобализации. Тем не менее все понимают его неизбежность и неотврати-

мый характер. Выход один – сделать воздействие глобализации менее болезненным. Альтернативы глобализации пытаются проявлять в тенденциях регионализации, рассчитывая сдерживать ее наиболее разрушительные последствия. Здесь принято основное внимание уделять принципам социальной справедливости, уважения самостоятельности и самобытности национально-культурных образований. Причем живучесть представления о «божественной справедливости» в исламе не является проявлением рецидивов религиозного прошлого, так как здесь извечно актуальна проблема воплощения божественной справедливости на земле без всяких скидок на десакрализацию, секуляризацию и прочее. Кораническое представление о божественной справедливости зиждется на понимании пребывания истины не над временем, а во времени (Насыров, 2010).

Мусульмане-шииты из всех божественных атрибутов изначально выбрали именно справедливость как основополагающий принцип своей веры (Иманипур, 2007). Богослов Реза Остади дает этому такое обоснование: «Шииты считают справедливость своим вторым принципом религии... Мир, в котором мы с вами живем, своими основами опирается на справедливость и правосудие, и создатель этого мира справедливый судья, который повелевает рабам своим жить на этом свете по справедливости и избегать гнета и насилия» (Реза Остади, 1993: 78–79). Эти вопросы неоднократно обсуждались на международных форумах, проводимых Культурным представительством посольства Исламской Республики Иран совместно с различными научными центрами России. Главным их выводом является стремление утвердить такую консолидированную позицию, чтобы человечество стремилось к созданию социально справедливого, прогрессивного в экономическом и технологическом отношении мира, создаваемого путем диалога цивилизаций. Одна из таких конференций, прошедшая на базе РУДН, так и называлась: «Глобализация и справедливость».

В послании участникам круглого стола «Глобализация и справедливость в свете идей имама Хомейни» посол ИРИ в РФ Голам-Реза Ансари отмечает: «...не только мир ислама, но и в целом мир Востока должен быть хорошо информирован о процессе глобализации... С другой стороны, процесс глобализации не должен быть заострен исключительно на вопросе получения выгоды; он не должен быть отделен от задач, связанных с моралью и духовностью, которые сегодня являются серьезной необходимостью для всего человечества» (Ансари, 2007: 7). По мнению некоторых

российских исследователей, в частности профессора И.К. Лисеева, доминирующие ориентиры в деятельности современного Ирана, главной государственной религией которого является ислам, – признание благородства и ценности каждой личности, а также отрицание угнетения и чьей-либо гегемонии. Ученый пишет: «Таким образом, начиная с идей имама Хомейни, и затем через всю идеологическую мысль Ирана, проходит идея о необходимости иной трактовки цивилизации, о внесении в ее понимание нового духа и ценностей, основанных на естественных и человеческих ценностях, отраженных в Исламе» (Лисеев, 2010: 139).

Профессор А.Г. Пырин, делая обзор круглого стола «Философские идеи имама Хомейни в контексте евразийской концепции объединения народов», прошедшего в ИФ РАН и организованного МФО, Евразийской секцией РФО совместно с Культурным представительством посольства ИРИ в Москве, приводит высказывание профессора А.Н. Чумакова: «Иран вкладывает средства в развитие философии, так как она является проявлением духа нации. А это оружие пострашнее ядерного. Нет ни одной страны мира, где бы так сотрудничали с российскими философами, как в Иране, хотя представительства РФО есть во многих странах. В Иране организуются философские конгрессы... Иран повернут к наукам, в том числе и гуманитарным» (Пырин, 2010). Показателен в этом плане и тот факт, что в энциклопедию «Глобалистика» представили свои статьи духовный лидер и тогдашний президент страны вместе с целым рядом ученых. На II Международном конгрессе «Глобалистика-2011: Пути стратегической стабильности и проблема глобального управления» в МГУ 18–22 мая 2011 г. мы также имели возможность плодотворно общаться с иранскими исследователями глобальных процессов.

Президент Ирана С.М. Хатами во время выступления на «Саммите тысячелетия» в ООН провозгласил: «Глобализация не должна сводиться к созданию более обширных рынков сбыта и поглощению национальных культур одной господствующей культурой. Это станет возможным лишь тогда, когда общие подходы, интересы и законы, осуществляемые на основе равенства и справедливости, будут распространяться во всем мире во имя прогресса» (Хатами, 2001: 72–73). Главное и обоснованное требование мусульманского мира – перераспределение части мирового богатства, доходов ТНК и других корпоративных структур в пользу беднейшей части населения планеты. Жизнь настоятельно диктует необходимость ликвидации монополий «глобальных игроков» на

науку и современное образование, высокие технологии, закрепление права отдельных наций и народов на самоопределение, свой язык, свою систему ценностей, культуру. Несомненно, что страны Запада отнюдь не спешат ни с кем делиться высокими технологиями, но при этом всячески навязывают свои идеологические клише и поведенческие нормы. Руководитель культурного представительства посольства Ирана в Москве А.Э. Торкаман полагает, что глобализация является новой формой колониализма, в Новейшее время выступающей под лозунгом глобализации экономики, но с неизменной целью всестороннего господства над странами Востока (Торкаман, 2010).

Развитие информационно-коммуникативных систем серьезно влияет на систему образования и науки, но, однако, далеко не всегда со знаком плюс. Государства вынуждены считаться с фактом, что не в состоянии контролировать процесс производства и приема продукции западной индустрии развлечений, кинематографа, шоу-бизнеса, ориентированных на известные ценностно-смысловые маркеры потребительства и неумолимо засасывающих в свою воронку огромные массы людей. Но сегодня и на Востоке есть ясное осознание того, что бороться с этим посредством мер запретительного характера или изоляционизма невозможно. Безусловно, в условиях, когда индустриально развитые страны всецело держат рычаги информационного воздействия в своих руках, а развивающиеся испытывают значительные трудности, говорить о пресловутом «свободном» обмене безнравственно и постыдно. Ведь не секрет, что Голливуд заполонил весь мир своей часто не лучшей продукцией, но зато зарубежные фильмы, допущенные к прокату в США, не дублируются, а лишь сопровождаются титрами. Естественно, избалованный американский зритель не очень-то будет стремиться их посмотреть. Чем не фильм? Все это напоминает улицу с односторонним движением, направление которого выбирают «глобальные игроки».

Глобализация в духовной сфере, в сфере культуры становится одной из важнейших в мировом поступательном развитии. Конечно, при этом высвечиваются весьма существенные положительные моменты, связанные с расширением возможностей более масштабных культурных контактов, общения, сравнения и заимствования позитивного опыта, способствующего обогащению национальных культур и их способности вносить свой вклад в копилку общей культуры человечества. Вместе с тем неизбежно встает вопрос сохранения и защиты своеобразия традиционных

культур, их творческого развития в результате соприкосновения с иными культурами. Ведь никак не уйти от понимания того, что две противоположные мировые тенденции – глобализация и локализация – при всей их взаимосвязанности способствуют усилению конфликтов, особенно на этнорелигиозной почве. Оживление чувства культурно-религиозной идентичности как ответ на опасность утраты культурной самобытности, культурной идентичности характерно для ряда локальных цивилизаций. Ислам противостоит вестернизации, пытаясь выработать собственную оригинальную модель глобализации, основанной на исконных религиозных и культурных традициях (Чистякова, 2010). Однако подчеркнем, что осознанное противостояние вестернизации отнюдь не означает отказа от явственно назревших модернизационных процессов.

Несмотря на то что нельзя однозначно отождествлять процессы вестернизации и глобализации, для исламского мировосприятия характерен именно такой подход. Вестернизация воспринимается как экспансия претендующей на доминирование западной культуры на весь остальной мир, представленный культурами традиционного характера. Полагается, что принципом функционирования культур в современных условиях должно стать только их взаимодействие. Соответственно базовым принципом, на котором оно строится, должен стать диалог, основанный на плюрализме и партнерстве, признании равенства культур. Представители традиционных культур не могут не осознавать, что неизбежное усвоение новых форм – это момент саморазвития, поэтому никому не удастся избежать заимствований.

Трудно не согласиться, что по мере ускорения общественного развития нарастающая глобализация ведет к формированию единой общечеловеческой культуры и цивилизации, что несколько не должно отменять ни культурного разнообразия, ни специфических особенностей цивилизационного развития отдельных стран и регионов. Стремление унифицировать различные, не сводимые друг к другу культуры под общим знаменателем всемирного поступательного развития присуще универсалистской тенденции в культурологическом познании. Уникалистская же подчеркивает неповторимость локальных культур, усматривает в них несовместимые друг с другом единичные феномены. Порожнь они показали свою несостоятельность, неполноту. Для преодоления этих крайностей, в поисках золотой середины культурологической мысли XX в. пришлось сосредоточиться на сравнительно-типологическом изучении моделей культурной идентичности. И важным методоло-

гическим ключом в подобных исследованиях может выступить принцип разделения культур на восточные и западные.

Мусульманский мир ни в коей мере не стремится к изоляционизму, отказу от существенных положительных моментов, связанных с расширением возможностей более широких культурных контактов, общения, сравнения и заимствования позитивного опыта. Исследования различий восточных и западных культур дают возможность более глубоко проникать в процесс становления, развития и функционирования культуры. В специфике восточной культуры, ориентированной на саморазвитие человека и общества, в обращении к духовному миру человека – корни ее внутренней глубины и богатства. Исламские движения предполагают альтернативную модель современности, знаменующую не отказ от модернизации, а стремление строить современное общество, которое хотя и участвует в глобальной системе, но вдохновляется обладающей собственным самосознанием исламской культурой. Иранские исследователи четко выделяют в процессе глобализации экономико-технологическую компоненту и ищут механизмы подключения, которые отвечали бы их собственным национальным интересам и традициям (Баксанский, Лавринов, 2010). Позиции о том, что консенсус в мире возможен на основе идеи монотеизма, значимости духовной и моральной составляющей современного глобального развития, придерживаются представители мусульманского мира, в том числе лидер исламской революции в Иране имам Хомейни и нынешний президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад. Имам Хомейни обращает внимание на опасность низкого статуса в глобализирующемся мире духовных и моральных ценностей. Утверждая приоритет морально-этической составляющей стороны человеческой жизни, находят общие точки соприкосновения позиции ислама и христианства (Веряскина, 2010).

Наряду с процессами глобализации в сфере культуры имеет место более неприметная, но от этого не менее важная поляризация мирового сообщества по принципу разделения культурных систем. Наряду с экономикой именно культура является одной из сложных сфер общественной жизни, в которой процесс глобализации проявляется наиболее ярко. Мир ислама поставлен перед необходимостью выбирать по принципу «наименьшего зла». В связи с вариативностью сценариев глобализации назревает насущная потребность выработки собственной ее модели путем формирования соответствующих жизненных ориентиров. В итоге складывается механизм функционирования глобальной цивилизации, в ко-

тором Запад выступает фактором изменчивости, а Восток – устойчивости. Подобный своеобразный «диполь» мог бы стать альтернативой однополярного мира с гегемонией известных «глобальных игроков». Восток, где бережно сохраняются сложившиеся религиозные устои, всегда предлагает духовные инициативы, ведь не случайно все мировые религии и многие культурные импульсы пришли именно оттуда (Амели, 2005: 172).

Подчас складывается ощущение, что сравнение Востока и Запада в чем-то подобно сравнению искусства с наукой. Восток представляется созвучным с искусством, а Запад – с рациональной наукой. Восточный образ мышления уподобляется художественной деятельности потому, что там, как и в искусстве, индивидуально-нравственный мир на первом плане. На Западе же одним из важных условий организации общества выступает совместная деятельность, взаимосвязь людей. Поэтому в условиях вестернизации отдельные этнические группы, народы, обладающие своеобразием, неповторимостью, как бы сплавляются в единой безликой конструкции (Халилов, 2006). Безусловно, это вызывает отторжение, протестные настроения в традиционной мусульманской среде. Несомненно, что Востоку в качестве топологической координаты извечно нужно соотнесение с религиозным фактором. Благодаря этому удастся определить историко-культурные регионы, обладающие собственной социокультурной идентичностью (Сеидова, 2006). Для нас это значимо тем, что в настоящее время в России происходят реформы во всех сферах жизни. Поэтому столь актуально изучение вопроса о соотношении восточной и западной культур и цивилизаций и месте России в их диалоге (Сеидова, 2010).

В недалеком историческом прошлом восточных обществ, до развития контактов с Западом, абсолютно господствовали религии, а накопление научных знаний осуществлялось исключительно в рамках религиозно-философских традиций. Поэтому судьбы науки оказались столь различны на Западе и Востоке. Для западных гуманистов и восточных гуманитариев общими были синкретизм знания и морали, постоянная обращенность к проблемам человеческого бытия. Но при этом научная мысль Запада всегда была устремлена вперед, и это проявлялось в ее повышенном внимании к естествознанию, фундаментальным исследованиям, что требовало соответствующего уровня теоретического мышления. Поэтому на Востоке наука до приобщения ее к «западному» научно-рациональному типу оставалась в рамках рецептурной практико-

технологической деятельности. Там существовали лишь предписания, что делать и как делать, и знания об этом в неизменном виде передавались из поколения в поколение. Поэтому-то здесь так и не возник вопрос об осмыслении в рамках методологической рефлексии всего того «научного» богатства, которое было накоплено в ходе тысячелетней рецептурно-утилитарной ученой деятельности. Исламская цивилизация наименее открыта для внешних воздействий, что обусловлено прежде всего особенностями религии, охватывающей все стороны жизни, включая экономику и политику. Мусульманский образ жизни не только традиционен, но и самодостаточен. И все же это традиционалистская активная цивилизация. Мы наблюдаем попытку традиционного мусульманского общества сохранять определенную меру устойчивости и стабильности при результативном усвоении нового без разрушительных последствий для своего развития (Сеидова, 2010).

Практика показывает, что воздействие глобализации на культурные аспекты общественной жизни носит весьма противоречивый характер. В идеале глобализация должна расширять ареал культурного общения, обмен новыми технологиями и достижениями в области науки и техники. В реальности же наблюдается разрушение основы, культурных устоев сложившихся обществ, их духовного наследия и уникальных черт, самобытности. Культура играет роль как бы иммунной системы общества. При ее размывании трудно противостоять неблагоприятным внешним воздействиям. В итоге – попытки глобального распространения западных норм, идеалов и ценностей во всем мире. Однако сегодня дискомфорт от западного вала пены чужой массовой культуры ощущают носители существующих в каждом сообществе региональных субкультур (Она же, 2009). Но нельзя говорить о полном неприятии процесса глобализации даже шиитскими богословами как наиболее консервативной частью иранского общества, которые являются выразителями мнений в шиитской среде, как нам видится из опыта личного общения. Они не без оснований полагают, что консолидация всех обществ, наций, стран, правительств в единую огромную целостность, т.е. то, что сегодня называют глобализацией, – отнюдь не новое явление, восходящее к европейскому Возрождению, техническим достижениям или политическому опыту современного человека. Доктор философии, профессор Тегеранского университета Хасан Рахимпур Азгади пишет: «Ислам считает мир рациональным (основанным на разуме), а сам разум – мировым явлением. Поэтому взгляд ислама на глобализацию не является

ся неким проявлением ностальгии по поводу вымирающих под влиянием модернизма традиций или реакционным сопротивлением науке и технологическому прогрессу, например, в сфере коммуникации... Нет оснований говорить о наличии коренных противоречий между исламом и глобализацией в смысле перестройки мировых взаимоотношений между людьми и между человеком и природой» (Азгади, 2007: 87–88).

Сегодня как никогда актуальна задача сохранения и защиты ценностей и своеобразия традиционной культуры. Состояние современной культуры, глобальные процессы в обществе обнажают противоречивость исторического сознания. Налицо такая ситуация, что на понимание неизбежности социальной трансформации накладывается противоположная тенденция – внимание к традиции, к прошлому. Характерную для мусульман позицию выразил нынешний духовный лидер Ирана С.М. Хаменеи: «Тот процесс глобализации (т.е. завоевания мира), который сейчас изображают как историческое предопределение, можно назвать сатанинской глобализацией... Истинный правитель глобальной деревни (если правильно употреблять этот термин) – не человек, а его Создатель. Он – защитник прав человека, демократии и свободы на практике, а не просто в теории, и считает убийство даже одного индивида равным уничтожению всего человеческого рода» (Хаменеи, 2006: 171). Поводом для тревоги он считает следующее: «Навязываемый сегодня вариант глобализации уже стал причиной возникновения конфликтов во всемирном масштабе. И это не могло не вызвать естественного сопротивления народов. Глобализация (как естественный процесс универсализации жизнедеятельности народов планеты) и глобализация – миростроительство (как искусственно продвигаемый процесс) являются двумя разными процессами» (Ансари, 2007: 11–12). По мнению ряда иранских ученых, «...глобализация – это процесс, в рамках которого теряют свою независимость ценности, образ действий, обычаи и традиции, этничность и идентичность, национальность, а также местные и региональные правительства».

К тому же сходит на нет многополярность мира в области политики, экономики и культуры, и мир подталкивается к формированию единого направления движения и созданию единой культуры» (Эмамджомаде, Туйсаракани, 2006: 129). Глобальные тенденции, стремясь укорениться в недрах отдельных локальных культур, изнутри разрушают их безопасность и собственную устойчивую систему отношений. Подобную озабоченность разделяет

еще один иранский философ – С.Х. Наср: «Современная эпоха, особенно в связи с процессами глобализации, породила также и проблему цивилизационной идентичности. Перед сообществами цивилизаций, особенно таких, как китайская, индийская, исламская, возникла реальная угроза уничтожения или, по крайней мере, превращения в периферийные культурные группы всемирной цивилизации, выстроенной по образу и подобию западной цивилизации. Отсюда стремление данных сообществ отстоять в разных превращенных формах свою идентичность» (Наср, 2009: 37). Поэтому только сотрудничество в духовной сфере должно лечь в основу современного диалога цивилизаций и культурных взаимодействий (Сеидова, 2009).

Транснационализация культуры не должна рассматриваться как некий пространственно-временной процесс, результатом которого будет формирование «единой мировой культуры», поглотившей национальные культуры. Ведь культурное наследие человечества постоянно растет. Оно аккумулирует в себе и позитивный, и негативный опыт развития наряду с возможностями творческого усвоения накопленного ранее (Она же, 2010). Изменения, происходящие в культурах под воздействием целого ряда внутренних и внешних причин, обусловленных глобализацией, несомненны. Но источники их весьма разнообразны. Попытки осмыслить суть этих трансформаций имеют не только познавательную, но и практическую значимость. Транснационализация культуры имеет множество аспектов и означает насыщение пространства национальных культур новым ценностно-смысловым содержанием, соответствующим интеграционным тенденциям современного мира. Они предполагают не только и не столько социально-экономические и геополитические изменения, но прежде всего формирование нового типа транснациональной культуры, характерными особенностями которой являются коммерциализированность, унифицированность, подвижность, охватывающие все большие сегменты национальных культур и деформирующие их целостную структуру (Она же, 2007).

Иранский исследователь С.Х. Хусейни (Ахлак), признавая, что глобализация связана со сферой экономики и коммуникаций, полагает обязательным базисом ее построения духовно-философское основание. Ученый пишет: «Почти однородный мир облегчает знакомства, дружбу и поиск сходства, но, безусловно, не облегчает индивидуального развития, реализации таланта и выработки идентичности, что порождает глубокие духовные, культур-

ные и политические проблемы. Глобализация в культуре, политике и науке зависит от идеалов жизни человека... Новые идеи, наука и техника развиваются в направлении открытия и актуализации возможностей человека» (Хусейни, 2006: 172).

Религии как консервативный феномен культуры этносов благодаря консерватизму содержат в себе тенденцию к самосохранению (Сеидова, 2010: 93–97). В результате взаимодействий, неизбежно связанных с глобализационными воздействиями, все же не происходит смешивания религий, их гибридизации. Глобализация привносит в частную жизнь человека такие феномены, характер которых чужд конкретно-историческим особенностям отдельных этносов. В глобальном мире проблемы человечества приобретают общий характер, поэтому происходит расширение зоны социальной ответственности религий. Несмотря на различие оценок, приятие или попытки отторжения глобализации, существует единение в том, что глобализация в той или иной форме пришла всерьез и надолго. Этот феномен так явственно заявляет о себе, что при всем желании не может не восприниматься как объективная реальность. Глобализация, сопровождающаяся гомогенизацией условий жизни, вызывает отторжение в обществах с традиционным укладом (Иманипур, 2007: 430–431). Российские ученые И.И. Мазур и А.Н. Чумаков полагают: «Только за последние десятилетия в результате стремительного роста научно-технических достижений в развитии производительных сил общества произошло больше изменений, чем на протяжении многих предшествующих столетий. При этом процесс изменений происходил с нарастающей быстротой и неизменно сопровождался все более глубокими и основательными преобразованиями в социально-экономических сферах» (Мазур, Чумаков, 2006: 191). Трудно не отдавать себе отчета в неизбежности происходящих глобальных изменений для дальнейшего существования человечества. Негативные последствия глобальных процессов в силу их глубинных, внутренне нерешенных причин, обречены на экспоненциальный рост, которому будут сопутствовать скрытые и открытые противостояния малых цивилизаций и культур, стремящихся получить свое место под солнцем. Ведь имеющиеся две противоположные тенденции – сближения и одновременной конфронтации субъектов мирового сообщества – обуславливают волнообразность процесса глобализации.

Мусульманский Восток трезво оценивает, что мир стоит перед угрозой утраты единой общечеловеческой перспективы, рас-

кола человеческого рода на «золотой миллиард» и все остальное человечество. Это способствует разрушению нашей планетарной цивилизации, которая не в силах бесконечно противостоять деструктивным явлениям. Понижение барьеров между суверенными государствами приводит к трансформации внутренних социальных отношений, разрушает культурные табу, что очень болезненно воспринимается в мусульманской среде. Здесь давно назрело понимание необходимости инноваций, модернизации как константы национальной жизни, развития современной системы образования, коммуникаций. Наши наблюдения в университетах Тегерана и Тебриза позволяют сделать вывод, что исламский мир, в частности Иран, не пытается уподобляться премудрому пескарю, прячущемуся от мира под корягу. Он с готовностью воспринимает то положительное, что дают процессы, генерирующие трансконтинентальные и межрегиональные потоки, создающие глобальную взаимозависимость (Сеидова, 2009).

Единый мир возник на базе качественно новых компьютерных технологий, породивших, в свою очередь, информационные технологии, существенно изменившие природу бизнеса. Распространение информационных технологий и глобализация в корне изменили дух сотрудничества между развитыми странами с их «информационной элитой» и развивающимися странами. От «преимуществ» глобализации последним достается лишь пена чуждой массовой культуры, размывание национальных барьеров в экономике, распространение и укоренение поведенческих стереотипов и манер общения людей, никак не связанных с их национальной и культурной принадлежностью.

Трудно отрицать всеобщую взаимозависимость как реалию глобализирующегося мира, но нужно придать этому явлению хотя бы более или менее человеческие черты. Ведь налицо и вторичные, производные проявления глобализации: с одной стороны, такие как интернет-связи и индивидуальные коммуникационные возможности, разнообразные формы международного культурного обмена и общения, а с другой – международные антиглобалистские движения, организованная преступность и международный терроризм. Все это не может не создавать почву для новых конфликтов и противоречий, которые, в свою очередь, ставят пределы возможностям дальнейшей глобализации.

Глобализация и интернационализация составляют закономерные процессы в нынешнем мире. Восток готов к участию в формировании глобальной цивилизации нового типа. Но она

должна обеспечивать процесс прогрессивных перемен на международной арене, выступать гарантом будущего человечества и активно участвовать в решении его коренных проблем. В качестве альтернативы технократически-информационной глобальной цивилизации с зияющей пропастью между «золотым миллиардом» и остальной частью человечества и должна формироваться эта новая цивилизация. И именно диалог цивилизаций способен стать рычагом сохранения мира и стимулом для создания универсальной модели оздоровления международной обстановки, исключающей односторонность, чей-либо диктат в политике, религии, культуре. Нынешнее столетие должно породить интегральный социокультурный строй, который будет утвержден в мире на основе диалога культур, цивилизаций, религий и определять мировоззрение нынешних и грядущих поколений. Только такая цивилизация способна разрешить как социально-классовые, так и глобальные проблемы, маячащие на горизонте человечества. Мир ислама демонстрирует всему человечеству, что у объективного процесса глобализации все же есть известные пределы, определяющиеся особенностями национального самосознания отдельных народов, которые в состоянии ограничивать неприемлемые для них разрушительные аспекты глобализации. Будем надеяться, что, обеспечивая широкое приобщение народов к мировой материальной и духовной культуре, она осуществит интеграцию и интернационализацию мирового сообщества.

«Век глобализации», М., 2013 г., № 1, с. 67–78.

С. Кимпаев,

ассистент кафедры философии РПА МЮ РФ

С. Измайлова,

кандидат филологических наук (ДГУ)

ПРОЗЕЛИТИЗМ В ИСЛАМЕ

Ислам как религиозное течение всегда сопровождался прозелитизмом. В качестве примеров можно вспомнить массовую исламизацию территорий, ныне составляющих периферийную зону ислама, в числе которых и Северокавказский регион. Ислам, удивительно гармонично вписавшись в традиционные обычаи самых разных народов, значительно расширил ареал своего влияния, в том числе через встраивание в западноевропейский сегмент мировой цивилизации. Так, федеральная земля Гессен в Германии вве-

дет в 25 школах уроки ислама с 2013/14 уч. г. Вести уроки будут те учителя, которые уже работают в школах, и на немецком языке. Как подчеркивают местные власти, основы ислама будут объяснять в контексте немецкой Конституции, т.е. первоклассникам из мусульманских семей вместе с основами их религии собираются прививать толерантность к исповедующим другие религии, а также убеждать их в равноправии мужчин и женщин.

Данный феномен, с одной стороны, вызывает обеспокоенность у рядовых обывателей, ратующих за светский либеральный социальный порядок, с другой – западная ультралиберальная идеология также рассматривается многими как тупиковая. Особенно комичной выглядит зарегистрированная в разное время в Канаде и США Церковь марихуаны, чье вероучение и культ включали разведение марихуаны, ее выращивание и уход за растениями, распространение, почитание и поклонение ей. При этом устроители ссылались на пресловутое право на свободу религиозного вероисповедания. Нам же в этом диалоге любопытным представляется факт прозелитизма в мусульманских общинах, позволяющий называть эту общину одной из самых динамично развивающихся в мире.

Прозелитизм (от греч. *proselutos* – принявший новую веру, новый и горячий приверженец, сторонник чего-либо) – это деятельность приверженцев определенной конфессии, преследующая цель обратить в свою веру лиц иного вероисповедания, первоначально – язычников в единобожие. В этом смысле первые сподвижники Мухаммеда также были прозелитами (неофитами). В отличие от миссионерской проповеди, предполагающей «обращение к разуму человека», прозелитизм опирается на животные инстинкты, «будь то страх, желание выгоды и так далее» [12]. Именно поэтому (и здесь мы согласимся с Е.А. Тарапановой) прозелитизм представляет серьезную угрозу межконфессиональной стабильности в целом, поскольку конфликты в этой сфере возникают зачастую именно «из-за переманивания или попыток переманивания верующих из одной религии в другую», приводят к конкуренции за паству [13, с. 139].

Другим негативным последствием прозелитизма является то, что неофит зачастую становится фанатиком религии – «специфически направленной личностью» [15, с. 48]. Именно среди новообращенных мусульман мы обнаруживаем самых активных поборников ислама. По мнению М.Я. Яхьяева, «специфически направленная личность... на определенной количественной ступе-

ни формирования фанатической убежденности может переходить в синдром сверхценной идеи реформаторства» как «ненормальная реакция на обычные, нормальные, не критические жизненные обстоятельства» [15, с. 48], с последующим возможным углублением психического расстройства. Выделение группы фанатично настроенных, жаждущих религиозной реформации граждан на всем мусульманском постсоветском пространстве и способствовало расколу общества по принципу «традиционалист – ваххабит». Причем к последним причисляют любого, кто отличается своей религиозной практикой.

Следует отметить, что в последнее время ряд религиоведов [10; 11] предлагает разделить понятия «прозелитизм» и «религиозная конверсия». В отличие от прозелитизма, который выражается в религиозной мобильности верующих внутри одной религии, религиозная конверсия – это полный выход из религиозной общины. Религиозная конверсия предполагает перемену религиозной идентичности через отказ верующего от исходной принадлежности к наиболее распространённой автохтонной религии и обращение в религию инокультурного происхождения. Мы же в своих исследованиях не разделяем эти понятия и в категориальном плане применяем понятие «прозелитизм», поскольку считаем, что любой выход за пределы своей религиозной общины предполагает экзистенциальные отличия от предыдущей религиозной практики, и потому нет существенного значения, вышел ли неофит из конфессии полностью или остался в ее русле, но уже в качестве представителя иного ее направления.

Весьма показательны примеры прозелитизма, связанного не только со сменой культурологического «облика» целых регионов, но и с сопутствующими этому экономическими издержками у местных народов, кризисом власти, закладыванием этнокультурной «бомбы» на отдаленную перспективу и т.д. Например, христианизация Индии, которая, по мнению Н.Б. Дёмченко, «не только не привела к обещанному решению проблемы кастового неравенства, но и способствовала еще большему расслоению населения (теперь и по религиозному признаку) и уничтожению самобытной культуры, а также стала причиной многочисленных межконфессиональных конфликтов между христианской и индуистской общинами страны, продолжающихся до сих пор» [2, с. 10].

Сама возможность прозелитизма зависит от характера религии. Так, например, то же христианство, распространяемое в Индии, а в последующем и ислам (в северных провинциях Индостана,

вошедших в последующем в Пакистан) активно поддерживают «положительное сальдо» прозелитизма, всячески ему способствуя. И в то же время традиционные религии Востока (буддизм и т.д.) ограниченно допускают его преимущественно в форме религиозного синкретизма. А представители так называемых этноцентрических религий (иудаисты, друзы, зороастрийцы, йезиды и др.) не приемлют, не одобряют прозелитизм вообще.

Несомненно, в любой религиозной системе этические нормы не поддерживают попытки принуждения адептов к смене религиозной идентичности. Ислам в этом отношении не является исключением. «Нет принуждения в религии», – гласит аят 256 суры 1 (далее – а. 256, с. 1). Коран оставляет за человеком право внутреннего осознанного выбора: «Кто хочет, тот уверует (в Него) / Кто хочет, тот останется неверным» (а. 29, с. 18). А далее данное положение раскрывается через суру 95 Корана: «Наставляй же людей, если напоминание принесет пользу, воспримет его тот, кто страшится, и уклонится от него самый несчастный». При этом сам религиозный выбор немислим без «отчуждения человеческой сущности» (здесь мы пользуемся терминологией Л. Фейербаха), а по Корану, «отчуждение» сопровождается принятием знания, смысл которого может быть даже до конца не ясен непосвященному, но требующего покорной терпеливости вплоть до раскрытия самого замысла вещей: «И Я тогда вам сообщу, / Всю (суть) того, что вы творили» (а. 15, с. 18). По этому поводу в суре 31 упоминается притча об убийстве путником молодого человека в присутствии Мусы, чем вызвал у последнего замешательство. Однако по завершении пути содеянное объясняется тем, что молодой человек нес в себе опасность правоверным родителям: «...Мы хотели, чтоб Господь их / Дал им взамен другого (сына)» (а. 81, с. 18).

При этом Коран прямо не выделяет в отдельные категории тех, кто находится в лоне ислама, но переходит в иное религиозно-правовое течение, и тех, кто относится к категории «неверующие из людей Писания и многобожников». Данное упоминание атеистов и многобожников можно встретить, к примеру, в аяте 1, суры 98 «аль-Баййина» (Ясное знамение) Корана. Причем под многобожниками понимаются не только язычники, поклоняющиеся целому пантеону богов, но и те, кто «приобщает сотоварищей» к Всевышнему, возвышает на Его уровень духов (джиннов). Коран объединяет в категорию неверующих и растолковывает в суре 109 «аль-Кафирун» (Неверующие) как тех, кто не признает Аллаха, так и тех, кто совершает религиозные ритуалы иначе, чем это

предписано: «Скажи: “О неверующие! / Я не поклоняюсь тому, чему поклоняетесь вы, / а вы не поклоняетесь Тому, Кому поклоняюсь я. / Я не поклоняюсь так, как поклоняетесь вы (или тому, чему поклоняетесь вы), / а вы не поклоняетесь так, как поклоняюсь я (или Тому, Кому поклоняюсь я). / У вас есть ваша религия, а у меня – моя!”».

Исходя из этого, любое отклонение даже в религиозных ритуалах может трактоваться как выход за пределы традиционного понимания религии. Как в случае, приведенном в одном из интервью, когда некие дагестанцы, прибывшие в Ингушетию по делам, зашли в местную мечеть помолиться. Произнося молитву, они поднимали руки кверху и были приняты местными прихожанами за ваххабитов, поскольку ингуши подобное у себя не практикуют [1].

Примечательно, что в Сунне отражается понимание опасности самой миссионерской деятельности и дается упоминание о прозелитизме. По одной из версий, когда Мухаммед и Хадиджа молились, маленький Али увидел это и спросил: «Что вы делаете?» Пророк призвал его к вере в Аллаха и попросил сохранить весь разговор в тайне, не желая раньше времени распространять сведения о новой вере. Нечто подобное можно обнаружить и в Коране. В частности, в суре 18 записано: «...пошлите в город одного из вас / С деньгами, что при вас (остались) / Но чтобы вел себя он скромно / И никому о вас не сообщал. / Ведь если обнаружат они вас, / То забросают вас камнями / Или принудят веру их принять, – / Тогда вам никогда не знать Господней благодати». Не менее осторожны суры и в вопросах взаимоотношений между родителями и детьми – новообращёнными мусульманами. Религия не требует ухода из семьи по признаку религиозных разногласий, как это делают некоторые секты: «Но если они (родители. – К.С.) будут добиваться, / Чтобы ты Мне соучастников придал, / О чём тебе (из Откровений) неизвестно, / Не повинуйся им, / Но соучаствуй с ними в добром в этом мире» (а. 15, с. 31).

В то же время существует система предупреждений для удерживания мусульманина в пределах своей конфессии. Как, например, сура 20 «Та-ха»: «Пусть не отворачивает тебя от Него тот, кто не верует в Него и потекает своим желанием, а не то ты погибнешь» (а. 16), «будет наказание для тех, / Кто Его ложью наречёт и отвернется» (а. 48). В Коране неверующие называются самыми несчастными из всех людей, причем таковыми (неверующими) считаются не только те, кто так и не принял ислам, но и те,

кто отрицает Судный День, божественные знамения, а также «те, которые усердствуют против знамений... Пытаясь (всеми силами) ослабить их» (а. 5, с. 34). За всеми этими деяниями следует не только традиционное для монотеистической религии попадание в ад, но и наказание в виде забвения, прижизненных материальных тягот и т.д.

Понимая, какую опасность для общества представляет прозелитизм, в разные времена разные социальные системы пытались по-своему решить эту проблему. Например, в Российской империи в «Уложении о наказании» предусматривались исключительные права православного миссионерства и система наказаний за прозелитизм. Уголовное наказание наступало за отвлечение и совращение людей из православной в другую веру, из христианской в нехристианскую, воспрепятствование воспитанию детей в православной или христианской вере, распространение ересей, расколов и т.д. В современный период к постоянным систематическим нарушителям религиозных свобод относят большей частью мусульманские государства: Саудовскую Аравию, Пакистан, Афганистан, Иран. В этом же списке есть и Китай с Северной Кореей, однако здесь это связано больше с антирелигиозной идеологией самого государства в целом, поскольку эти страны являются коммунистическими.

Во многих странах предупредить прозелитизм стремятся законодательно. В Исламской Республике Иран запрещается переход из одной религии в другую, что приравнивается к государственной измене и может служить основанием даже для вынесения смертного приговора. В апреле 2010 г. к ст. 19 Конституции Исламской Республики Пакистан была принята 18-я поправка, по которой должность Премьер-министра доступна лишь для мусульманина. В этой же стране каждый мусульманин обязан в своем заявлении на получение паспорта торжественно заявить, что он не признает «никого, кто провозглашает себя Пророком в любом смысле слова и в любом понимании, после Мухаммеда (мир ему) и не признает мусульманином никого, кто провозглашает себя Пророком или религиозным реформатором», и он считает «Мирзу Гулама Ахмада Кадияни самозванным наби, а его последователей, принадлежащих к лахорской или кадианитской группе, немусульманами».

На Мальдивских островах немусульмане не могут получить мальдивское гражданство согласно ст. 2 Закона о гражданстве. 19 ноября 2007 г. здесь была принята поправка к Конституции

страны, предусматривающая требования ко всем гражданам Мальдивских Островов быть мусульманами. То же можно обнаружить и в Саудовской Аравии, кроме того, в стране разрешена лишь деятельность мечетей [3]. Например, в марте 2009 г. три индийца-христианина были задержаны после проведения частного религиозного собрания в Восточной провинции, во время которого была совершена облава сотрудниками Комиссии по поощрению добродетели и предотвращению греха. Эти сотрудники, как сообщается, конфисковали религиозные материалы. Трех задержанных индийцев-христиан отпустили через несколько дней.

Примечательно, что в Коране допускаются столь жесткие меры по преодолению прозелитизма. В частности, в суре 71 упоминается обращение Нуха к Всевышнему: «О мой Господь! / Не сохрани на сей земле / Ни одного неверного под кровом. / Коль Ты оставишь хоть кого-нибудь из них, / Они в Твоих служителях посеют смуту, / И никого не смогут породить, / Кроме неверных и распутных».

В Северной Африке государства также стремятся сохранить свой этноконфессиональный облик, однако причина там несколько иная и связана, по наблюдениям экспертов, с так называемым «христианским бумом» – по данным на 2008 г., в христианство там перешло 5 млн мусульман. Сегодня достаточно сложно выявить достоверные цифры перехода из мусульманства в иную конфессию и, наоборот, перехода в мусульманство, поскольку подобные сведения могут носить идеологический характер и зачастую преувеличиваются. К примеру, в послереволюционном Египте на рынке вакансий, особенно в социальной сфере, интересуются не только именем соискателя, но и именами близких родственников, и если в них не упоминается Мухаммед, тогда их идентифицируют как христиан и могут отказать в приеме на работу. В Алжире в марте 2006 г. был принят закон, по которому виновные в прозелитизме подвергаются наказанию в административном и уголовном порядке, лишением свободы на срок от 2 до 5 лет или штрафом от полумиллиона до 1 млн динар (от 50 тыс. долл. до 100 тыс. долл. США) [9].

Однако нельзя сказать, что столь жесткие меры характерны только для мусульманских государств. Так, например, мусульмане не могут получить гражданство в Японии, продолжительное время находиться на ее территории, там нет ни одного посольства из арабских стран, а мусульманский прозелитизм уголовно наказуем. В Швейцарии для получения гражданства необходимо пройти

местный референдум, и чаще всего отказывают именно мусульманам. В Турции официально запрещено ношение хиджабов в учебных заведениях. И таких примеров достаточно много.

И все же наиболее болезненно воспринимается нами обстановка в сфере прозелитизма на мусульманском постсоветском пространстве, которая рассматривается в качестве каузального дестабилизирующего фактора. В бывших среднеазиатских республиках, как и в Дагестане, линия разногласий проходит между так называемыми традиционалистами и исламскими фундаменталистами. Причем методы пропаганды применяются самые разные, не только через традиционные видео- и аудионосители или агитацию среди друзей и родственников. В Киргизии практикуется открытая пропаганда в общественных местах, как, например, во время бесплатной раздачи плова и подарков для детей 10 января 2006 г. на празднике «Курбан айта» в г. Ош, или проведение лотереи на розыгрыш автомобиля (29 декабря 2007 г.), которые организовывались членами запрещённой в республике экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир» и завершились массовыми беспорядками в городе. Еще одним характерным эпизодом является захват строящейся мечети в г. Ош лидером дааватистов «Таблиг жамаат» с 50 соратниками, который провозгласил себя ее имамом хатибом. В результате муфтию Киргизстана оставалось лишь подтвердить данный статус [5, с. 140–141].

Повышенная активность религиозных организаций вынудила правительство Киргизстана издать в 2008 г. в новой редакции Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в КР». В нем в п. 4 ст. 5 введено понятие «прозелитизм» для установления запрета на «настойчивые действия, направленные на обращение верующих одних конфессий в другие». Главным недостатком этого документа является то, что в нем никак не растолковывается само понятие «настойчивости» и потому его интерпретация сугубо субъективна, хотя именно за «настойчивость» лица, виновные в обращении в другую веру, несут ответственность [4, с. 54].

В Азербайджане 30 июня 2009 г. Милли Меджлис республики утвердил поправки к Закону о свободе вероисповедания. Статья 21 гласит, что «исламские религиозные обряды и церемонии должны проводиться только гражданами Азербайджанской Республики, получившими образование в Азербайджанской Республике». Однако самыми жёсткими законами о религии на всем постсоветском пространстве являются законы, принятые в Узбеки-

стане и Туркменистане. Правительства Туркменистана и Узбекистана в целом не вмешиваются в религиозную практику верующих, осуществляемую в официально разрешенных мечетях, и декларируют в статьях Конституции свободу вероисповедания, однако на практике эти свободы распространяются лишь на зарегистрированные религиозные организации. Для регистрации религиозная организация в Узбекистане должна передать в местное отделение Минюста список по крайней мере, 100 своих членов, а в Туркменистане – 500 (для сравнения, в соседнем Казахстане – 10 человек) в каждой местности, где регистрируется организация. В результате здесь функционируют только мусульманская суннитская религиозная организация и православная церковь, все остальные преследуются государством [14, с 31].

В Узбекистане закон запрещает религиозным группам подготовку религиозных деятелей, если отсутствует зарегистрированный центральный административный орган. Подобная регистрация возможна, если религиозная группа имеет представительства в 8 из 13 областей республики, что достаточно затруднительно для большинства религиозных меньшинств. В обоих государствах Закон допускает религиозное обучение только в официально разрешенных религиозных школах, где работают утвержденные государством преподаватели; запрещает частное религиозное обучение, прозелитизм и преподавание религиозных дисциплин в средних школах, а также отправление религиозных ритуалов в незарегистрированных религиозных организациях; не разрешает ношение «культовой одежды» в общественных местах всем, кроме тех, кто «служит в религиозных организациях».

В Туркменистане сегодня действует единственное богословское учебное заведение, которое ежегодно выпускает лишь 15 богословов. И даже те религиозные организации, которые соблюдают все нормативные предписания, находятся под пристальным контролем государства. Так, известен случай, когда в Узбекистане 3 января 2010 г. должностные лица прервали проходившее в частном доме в Янгиюльском районе Ташкентской области празднование Рождества членами зарегистрированной протестантской церкви Полного Евангелия. Должностные лица рассудили, что, хотя церковь зарегистрирована в этом районе, собрание не было зафиксировано в селе, где состоялось празднование. За нарушение действующего законодательства УК Узбекистана предусматривает санкции от высоких штрафов до тюремного срока от 3 до 20 лет [8].

Для сравнения: в Казахстане максимальный штраф за руководство незарегистрированной религиозной организацией – 973 долл. Казахстан более либерален. Здесь ДУМ не только является основным координатором паломнических поездок, но и предоставляет разрешение туристическим агентствам на оказание услуг гражданам в совершении хаджа, чего нет в Дагестане.

Для нас очевидно, что межконфессиональные отношения на мусульманском постсоветском пространстве, проецируемые расколовшейся мусульманской религиозной организацией, проходят начальный этап своего развития – стадию вражды и взаимных обвинений в нарушении религиозных канонов. Если следовать логике А.К. Погасия, показавшего на примере протестантизма, православия и лютеранства этапы развития межрелигиозных отношений, можно предположить, что следующим в этих сложных исторических перипетиях станет этап поиска точек соприкосновения, возможный при широком распространении идей новой религии в обособившихся больших социальных группах. И завершающим этапом станет, следуя всё той же логике, наступление стадии «понимания и даже сотрудничества» [7, с. 110].

Потому, как нам представляется, урегулирование межконфессионального спора и взаимных обвинений в прозелитизме даже внутри единой мусульманской религиозной организации, а также нивелирование острых моментов этого процесса в пределах конкретного общества возможны двумя способами. С одной стороны, это попытки сдерживать распространение прозелитизма, увеличение числа его сторонников, и преодоления религиозной гетерогенности общества. С другой, при упущенных возможностях, по прошествии длительного времени и развития самого богословского знания, способного «подкрепить» веру адептов, необходимы социализация и встраивание новой религиозной общины в социальную систему. Последний вариант, если учитывать обстановку в Дагестане, более вероятен.

Литература

1. Войны в Дагестане не будет. Юнус-Бек Евкуров – «Черновику» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/017227.shtml>
2. Дёмченко Н.Б. Взгляды Жюля Моншанена как попытка инкультурации христианства в Индии // Религиоведение. – 2010. – № 3.
3. Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости Гиту Муйгаи / Генеральная Ассамблея ООН. 15-я сессия Совета по правам челове-

- ка. 12.07.2010 // http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/15session/A.HRC.15.53_ru.pdf
4. Кабак Д., Эсенгельдиев А. Свобода вероисповедания в Киргизской Республике: Обзор правового обеспечения и практики. – Бишкек: 2011.
  5. Козукулов Т.А. Современные проблемы религиозно-политической жизни на юге Киргизстана // Религиоведение. – 2009. – № 1.
  6. Коран / Пер. смыслов и коммент. И. Пороховой. – М., 1999.
  7. Погасий А.К. Религиозные разделения и межконфессиональные понимания // Религиоведение. – 2009. – № 2.
  8. Ситуация со свободой вероисповедания в Узбекистане. // <http://www.fergananews.com/article.php?id=6807>
  9. Свобода вероисповедания и прозелитизм на севере Африки // <http://www.rondon.org/relig-080701123419>
  10. Сосковец Л.И. Религия и церковь в постсоветское время: Тенденции и противоречия – Томск, 2003.
  11. Смирнов М.Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2008. – Т. 9, № 2.
  12. Религиозные лидеры России высказались о разнице между проповедью и прозелитизмом // <http://www.religare.ru/230826.html>
  13. Тарапанова Е.А. Проблема взаимоотношений религий в цивилизационном развитии народов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5.
  14. Трещины в мраморе: Нестабильная диктатура Туркменистана / Доклад МГПК по Азии № 44. Ош-Брюссель. 2003 // <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/centralasia/Russian%20translations/044%20%20Cracks%20in%20the%20Marble%20%20Turkmenistans%20%20Russian%20044>
  15. Яхьяев М.Я. Фанатизм и терроризм: Общее и особенное // Исламоведение. – 2010. – № 4.

*«Исламоведение»,
Махачкала, 2013 г., № 1, с. 75–83.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 2 (260)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/I-2014 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 300 экз. Заказ № 22

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9